

мир приключений и тайн

О. Генри

# ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ



## Annotation

В книгу вошли рассказы известного американского писателя О. Генри, признанного мастера новелл с неожиданными развязками. В его историях неиссякаемое остроумие сочетается с тонкой наблюдательностью и любовью к людям. Герои благородны и романтичны, изобретательны и находчивы, оптимистичны и жизнелюбивы и находят выход из любой ситуации!

---

- [О. Генри](#)
  - 
  - [Арестант № 34 627](#)
  - [Из сборника «Благородный жулик»](#)
    - [Персональный магнетизм](#)
    - [Трест, который лопнул](#)
    - [Деревенские забавы](#)
    - [Кафедра филантроматематики](#)
    - [Рука, терзающая мир](#)
    - [Супружество как точная наука](#)
    - [Стриженный вол](#)
    - [Совесь и искусство](#)
    - [Кто впереди?](#)
    - [Поросычья этика](#)
  - [Рассказы](#)
    - [Персики](#)
    - [Родственные души](#)
    - [Пока ждет автомобиль](#)
    - [Погребок и роза](#)
    - [Пимиентские блинчики](#)
    - [Принцесса и пума](#)
    - [Вождь краснокожих](#)
    - [Формальный подход](#)
    - [Дороги, которые мы выбираем](#)
    - [Последний лист](#)
    - [Дары волхвов](#)
    - [Превращение Джимми Валентайна](#)
    - [Русские соболя](#)

- [Новая сказка Шахерезады](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
-

# **О. Генри**

## **Вождь краснокожих**

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

\* \* \*



## Арестант № 34 627

История мировой литературы знает не так уж много имен подлинных мастеров короткого рассказа. Среди них такие прославленные имена, как Антон Чехов, Акутагава Рюноскэ, Орасио Кирога, Стивен Кинг, сюда же с полным правом причисляют и Уильяма Сидни Портера, избравшего для себя литературный псевдоним О. Генри (1862–1910).

Короткий рассказ – это вовсе не малозначительный литературный жанр, наоборот: многие авторы пробовали себя в нем, но мало кому удавалось добиться успеха. Несколько страничек, вмещающие в себя коллизии целой жизни, с выпукло очерченными героями и яркими характерами, с тонким юмором и глубокими чувствами, полные неожиданностей и сюжетного остроумия, – это «высший пилотаж» литературы, отточенное мастерство, точная и правдивая передача реальности, простота и блеск стиля, что называется, «в одном флаконе».

Что касается знания жизни, то Биллу Портеру его было не занимать. За неполные 48 лет, насыщенных драматическими событиями, он повидал и пережил все, что судьба могла уготовить человеку из низов в Америке конца XIX в. Осиротевший в три года, он воспитывался под опекой тетки по отцу, учился, чтобы стать фармацевтом, и одновременно работал в аптеке, которой владел его дядя. А спустя несколько лет будущий писатель отправился в Техас, где перепробовал множество профессий и занятий: работал на ранчо, служил в земельном управлении, был кассиром и счетоводом в банке. В 1894 г. Портер начал издавать в тexasском городе Остин юмористический еженедельник «Роллинг Стоун», почти полностью заполняя его страницы собственными очерками, миниатюрами, шутками, стихами и даже рисунками. Журнал просуществовал всего год, а затем произошло событие, которое коренным образом изменило жизнь его издателя.

В банке, где по-прежнему работал Билли Портер, обнаружилась недостача. Дело было накануне ревизии, и искать подлинного виновника было уже некогда. Стало ясно, что всю вину возложат на кассира. Билли не стал дожидаться обвинений и предпочел скрыться, оставив в Остине молодую жену. Сначала он переезжал из города в город, прячась под вымышленными именами, а затем махнул через мексиканскую границу.

Так начались его скитания по Центральной и Южной Америке, где Портер оказался среди янки-авантюристов, промышлявших различными

сомнительными способами среди доверчивых туземцев. В 1898 г. его догнало известие о тяжелой болезни жены, и он без промедления вернулся в США. К несчастью, жена уже умерла, и не успел умолкнуть голос священника, который вел заупокойную службу, как Портер был арестован, осужден и препровожден в тюрьму города Коламбус (штат Огайо), где и провел следующие три года как заключенный № 34 627.

В тюрьме Уильям Портер работал в лазарете и тюремной аптеке, тогда же он начал писать рассказы – совсем иного содержания, чем те, что когда-то печатались в его журнале: тонкие, пронизанные грустной иронией, с неожиданными развязками. Их героями стали те, с кем он жил бок о бок, – люди американского дна, бродяги, жулики, мошенники и мелкие гангстеры. Первый из этих рассказов – «Рождественский подарок Дика-Свистуна» – был опубликован в популярном журнале «Мак-Клюэрс Мэгезин» в 1899 г. под псевдонимом О. Генри. Подлинное имя автора осталось неизвестным редакции, а гонорар за рассказ, полученный заключенным, был истрачен на рождественский подарок его единственной дочери, воспитывавшейся у дальних родственников.

Однако судьба готовила писателю новый сюрприз – на сей раз куда более приятный. Читатели заметили нового автора, и уже к моменту выхода на волю таинственный О. Генри, присылавший свои рассказы в редакции через третьих лиц, пользовался известностью, а издатели буквально охотились за ним. Но еще в течение двух лет он оставался в тени и лишь в 1903 г. приехал в Нью-Йорк, где один из крупных журналов предложил ему контракт – писать по рассказу в неделю.

Так перестал существовать арестант № 34 627, он же Уильям Сидни Портер, и родился выдающийся американский писатель О. Генри.

Его литературное наследие составляет 18 томов – это 273 рассказа и роман «Короли и капуста». Незадолго до смерти от тяжелой болезни сам О. Генри утверждал: «Все, что я писал до сих пор, это просто баловство, проба пера, по сравнению с тем, что я напишу через год». И эта самооценка оказалась совершенно неверной: свое исключительное место в истории литературы начала XX в. писатель занял как блистательный мастер «малого» жанра, создатель уникальных сюжетов, великолепных диалогов и неожиданных финалов, в которых зазвучали голоса всей Америки – от миллионеров и политиков до прачек, мелких спекулянтов и клерков. Но главное в этих рассказах даже не сюжеты, а теплота и подлинная человечность, которые чувствуются буквально в каждой строчке, вышедшей из-под его пера.





**Из сборника «Благородный жулик»**



## Персональный магнетизм

Джефф Питерс владел самыми разнообразными способами добывания денег. Их у него имелось примерно столько же, сколько в Южной Каролине рецептов блюд из риса.

Мне нравилось слушать его рассказы о тех временах, когда он был молод, торговал вразнос мазями от ревматизма и порошками от кашля, голодал и порой ставил на кон последний медяк, чтобы сыграть в кости с судьбой.

– Заявился я как-то в поселок Фишермен Хилл в Арканзасе, – рассказывал он. – Были на мне штаны из оленьей замши, мокасины, длинные волосы, а на пальце – перстень с брильянтом размером с лесной орех, который я получил от одного актера в Тексаркане в обмен на перочинный ножик.

В ту пору я звался доктором Вуф-Ху, знаменитым индейским знахарем и целителем, и в руках у меня не было ничего стоящего, кроме одного снадобья – «Воскрешающей настойки». Состояла она из трав, будто бы открытых супругой вождя племени чокто по имени Та-ква-ла. Красавица собирала зелень, чтобы украсить традиционное блюдо, подаваемое во время праздника Кукурузы, – и наткнулась на эту траву.

В городишке, где я побывал до того, дела шли хуже некуда: у меня оставалось каких-то пять долларов. Поэтому, прибыв в Фишермен Хилл, я отправился в аптеку и взял займы сотню склянок. Этикетки и прочие припасы лежали у меня в чемодане. Я снял номер в гостинице, где имелись раковина и кран, и вскоре склянки с «Воскрешающей настойкой» начали выстраиваться передо мной на столе. Жизнь снова показалась мне вполне приемлемой.

Жульничество? Ни в коем случае, сэр. Ведь там была не только вода. Я честно добавил в нее хинина на два доллара и на десять центов безвредного красителя. Спустя много лет, когда я снова побывал в тех краях, люди досаждали мне просьбами продать им еще порцию-другую волшебного средства.

Ближе к вечеру я раздобыл тележку, выкатил ее на Мэйн-стрит и приступил к торговле. Надо вам знать, сэр, что Фишермен Хилл расположен в болотистой и крайне нездоровой местности. Оттого и настойка моя шла бойко, как сэндвичи с ветчиной на вегетарианском обеде. Я успел распродать дюжины две склянок по полдоллара за штуку, как вдруг

почувствовал, что кто-то тянет меня сзади за полу.

Мне ли не знать, что это означает! Недолго думая, я сунул бумажку в пять долларов в лапу субъекту с серебряной звездой на груди.

– Шериф<sup>[1]</sup>, – говорю, – чудный нынче выдался вечерок!

А он в ответ:

– Имеется ли у вас патент городских властей на право продажи отравы, которую вы нахально зовете лекарством?

– Нет, разумеется, – говорю я, – так ведь я и не знал, что это город. Раз так – завтра же позабочусь о патенте.

– Ну а пока я вынужден прикрыть вашу коммерцию, – заявляет полисмен.

Я свернул торговлю, а по возвращении в гостиницу рассказал ее хозяину о том, что случилось.

– Да уж, – говорит он. – Тут у нас развернуться вам не дадут. А знаете почему? Зять мэра доктор Хэскинс – единственный врач на весь город, и мэр не допустит, чтобы какой-то самозванец отбивал у него пациентов.

– Так ведь я же не занимаюсь медициной, – говорю. – У меня разрешение от правительства штата на розничную торговлю, а когда местные власти требуют особый патент, я просто плачу за него, и все.

Наутро я отправляюсь в офис мэра, но мне говорят, что он еще не появлялся и когда появится – совершенно неизвестно. Так что доктору Вуф-Ху приходится снова вернуться в гостиницу, усесться поудобнее, раскурить сигару и ждать.

Вскоре подсаживается ко мне молодой человек приятной наружности в синем галстуке и живо интересуется, который час.

– Половина одиннадцатого, – отвечаю, – а вы – Энди Таккер. Мне известны кое-какие из ваших делишек. Например, «Универсальная посылка Купидона», которой вы пробавлялись на Юге. Дайте припомнить, что там было... Ага, кольцо для помолвки с перуанским брильянтом, обручальное кольцо, терка для картофеля, флакон успокаивающих капель и портрет Дороти Вернон<sup>[2]</sup>. Все вместе – полдоллара.

Энди был польщен. Талантливый мошенник, он относился к своему ремеслу с уважением и ограничивался тремястами процентами чистой прибыли. Ему не раз предлагали перейти на контрабанду или торговлю наркотиками, но еще никому не удавалось сбить его с толку.

Мне как раз требовался компаньон. Мы переговорили и быстро пришли к решению поработать в паре. Я поведал о положении дел в Фишермен Хилл и о трудностях в торговой политике ввиду вторжения в

нее местной касторки.

Энди прибыл с утренним поездом и еще не успел толком осмотреться. Его дела тоже шли не блестяще, оттого он и намеревался начать здесь сбор пожертвований на постройку нового броненосца в городе Эврика-Спрингс, который, как хорошо всем известно, расположен в пятистах милях от ближайшего побережья. Словом, нам было о чем серьезно потолковать, и мы отправились прогуляться...

На следующий день в одиннадцать утра, когда я сидел в номере, ломая голову, как подступиться к городским властям, является ко мне какой-то чернокожий с просьбой, чтобы знаменитый индейский доктор пожаловал к судье Бэнксу – тот внезапно тяжело захворал. Заодно выясняется, что мистер Бэнкс не только судья, но и исполняет обязанности мэра.

– Я не доктор, – отвечаю я этому дядюшке Тому, – почему бы вам не позвать настоящего доктора?

– Ах, сэр, – гнет свое чернокожий, – доктор Хэскинс уехал из города за двадцать миль<sup>[3]</sup>... его вызвали к больному. Другого врача здесь нет, а судья Бэнкс плох, очень плох... Пожалуйста, не отказывайтесь, а не то не сносить мне головы.

– Как добрый христианин, я, пожалуй, готов повидаться с мистером Бэнксом, – говорю я, кладу в карман флакон «Воскрешающей настойки» и направляюсь к особняку мэра. Отличный дом: мансарда, черепичная кровля, сад и две чугунные собаки на лужайке перед входом.

Мэра Бэнкса я застаю в постели; из-под простыни торчат только растрепанные бакенбарды да пятки. При этом он издает такие звуки, что, будь это в Сан-Франциско, я бы решил, что снова началось землетрясение. У постели больного топчется молодой человек с чашкой воды в руках.

– Доктор, – лепечет мэр, – я невыносимо страдаю... Часы мои сочтены. Не могли бы вы хоть чем-нибудь облегчить мои мучения?



— Я не могу назвать себя верным учеником Гиппократа.  
Я пришел просто... выразить сочувствие.  
(Персональный магнетизм)

— Сэр, — говорю, — я не могу назвать себя верным учеником Гиппократа. Я не изучал медицину в университете и пришел просто как человек к человеку выразить сочувствие.

— Я глубоко признателен вам, — отвечает больной. — Доктор Вуф-Ху, это

мой племянник, мистер Бидл... Он пытался помочь мне, но безуспешно. О Господи! А-а-а!.. – внезапно завопил он.

Кивнув мистеру Бидлу, я присаживаюсь и пытаюсь нащупать пульс больного.

– Позвольте взглянуть на ваш язык, – говорю я ему, а затем оттягиваю веко и обстоятельно исследую глазное яблоко. – Когда это началось? – спрашиваю сурово.

– Меня схватило... ох, ох... вчера вечером, – отвечает мэр. – Дайте же мне наконец чего-нибудь, доктор, спасите ближнего!

– Мистер Фидл, – говорю я, – приподнимите-ка штору на окне!

– Не Фидл, а Бидл, – поправляет меня молодой человек.

– Сэр, – говорю я, приложив ухо к спине больного и якобы прислушиваясь, – вы подхватили крайне серьезное супервоспаление клавикулы эпикордиала.

– Господи праведный! – стонет он, – нельзя ли что-нибудь втереть, вправить или вообще что-нибудь?

Я беру шляпу, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

– Куда же вы? – голосит мэр. – Не бросите же вы меня умирать от этих эпикордиалов?

– Только из сострадания к ближнему, – встречается этот Бидл, – вы не должны покидать больного, доктор Хуа-Хо...

– Вуф-Ху, – поправляю я, возвратившись к больному.

– Мистер Бэнкс, – говорю, – у вас остался один шанс. Лекарства уже не помогут. Но существует сила, которая стоит всех аптекарских снадобий вместе взятых, хотя ее использование обходится недешево.

– Что же это за сила? – спрашивает он.

– Пролегомены<sup>[4]</sup> науки, – отвечаю я. – Победа разума над лакрицей и сарсапариллой<sup>[5]</sup>. Твердая вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем воображении, а вернее – в нашем подсознании! И я могу вам это продемонстрировать!

– О каких таких пролегоменах вы толкуете, доктор? – хрипит мэр. – Вы, случайно, не анархист?

– Я говорю о великой доктрине психического воздействия, о самом передовом методе лечения всех болезней – от абсурда до менингита, о поразительном явлении, известном как персональный магнетизм.

– И вы, значит, способны это проделать, доктор? – спрашивает мистер Бэнкс.

– Я один из членов синедриона<sup>[6]</sup> Внутреннего Храма, – говорю я. –

Хромые начинают говорить, а слепые ходить, как только я начинаю свои пассы<sup>[7]</sup>. Я – известный медиум и гипнотизер. На сеансах в Анн-Арбор только при моем посредстве покойный председатель тамошнего акционерного общества «Лесоторговля Морли» мог возвращаться на Землю для бесед со своей сестрой Джейн. И хотя в настоящее время я продаю лекарства для бедных и не занимаюсь магнетической практикой, на то есть причина: я не желаю унижать свое высокое искусство грошовой оплатой – много ли возьмешь с бедноты!

– Возьметесь ли вы вылечить меня магнетизмом? – спрашивает мэр.

– Сэр, – говорю я, – повсюду, где мне случается бывать, я сталкиваюсь с затруднениями со стороны официальной медицины. Поэтому я не занимаюсь практикой, но ради спасения человеческой жизни... Пожалуй, я рискну, но при одном условии: вы, как мэр, не станете обращать внимания на отсутствие у меня патента.

– О чем речь! – говорит он. – Только приступайте поскорее, доктор. Я чувствую, как снова начинается приступ жестоких болей!

– Мой гонорар составляет двести пятьдесят долларов, – говорю я, – излечение потребует двух сеансов.

– Отлично, – говорит мэр, – я готов заплатить. Моя жизнь стоит этих денег.

Я снова сел у изголовья кровати и принялся сверлить его взглядом.

– А сейчас, сэр, – сказал я, – постарайтесь отвлечься от вашей болезни. Вы совершенно здоровы. У вас нет ни сердца, ни суставов, ни желудка, ни печени – буквально ничего. Вы не испытываете ни малейшей боли. Признайтесь – ведь вы ошибались, считая себя больным. И вот боль, которой вы никогда не испытывали, улетучивается из вашего тела.

– Черт возьми, доктор, мне и в самом деле как будто легче, – говорит мэр. – Прошу вас – продолжайте врать, будто я здоров и у меня нет никакой опухоли в левом боку. Похоже, еще немного, и меня можно будет приподнять в постели и подавать завтрак.

Я, как сумел, сделал еще несколько магнетических пассов.

– Вот, – говорю, – воспаление пошло на убыль. И отек правой лопасти перигелия<sup>[8]</sup> заметно уменьшился... Теперь вас клонит ко сну. Ваши глаза слипаются. Течение болезни временно прервано. Спать!..

Тут мэр закатывает глаза, опускает веки и начинает храпеть.

– Обратите внимание, мистер Тидл, – говорю я, – на что способна современная наука.

– Бидл, – поправляет меня он. – Когда же состоится второй сеанс для



окончательного исцеления дядюшки, доктор Ху-Пу?

– Вуф-Ху, – в свою очередь поправляю я. – Завтра в одиннадцать утра. Когда мистер Бэнкс проснется, дайте ему выпить восемь капель скипидара на стакан воды и два фунта<sup>[9]</sup> доброго бифштекса.

С этим я и откланялся.

На следующее утро я прибыл точно в назначенное время.

– Ну, что, мистер Ридл, – осведомился я по пути в спальню, – как себя чувствует ваш дядюшка?

– Мне кажется, ему заметно полегчало, – отвечает молодой человек.

И действительно, цвет лица и пульс у мистера Бэнкса оказались в полном порядке. Я провел второй сеанс, после которого он объявил, что боли окончательно улетучились.

– Превосходно, – говорю я, – теперь вам следует денек-другой провести в постели, и вы будете полностью здоровы. Вам повезло, что я оказался в Фишермен Холл именно в это время, так как никакие средства, применяемые официальной медициной, уже не смогли бы вас спасти. Теперь же, когда окончательно доказано, что ваша болезнь – всего лишь результат самовнушения и не больше, поговорим о более приятных вещах – например, о моем гонораре. Сразу предупреждаю: чеки я не принимаю, только наличные.

– Разумеется, – мэр извлекает из-под подушки бумажник, отсчитывает пять пятидесятидолларовых бумажек, однако продолжает держать их в руке. – Бидл, – говорит он, – возьмите у доктора расписку в получении.

Я царапаю расписку, и мэр вручает мне деньги, которые я прячу в потайной карман.

– А теперь делайте свое дело, сержант, – произносит мэр, ухмыляясь, как вполне здоровый.

И мистер Бидл опускает руку мне на плечо:

– Вы арестованы, доктор Вуф-Ху, он же Джефф Питерс, – говорит он, – за незаконные занятия медициной в соответствии с законами этой страны.

– Кто вы такой? – потрясенно спрашиваю я.

– Я вам сейчас сообщу, – говорит мэр, усаживаясь на кровати без посторонней помощи. – Мистер Бидл – сыщик, работающий на Медицинское общество штата. Он шел по вашему следу в пяти округах и явился ко мне третьего дня с просьбой о помощи. Мы вместе разработали план, как взять вас с поличным. Думаю, отныне ваша шарлатанская практика в наших краях закончилась раз и навсегда, мистер проходимец. Ха! Какую бы болезнь вы ни нашли у меня, это точно не размягчение мозга!

– Вот оно что! – говорю я. – Значит, сыщик?

– Так точно, – отвечает Бидл. – И моя обязанность – без промедления сдать вас шерифу округа.

– Ну, это еще как сказать! – тут я хватаю этого Бидла за горло и едва не выбрасываю из окна.

Он, однако, выхватывает револьвер, сует ствол мне под челюсть, и мне ничего не остается, как уgomониться. Затем он защелкивает на моих запястьях наручники, обыскивает меня и извлекает из моего потайного кармана только что полученные деньги.

– Свидетельствую, – заявляет он, – что это те самые банкноты, номера которых мы с вами переписали, мистер Бэнкс. Я передам их шерифу, и он немедленно пришлет вам расписку. Они будут фигурировать в суде в качестве вещественного доказательства.

– Не возражаю, мистер Бидл, – ухмыляется мэр. – А вы, доктор Вуф-Ху, почему не воспользуетесь своим персональным магнетизмом, чтобы избавиться от наручников?

– Пошли, сержант, – говорю я, не теряя достоинства. – Делать, видно, нечего.

А уже в дверях поворачиваюсь к мистеру Бэнксу и, потрясая закованными руками перед собой, произношу:

– Что бы вы там ни говорили, сэр, а близко то время, когда вы сами убедитесь, что персональный магнетизм – огромная сила. Вы даже не представляете, насколько огромная. И она, так или иначе, победит.

Чистая, между прочим, правда, – магнетизм победил. Как только мы вышли за ворота, я говорю сыщику:

– А теперь, Энди, сними-ка с меня эти железяки, а то на нас прохожие таращатся...

Ну да, конечно, это был ни кто иной, как Энди Таккер. И весь этот спектакль был его изобретением.

Вот так мы и раздобыли деньжат на развитие совместного бизнеса.

## Трест, который лопнул

– Н-да, всякий трест имеет слабое место... – однажды задумчиво заметил Джефф Питерс.

– Довольно бессмысленное утверждение, – отозвался я, – вроде того, как сказать: «Все полисмены носят фуражки».

– Ничего подобного, – возмутился Джефф. – Между полисменом и трестом нет никакого сходства. То, что я сказал, – это, в каком-то смысле, квинтэссенция<sup>[10]</sup>. А суть ее в том, что трест хоть и похож на яйцо, но в то же время и не похож. Когда хочешь разбить яйцо, бьешь снаружи. А трест... его можно разрушить только изнутри. Сидишь себе мирно, а тем временем птенчик раз – и вдребезги разнесет всю скорлупу! Да, сэр, каждый трест носит в себе семена собственной гибели – как тот член республиканской партии, который решится выставить свою кандидатуру в губернаторы Техаса...

Я в шутку поинтересовался, не доводилось ли Джеффу на протяжении его пестрой, полосатой и клетчатой карьеры возглавлять предприятие, которое могло бы назваться трестом. И, к моему удивлению, он не отрекся от столь тяжкого греха.

– Только однажды, – с горечью признал он. – И еще никогда печать штата Нью-Джерси не скрепляла документ, который позволял бы более законным способом грабить ближних. Все было нам на руку – время, вода, ветер, полиция, полная монополия на ценный продукт, крайне необходимый потребителям. При этом ни один борец с монополизмом не сумел бы найти в нашей затее ни малейшего изъяна. В сравнении с ним нефтяные делишки Рокфеллера могли показаться керосиновой лавчонкой в захолустье. И все-таки мы обанкротились.

– Какие-нибудь неожиданные препятствия? – поинтересовался я.

– Нет, сэр. Все случилось именно так, как я уже сказал... Мы сами себя погубили. Чистой воды самоликвидация. Яблочко оказалось с гнильцой.

Я ведь уже рассказывал, что мы несколько лет подряд работали вместе с Энди Таккером. А он был мастер на всякие ухищрения и каждый доллар в руке у кого бы то ни было воспринимал как личное оскорбление, если не мог им завладеть. Вдобавок Энди имел образование, и полезных сведений в голове у него скопилась прорва. Он мог часами говорить на любую тему хоть с университетской кафедры. И не существовало такой аферы и

мошенничества, которые он бы не испробовал. Взять хотя бы его лекции о Палестине, которые Энди сопровождал демонстрацией снимков съезда закройщиков в Атлантик-Сити. Или поставки в Коннектикут целого океана поддельного спирта, добытого якобы из мускатных орехов...

Словом, однажды весной нам с Энди случилось побывать в Мексике, потому что один бизнесмен из Филадельфии заплатил нам две с половиной тысячи долларов за половину акций<sup>[11]</sup> серебряного рудника в Чиуауа... Да нет, рудник-то и в самом деле существовал, с этим все было в порядке. Вторая половина акций стоила как минимум двести или триста тысяч долларов, да только я и по сей день не знаю, кому на самом деле принадлежал тот рудник.

На обратном пути, уже в Соединенных Штатах, мы с Энди застряли в одном городишке в Техасе, на берегу Рио-Гранде. Назывался он Бердстаун, то есть Птичий Город, но обитали там далеко не птицы небесные. Две тысячи душ, в основной массе мужчины. Иные из них занимались скотом, иные – резались в карты, иные барышничали лошадьми, ну а прочие подрабатывали контрабандой. Мы поселились в гостинице, которая представляла собой нечто среднее между книжным шкафом и дырявой оранжереей, и едва устроились в номере, как хлынул дождь. Словно кто-то там, наверху, отвернул все краны.

Мы с Энди люди в общем-то непьющие, но в городе было три салуна, и все его жители день-деньской и добрую половину ночи перемещались в этом заколдованном треугольнике. Так что каждый здесь хорошо знал, как распорядиться своими деньгами.

На третий день дождь как будто начал стихать, и мы с Энди выбрались за город полюбоваться природой. Бердстаун лежит между Рио-Гранде и широкой ложбиной, по которой раньше протекала река. И теперь, когда река вздулась от дождей и, казалось, вот-вот выйдет из берегов, дамба, отделявшая ее от старого русла, держалась на честном слове.

Энди долго разглядывал эту дамбу. Все-таки у этого человека был живой ум. А потом, не сходя с того места, он выдал гениальную идею. Тут-то мы и основали трест, а потом вернулись в город и взялись за дело.

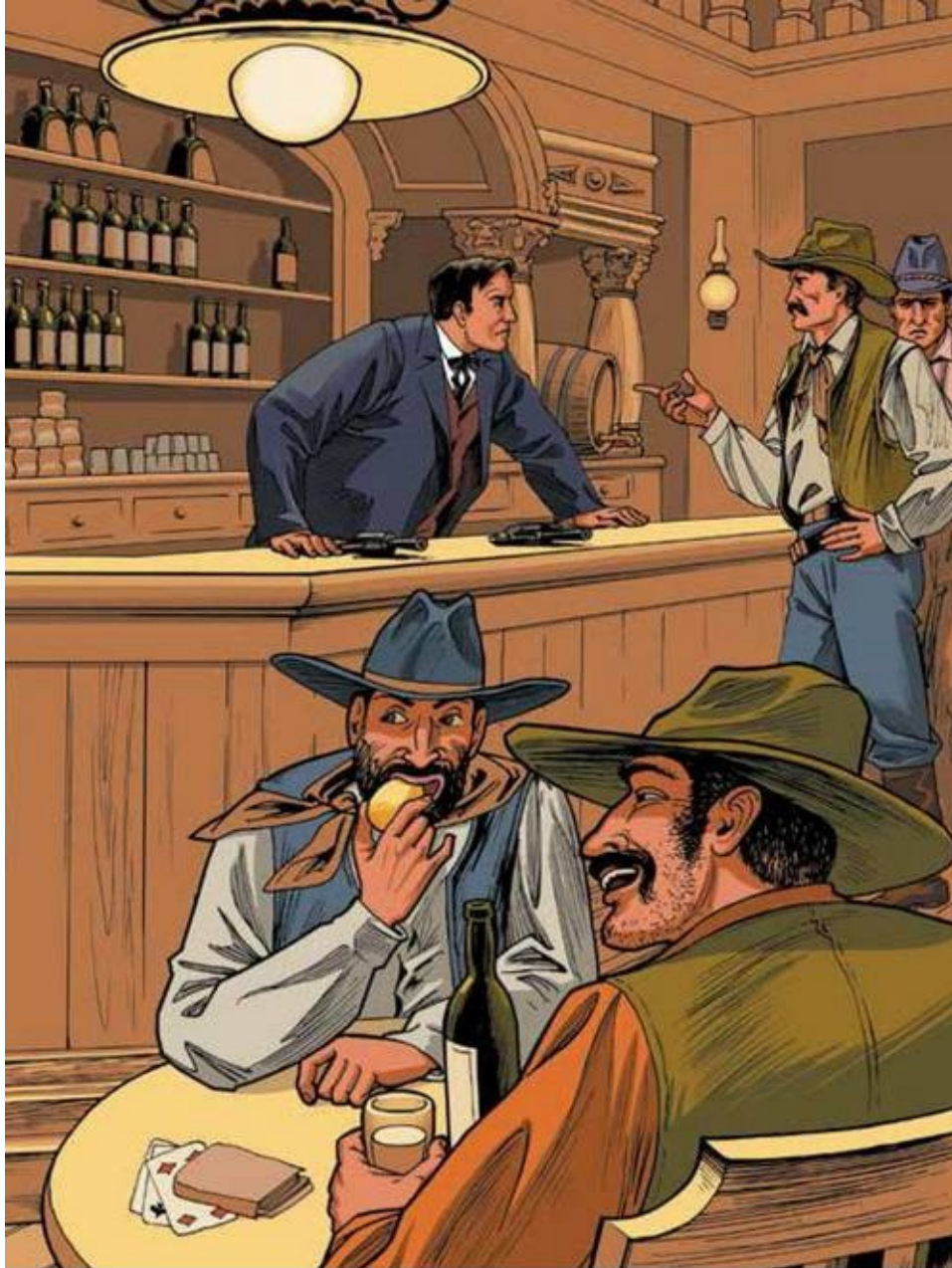
Для начала мы отправились в самый просторный салун, который назывался «Блю Снейк», и купили его с потрохами. Это обошлось нам в тысячу двести долларов. Потом заглянули в бар мексиканца Джо, потолковали о погоде и приобрели его за пятьсот. Третий нам уступили всего за четыреста.

Продрвав глаза на следующее утро, Бердстаун обнаружил, что превратился в остров. Рио-Гранде сокрушила дамбу и ринулась в старое

русло, город был со всех сторон окружен ревущими потоками воды. А дождь лил без передышки; на северо-западе висели тяжелые тучи, обещавшие, что в ближайшие две недели погода не переменится. Но не это было главной бедой.

Бердстаун выпорхнул из гнезда, почистил перышки и попрыгал за утренней выпивкой. Однако бар мексиканца оказался закрытым, второй – тоже. Тут из всех глоток вырвался неистовый крик изумления и жажды, и горожане толпой кинулись в «Блю Снейк».

И что же перед ними предстало?



*За стойкой восседает Джефф Питерс, и он в любую минуту готов дать сдачи либо монетой, либо пулей.  
(Трест, который лопнул)*

За стойкой восседает Джефф Питерс, с виду – прожженный спрут-эксплуататор, справа от него кольт и слева кольт, и он в любую минуту готов дать сдачи либо монетой, либо пулей. В заведении орудуют три бармена, а на стене плакат в десять футов: «Каждая выпивка – доллар».

Энди сидит на кассе, на нем шикарный костюм, в зубах сигара, вид у него настороженный. Тут же околачивается начальник городской полиции с двумя полисменами: трест посулил всем стражам порядка бесплатную выпивку.

Итак, сэр, не прошло и четверти часа, как Бердстаун сообразил – ловушка захлопнулась. Мы ожидали бунта, но как-то все обошлось. Горожане знали: деваться им некуда. До ближайшей железнодорожной станции тридцать миль, а вода в реке спадет не раньше чем недели через две, и до той поры о переправе можно только мечтать. Нет, они, конечно, выругались, но вполне учтиво, а потом на стойку посыпались серебряные доллары, да так бойко, будто кто играл на ксилофоне.

В Бердстауне было полторы тысячи взрослых мужчин, способных распорядиться собой; чтобы не помереть от тоски и безделья, большинству из них требовалось от трех до двенадцати стаканов в день. А салун «Блю Снейк» оставался единственным местом, где они могли их получить. Красиво и просто, как всякая великая идея.

К десяти утра бурный поток долларов, устремившийся в кассу, немного обмелел. Но, выйдя на крыльцо, я обнаружил, что не меньше двух сотен наших клиентов выстроились в хвост перед отделением банка и ссудной кассой. Ясное дело – они хлопчут о новой порции долларов, которые высосет из них наш спрут, или трест, называйте как угодно.

В полдень все разошлись по домам обедать, как и подобает порядочным людям. Воспользовавшись затишьем, мы отпустили барменов перекусить, а сами уселись считать выручку. За это утро мы заработали тысячу триста долларов. И если Бердстаун останется в осаде еще две недели, у нас будет достаточно средств, чтобы подарить ферму каждому добродетельному бедняку в Техасе, если участок земли он оплатит сам.

Энди прямо раздулся от гордости – ведь план-то принадлежал ему. Он слез с несгораемой кассы, раскурил самую длинную сигару, какая только нашлась в салуне, и сказал:

– Джефф, я думаю, что во всем мире не найти кровопийц-эксплуататоров, столь изобретательных по части угнетения трудящихся контрабандистов, как торговый дом «Питерс, Таккер и Сатана». Мы просто нокаутировали нашего потребителя. Разве не так?

– Так, – говорю я. – Вот и выходит, что придется нам заняться гольфом или заказать себе шотландские юбочки и отправиться на лисью охоту с гончими. Похоже, фокус с выпивкой удался. И это мне по душе.

Тут Энди наливает себе стаканчик ячменного и отправляет его по назначению. Это была его первая выпивка за все время, что мы с ним

работали в паре.

– Вроде как возлияние богам, – говорит он.

Отдав должное идолам коммерции, он опрокинул еще стаканчик – за успех нашего предприятия. А дальше пошло-поехало. Он пил за всю мировую промышленность, начиная от Тихоокеанской железной дороги и кончая всякой мелочью вроде маргаринового концерна, синдиката полиграфистов и федерации шотландских горняков.

– Притормози, Энди, – говорю я ему, – это, конечно, похвально, что ты пьешь за здоровье родственников нам монополий, но смотри, парень, не увлекайся тостами. Ты ведь в курсе, что самые знаменитые и самые ненавидимые миром олигархи и миллиардеры не вкушают ничего крепче жидкого чая с сухариками.

Энди удалился за перегородку, вынырнул оттуда в парадном костюме и снова взялся за виски. Во взгляде у него появилось что-то возвышенное – я бы сказал, горделивый вызов. Ох, и не понравился мне этот взгляд! Я всматривался в Энди с тревогой: как знать, какую штуку выкинет с ним виски? На свете есть две вещи, которые неизвестно чем кончаются: когда мужчина выпьет в первый раз и когда женщина выпьет в последний.

Так он продолжал в течение часа. Нет, снаружи-то он выглядел вполне благопристойно и даже умудрялся сохранять равновесие, но внутри был битком набит сплошными сюрпризами.

– Джефф, – наконец заявляет он мне, – ты знаешь, кто я такой? Я в-вулканический кратер, только ж-живой.

– Это, – говорю мрачно, – даже не требует доказательств.

– Да-да, и притом огнедышащий. Из меня так и пышет жар земных недр, а внутри клопочут слова и рвутся наружу. Мириады частей речи буквально рвут меня на части, и я не уймусь, пока не произнесу какую-нибудь историческую речь. Когда я выпью, – добавляет Энди, – меня всегда влечет благородное искусство риторики.

– Хуже не придумаешь, – говорю я, – последнее дело.

– С раннего детства, – гнет свое Энди, – алкоголь пробуждал во мне страсть к декламации. Да что там детство: во время второй избирательной кампании Билли Брайана мне наливали три порции джина и я, бывало, взбирался на трибуну и толковал о денежной реформе на два часа дольше самого кандидата.

– Если тебе приспичило, – говорю я, – ступай к реке и говори, сколько угодно. Помнится, в Древней Греции уже был один такой старый болтун<sup>[12]</sup>, не помню, как его звали, который таскался на берег моря и там надрывал глотку.



– Не годится, – говорит Энди, – мне требуется публика. Я должен собрать аудиторию и унять перед ней свой ораторский позыв, иначе я буду чувствовать себя собранием сочинений в переплете с золотым обрезом, которое годами торчит на пыльной полке.

– А на какую тему ты бы хотел поупражняться? – спрашиваю я. – Есть у тебя хотя бы тезисы?

– Тема? – говорит Энди. – Это совершенно безразлично. Я разбираюсь практически во всем. Могу говорить о русской иммиграции, о поэзии Китса, о новых тарифах, о кабийской литературе или о водосточных трубах, и будь уверен: мои слушатели будут то обливаться слезами, то хохотать.

– Ну что ж, Энди, – говорю я ему, – если уж совсем невтерпеж, ступай и выплесни избыток своей образованности на голову какому-нибудь несчастному обывателю. Мы тут и сами управимся. Горожане скоро покончат с обедом, а солонина с бобами, как известно, вызывает жажду. К полуночи у нас будет еще тысячи полторы.

На этом Энди выходит из салуна «Блю Снейк». Краем глаза я замечаю, что он останавливает на улице каких-то прохожих и вступает с ними в беседу. Не прошло и десяти минут, как вокруг него уже собралась кучка людей, а вскоре я вижу, что он стоит на углу, воодушевленно говорит и размахивает руками, а перед ним уже внушительная толпа.

Потом он повернулся и зашагал, продолжая говорить на ходу. И он повел эту толпу по главной улице, и по дороге к ним приставали все новые и новые прохожие. Больше всего это было похоже на тот старый фокус, когда один парень все упражнялся в игре на дудке и доупражнялся до того, что увел за собой всех детей<sup>[13]</sup>, какие нашлись в том городе.

Прошел час, потом два и три, а ни одна пташка так и не залетела в наш салун. На улицах пусто, бродят мокрые куры, да изредка женщина пробежит в лавчонку. А между тем дождик начинает утихать.

Наконец какой-то мужчина останавливается у нашего крыльца, чтобы соскрести грязь с сапог.

– Что происходит, мистер? – говорю я ему. – Не далее как сегодня утром здесь царило безумное веселье, а теперь Бердстаун смахивает на руины Вавилона, где по камням ползает одинокая ящерица.

– Весь город, – отвечает он, – собрался у Сперри на складе шерсти и слушает речь вашего дружка. Умеет парень потолковать насчет всяких там высоких материй.

– Вон оно как, – говорю. – Ну, надеюсь, что он все-таки рано или поздно сделает передышку, потому как от этого страдает бизнес.

А между тем до самого вечера к нам не заглянула ни одна собака. В половине седьмого два мексиканца привезли Энди: он возлежал поперек спины их осла и был пьян, как затычка от бочки с виски. Мы едва уложили его в постель, а он все еще бормотал, отбивался и жестикулировал.

Я запер кассу и отправился выяснять, как было дело. Вскоре навстречу мне попался человек, который и выложил мне всю историю. Оказывается, Энди проговорил два с лишком часа без остановки. Он произнес лучшую речь, какую, если верить этому человеку, когда-либо слышали не только в Техасе, но и во всей вселенной.

– И о чем же он говорил? – уже догадываясь и холодея от ужаса, спросил я.

– О вреде пьянства, само собой, – ответил тот. – И когда он закончил, все жители Бердстауна подписали бумагу, что в течение года не возьмут в рот ни капли спиртного...

## Деревенские забавы

Всякий раз, когда просишь Джеффа Питерса рассказать о каком-нибудь из его приключений, он начинает уверять, что его жизнь монотонна и бедна событиями. Но, если незаметно подбросить ему крючок, он обязательно попадается. Поэтому я использую несколько разных наживок, чтобы мой приятель надежно клюнул.

– Сдается мне, – заметил я однажды, – что среди фермеров Запада, при всей их зажиточности, снова наметилось движение в пользу национализации железных дорог.

– Видно, такой сезон, – сказал Джефф, – всюду жизнь. Фермеры куда-то движутся, сельдь и треска сбиваются в несметные косяки, из сосен сочится смола, а на реке Конемо вскрылся лед. Однажды я вообразил, что обнаружил фермера, который хоть немного не похож на своих собратьев. Но Энди Таккер в два счета доказал мне, что я ошибаюсь. «Фермером родился – фермером-простофилей и помрешь, – сказал Энди. – Фермер – это человек, выбившийся в люди вопреки всяким политическим баламутам, котировкам<sup>[14]</sup> и баллотировкам<sup>[15]</sup>. И я понятия не имею, кого б мы стали надувать, если бы не фермеры».

Однажды просыпаемся мы с Энди поутру, а у нас в кармане всего шестьдесят восемь центов. Дело было в гостинице, в Южной Индиане. Уж как там мы накануне прыгнули с поезда, я и описывать не берусь. Страшное дело – он несся так быстро, что из окна вагона нам чудилось, будто мы видим салун, а когда пришли в себя, то обнаружилось, что это разные вещи в двух кварталах одна от другой: аптека и цистерна с водой.

Зачем нам понадобилось прыгать на полном ходу? Ну, тут были замешаны часики из поддельного золота и партия брильянтов из Аляски, от которых нам не удалось отделаться по ту сторону границы штата.

Значит, проснулся я и слышу – где-то кричат петухи, а в воздухе пахнет чем-то вроде смеси азотной и соляной кислот. Тут что-то увесистое шмякнулось об пол в нижнем этаже, и послышалась ругань.

– Эй, Энди, – говорю я, – ну-ка веселее! Мы же в деревне. Там, внизу, кто-то швырнул для пробы слитком чистого фальшивого золота. Идем и получим с фермера то, что нам причитается по всем правилам. Кинем его слегка – и привет.

Фермеры всегда служили мне чем-то вроде резервного фонда. Чуть дела пошатнутся, я отправляюсь на ближайший перекресток, цепляю

фермера на ходу за подтяжку, выкладываю ему свои предложения, бегло осматриваю его имущество, возвращаю ключ, брусок для точки косы и бумаги, имеющие цену для него одного, и удаляюсь восвояси. Конечно, фермеры как дичь для нас были мелковаты, обычно мы занимались делами посерьезнее, но порой и они пригождались, как акулам с Уолл-стрита бывает на пользу министр финансов.

Спустившись вниз, мы обнаружили, что находимся в самой натуральной земледельческой округе. В двух милях на горке торчал в тени деревьев большой белый дом, а вокруг него толпились флигели, амбары, коровники, выгоны и прочее.

– Чья это усадьба? – спросили мы у хозяина гостиницы.

– Это, – отвечает он, – резиденция, а также лесные, земельные, садовые и луговые угодья мистера Эзры Планкетта, одного из самых уважаемых граждан.

После завтрака мы с Энди, оставшись с восемью центами наличных, принялись составлять гороскоп этого латифундиста.

– Я пойду к нему один, – наконец объявил я. – Мы вдвоем против одного фермера – это неспортивно. Все равно что стрелять по кроликам картечью.

– Ладно, – согласился Энди. – Я тоже люблю честную игру – даже когда играю с огородниками. Так на какую приманку ты собираешься изловить этого Планкетта?

– Никакой разницы, – говорю я. – Сойдет любая. Я, пожалуй, прихватю с собой квитанции, подтверждающие уплату подоходного налога, рецепт для приготовления клеверного меда из творога и яблочной кожуры и бланки заказов на носилки Мак-Горни, которые потом оказываются косилкой Мак-Кормика. Да еще карманный слиток золота и жемчужное ожерелье – то самое, что мы с тобой нашли в вагоне, и...

– Этого хватит, – говорит Энди. – Но будь внимателен, Джефф, чтобы этот кукурузник не всучил тебе грязные и мятые купюры. Просто позор для департамента земледелия и министерства финансов – какими только паскудными бумажками расплачиваются некоторые фермеры.

Иду я на городскую конюшню и арендую двуколку, благо платы вперед с меня не берут ввиду приличной наружности. Подкатываю к ферме, привязываю лошадь. Вижу – на ступенях крыльца сидит какой-то фатоватый субъект в белоснежном костюме, розовом галстуке, с перстнем на пальце и в спортивной кепчонке. «Должно быть, приезжий», – думаю про себя. Спрашиваю:

– Как бы мне повидать мистера Эзру Планкетта?

– Вот он перед вами, – отвечает этот тип. – А вам чего?

Я молчу. Стою столбом и повторяю про себя куплеты из водевиля о деревне, там еще говорится о «человеке с лопатой». Вот это, значит, он и есть. А когда я присмотрелся к этому фермеру в розовом галстуке, то окончательно понял, что выбить из него монету с помощью тех пустанков, что я прихватил с собой, все равно что пытаться разнести вдребезги сейф Первого Национального банка при помощи рождественской хлопушки.

Он смерил меня взглядом и говорит:

– Ну, рассказывайте, с чем прибыли. Вижу: левый карман вашего пиджака чересчур оттопырен. Там ведь золотой слиток, верно? Давайте его сюда, мне как раз нужны кирпичи. Предупреждаю – байки о затерянных серебряных рудниках меня не интересуют.

Чувствуя себя безмозглым дураком, я все-таки вытащил из кармана свой слиток, тщательно завернутый в платок. Он взвесил его на ладони, пожевал губу и говорит:

– Доллар восемьдесят центов. Устроит?

– Свинец, из которого сделано это золото, и тот стоит дороже, – стараясь не терять достоинства, я вернул слиток на место.

– Как будет угодно. Я хотел купить его для коллекции, которую начал составлять, – говорит фермер. – На прошлой неделе я уже приобрел отличный экземпляр. Просили за него пять тысяч долларов, а уступили за два доллара и десять центов.

Тут в доме зазвонил телефон.

– Да вы проходите, – говорит фермер. – Посмотрите, как я тут устроился. Иногда мне бывает скучно в одиночестве. Это, надо полагать, из Нью-Йорка беспокоят.

Ну, мы вошли. Мебель в комнате, как у биржевика с Уолл-стрит, дубовые конторки, два телефона, кресла и кушетки, обитые испанским сафьяном, картины маслом в позолоченных рамах, в углу – телеграф отстукивает котировки.

– Хэлло-оу! – кричит фермер. – Риджент-театр? Это Планкетт из имения «Сентрал Хонисакл». Забронируйте за мной четыре кресла в первом ряду – пятница, вечерний спектакль. Да-да, те, что обычно. Всего наилучшего!

– Каждые две недели мотаюсь в Нью-Йорк проветриться, – поясняет фермер, вешая трубку. – Сажусь в Индианаполисе в вечерний экспресс, провожу десять часов на Бродвее и возвращаюсь домой через сорок восемь часов.

И то сказать: первобытный фермер пещерного периода малость

приоделся и пообтесался за последние годы. Вы не согласны?

Только я открыл было рот, чтобы прокомментировать некоторые отступления от старых добрых аграрных традиций, как снова затрезвонил телефон.

– Хэлло-оу? – говорит фермер. – А-а, это вы, Перкинс... Я уже говорил вам, что восемьсот долларов за этого жеребца – слишком много. Конь при вас? Хорошо, покажите мне его... Как? Очень просто: отойдите от аппарата и пустите его рысью по кругу. Быстрее, еще быстрее... Да, я слышу... Еще надайте... Хватит. Давайте его к телефону. Ближе... И помолчите минуту. Нет, я не беру его. Что?.. Нет. И даром не возьму. Он хромает, и вдобавок с запалом. Прощайте, Перкинс.

– Ну-с, достопочтенный, – обращается он ко мне, – теперь убедились, что вы просто ископаемое? Современного агрария с налету не возьмешь. Вот, полюбуйтесь, как мы, деревенщина, стараемся не отстать от жизни.

И тащит меня к столу. На столе у него машинка, а у машинки две такие штуковины, которые вставляются в уши. Вставляю, слушаю. Женский голос, довольно приятный, зачитывает сводки убийств, несчастных случаев и прочих тонкостей политической жизни.

– То, что вы слышите, – поясняет фермер, – это выборка сегодняшних новостей из газет Нью-Йорка, Чикаго, Сент-Луиса и Сан-Франциско. Их сообщают по телеграфу в местное Бюро последних известий и подают подписчикам с пылу с жару. Здесь, на этом столе, самые свежие и авторитетные газеты и журналы Америки. А также выдержки из будущих журнальных статей.

Беру один листок и читаю: «Корректуры будущих статей. В июле 1909 года журнал «Сенчури» предполагает опубликовать...» – ну и так далее.

Тем временем фермер звонит, должно быть, управляющему, приказывает продать джерсейских баранов – пятнадцать голов – по шестьсот долларов и доставить на станцию еще двести бидонов молока для молочного экспресса. Потом предлагает мне сигару, достает бутылку шартреза и косится на ленту своего телеграфа.

– Газовые акции поднялись на два пункта, – сообщает он. – Неплохо.

– А может быть, вас медь интересует? – спрашиваю я.

– Осади! – рывкает он. – А не то кликну собак. Я же сразу сказал: не тратьте времени зря на эти штучки. Вам, молодчик, меня не надуть.

Проходит несколько минут, и он вдруг говорит:

– А не кажется ли вам, достопочтенный, что вам пора покинуть мой дом? Я был рад с вами побеседовать, но у меня куча срочных дел: я должен закончить для одного издания статью «Призрак коммунизма», а ближе к

вечеру отправиться на заседание президиума Ассоциации по улучшению качества беговых дорожек. Да и вам не стоит тратить время – ведь вы уже убедились, что ни в какие ваши снадобья я не верю.

Ну что мне оставалось делать, сэр? Вскочил я в свою тележку, и лошадь сама привезла меня в гостиницу. Я кинулся к Энди, который валялся у себя в номере. Рассказываю ему слово в слово о моем свидании с продвинутым фермером и никак не могу прийти в себя. В голове – ни одной дельной мысли.

– Не знаю, что и придумать, – говорю я и, чтобы мой позор не так колот глаза, начинаю напевать какую-то дурацкую песенку.

Энди рассказывает взад и вперед по номеру и покусывает ус, как делает всегда, когда в голове у него начинает созревать какой-то план.

– Джефф, – произносит он наконец. – Не сомневаюсь – все, что ты рассказал об этой рафинированной деревенщине, правда. Но ты меня не убедил. Не может такого быть, чтобы в этом Планкете не осталось ни капли первобытной дури, потому как это явная измена тем целям, для которых его предназначил сам Господь. Скажи-ка, Джефф, тебе не приходилось раньше замечать во мне глубокой религиозности?

– Да как тебе сказать, – уклончиво отвечаю я, чтобы не задеть его чувства, – мне доводилось встречать немало людей глубоко верующих, у которых их вера проступала наружу в таких микроскопических дозах, что, если потереть их чистой салфеткой, на ней не осталось бы ни пятнышка.

– Надо тебе знать, что я всю жизнь занимался углубленным исследованием природы, начиная с самого сотворения мира, – продолжает Энди, – и потому твердо верую, что каждая тварь создана с определенной целью. Фермеров Господь также сотворил неспроста: их высшее предназначение заключается в том, чтобы сытно кормить, поить и одевать джентльменов, подобных нам с тобой, то есть наделенных мозгами. Я убежден, что манна, которой иудеи сорок дней питались в пустыне, – не что иное, как символическое обозначение фермеров; и так оно и осталось. А теперь я проверю первый закон Таккера: «Коль ты родился фермером, останешься в дураках». Именно так, несмотря на всевозможные штучки, которыми наша прогнившая цивилизация наделила сельских жителей.

– Ох, – говорю я, – как бы и тебе не остаться с носом. Этот фермер даже не пахнет овчарней. И к тому же укрылся за целой баррикадой из последних достижений электротехники, образования, литературы и философии.

– Попытка не пытка, – отвечает Энди. – Есть такие законы, которые не в силах отменить даже служба бесплатной доставки на дом в сельской

местности.

Тут Энди удаляется в чуланчик и выходит оттуда в клетчатом костюме – клетки на нем бурые и желтые, и каждая величиной с ладонь землекопа. Завершает все это великолепиие черный цилиндр и алый жилет в синюю крапинку. Усы у него вообще-то пшеничные, а тут, смотрю, – фиолетовые, будто он обмакнул их в чернила.

– Матерь Божия! – говорю я. – Что это ты так принарядился? Точно цирковой фокусник, хоть сейчас на арену.

– Ладно-ладно, – отвечает Энди. – погоди зубоскалить. Тележка у крыльца? Жди меня здесь, много времени это не займет.

Спустя два часа входит он в номер и выкладывает на стол пачку долларов.

– Восемьсот шестьдесят, – произносит он, пока я возвращаю на место свою отвисшую челюсть. – А дело было так. Планкетт оглядел меня с ног до головы и начал издеваться. Я, не произнося ни слова, достаю из кармана три скорлупки от грецкого ореха и начинаю катать по столу горошину. Потом, посвистев, произношу древнюю формулу: «Ну, джентльмены, подходите поближе и взгляните на этот маленький шарик. Ведь это не будет стоить вам ни цента. Сейчас он здесь, а вот его уже нету. Ну-ка, отгадайте, где он теперь. Ловкость рук – и никакого мошенничества».

Говорю, а сам не свожу глаз с фермера. У него даже пот на лбу выступил. Он идет, как во сне, и, не отрываясь, смотрит на скорлупки. А потом произносит: «Ставлю двадцать долларов, что знаю, под какой спрятана ваша горошина. Вот под этой...»

Дальше и рассказывать нечего. У него было при себе всего восемьсот шестьдесят долларов наличными. Когда я уходил, он провожал меня до самых ворот. На прощанье он долго тряс мою руку и со слезами на глазах сказал: «Дорогой мой, спасибо тебе! Уже много лет я не получал такого удовольствия. Твоя игра в скорлупки напомнила мне те невозвратные годы, когда я был еще не земельным магнатом, а простым фермером. Всего тебе наилучшего».

Тут Джефф Питерс умолк.

– Так вы думаете... – начал было я.

– Именно, – перебил меня Джефф, – именно так. Пусть фермеры идут себе по пути прогресса и даже занимаются политикой. Житье-то на ферме монотонное, а в скорлупки им приходилось играть и прежде.



## Кафедра филантроматематики

– Глядите-ка, – воскликнул я, – вот уж поистине королевский жест: некто пожертвовал на образовательные учреждения чуть ли не пятьдесят миллионов долларов!

Я просматривал хронику в вечерней газете, а Джефф Питерс набивал свою любимую трубку из корня вереска.

– По такому случаю, – сказал он, – не грех бы нам распечатать новую колоду и устроить вечер хоровой декламации силами студентов факультета филантроматематики.

– На что это вы намекаете? – поинтересовался я.

– А разве я не рассказывал вам, – отозвался Джефф, – как мы с Энди Таккером занимались филантропией<sup>[16]</sup>? Было это лет восемь назад в Аризоне. Мы разъезжали в фургоне по горным ущельям – искали серебро. В конце концов нашли – и продали свою заявку в городе Таксон за двадцать пять тысяч долларов. Банк выплатил нам эту сумму серебряной монетой – по тысяче долларов в мешке. Погрузили мы эти мешки в свой фургон и понеслись на восток как безумные.

В себя мы пришли только тогда, когда отмахали первую сотню миль. Двадцать пять тысяч долларов кажутся сущей чепухой, когда читаешь годовой отчет совета директоров Пенсильванской железной дороги или слушаешь, как актеры болтают о своих гонорарах. Но если ты можешь когда угодно приподнять парусину фургона, пнуть сапогом первый попавшийся мешок и тот отзовется серебряным звоном, то поневоле почувствуешь себя отделением банка в ту пору, когда операционный день в полном разгаре.

На третьи сутки мы вкатились в городишко – самый аккуратный и ухоженный из тех, которые когда-либо создавали природа и издатели туристических проспектов. Он лежал у подножия горы среди роц и цветников, а все его две тысячи жителей оказались приветливыми и полусонными. Назывался он Флоресвилль, или вроде того, и еще не был загажен ни железными дорогами, ни туристами из восточных штатов.

Первым делом мы положили наши деньги на счет в местном банке и сняли номер в гостинице «Небесный вид». После ужина сидим, покуриваем; тут-то меня и осенило: а почему бы нам не заделаться филантропами? Эта мысль рано или поздно посещает каждого жулика. Когда человек облегчил ближних на приличную сумму, ему становится не

по себе и так и подмывает вернуть хотя бы часть награбленного. И если понаблюдать за ним внимательно, то выяснится, что его благодеяния направлены как раз на тех, кого еще недавно он ободрал как липку. Предположим, некто нажил миллионы, продавая керосин малоимущим преподавателям и студентам, которые изучают экономику и методы управления корпорациями. Так вот, те доллары, которые давят на его совесть, он непременно пожертвует университетам и колледжам.

Возьмем другой случай. Некто нажился, беспощадно эксплуатируя рабочих, у которых все имущество – руки да инструмент. Как ему переправить часть своих неправедных миллионов в карманы их комбинезонов?

– Я, – восклицает он, – сделаю это во славу науки. Я погрешил против рабочего класса, но недаром говорят, что милосердие искупает многие грехи.

И он принимается строить библиотечные здания стоимостью в восемьдесят миллионов долларов, и единственные, кому от этого польза, – маляры да каменщики, работающие на этой стройке.

– А где же книги? – интересуются библиофилы.

– А мне-то откуда знать! – отвечает этот некто. – Я обещал вам библиотеки – получите. Если б я предложил вам подмоченные акции стального треста, вы что, потребовали бы и воду из них в хрустальных графинах? Проваливайте-ка отсюда, да поживее!..

Но я и сам из-за такой уймы деньжищ подцепил скверную болезнь – филантропит. Впервые у нас с Энди образовался такой капитал, что нас просто оторопь брала. Мы даже призадумались – как же так получилось.

– Энди, – говорю я, – мы с тобой теперь люди состоятельные. Конечно, состояние у нас не громадное, но и мы люди скромные. И знаешь – хотелось бы что-нибудь эдакое преподнести человечеству.

Энди кивает:

– Ты прав, Джефф. У меня тоже такое чувство. Всю жизнь мы с тобой были прожженными жуликами, как только не надували честной народ. Всучивали ему самовоспламеняющиеся целлулоидные воротнички, наводнили всю Джорджию пуговицами с портретами президента Хоука Смита, а такого президента и в помине не было. Я бы тоже внес свой пай в это предприятие по искуплению грехов. Но куда можно истратить эти деньги? Устроить бесплатную столовку для бедных или послать тыщи две в министерство финансов?

– Ни то, ни другое, – говорю. – У нас слишком много денег, и мы не вправе подавать жалкую милостыню; для полного же возмещения

причиненных нами за все годы убытков нашего капитала все равно не хватит. Думаю, надо нам выбрать средний путь.

На следующее утро, прогуливаясь по Флоресвиллю, вдруг видим: стоит на холме какая-то кирпичная махина, и вроде бы пустая. Интересуемся у прохожих: что да как? И нам объясняют – один владелец шахты лет пятнадцать назад вознамерился построить на этой горке резиденцию. А как выстроил, то оказалось, что на мебелировку у него осталось два с половиной доллара. Вложил он этот капитал в бутылочку виски, ополовинил ее, взобрался на конек кровли да и кинулся головой вниз.

Посмотрели мы на здание, и как по команде оба подумали: а что если мы нафаршируем его электрическими лампочками, чернильницами, перочистками и профессорами, поставим на лужайке статую Геркулеса и чугунного пса и откроем лучшее в мире бесплатное образовательное заведение?

Потолковали мы с самыми почтенными флоресвилльцами, и тем эта идея пришлась по вкусу. По этому случаю был устроен роскошный банкет в пожарном сарае – и там мы впервые выступили в качестве меценатов и благодетелей человечества, поборников просвещения и прогресса. Энди даже сказал речь часа на полтора об успехах орошения в дельте Нила, а потом завели граммофон, слушали духовные гимны и распивали ананасный шербет.

Словом, нас обуяло настоящее филантропическое безумие, и мы не теряли времени зря. Всех, кто был способен отличить молоток от косы, мы завербовали в рабочие и взялись за ремонт. Оборудовали лаборатории и классные помещения, потом отбили телеграмму в Сан-Франциско, и нам прислали вагон школьных парт, футбольных мячей, учебников арифметики, ручек, перьев, словарей, преподавательских кафедр, грифельных досок, учебных скелетов, губок, а к ним – двадцать семь мантий и шапочек для студентов старшего курса. Теперь у нас было все, что полагается иметь первоклассному университету.

Еженедельники печатали наши портреты, а мы тем временем отбили телеграмму в Чикаго, чтобы нам выслали экстренным поездом шестерых профессоров: по английской словесности, по самоновейшим мертвым языкам, по химии, по политической экономии, по логике и еще одного, который знал бы итальянский язык, музыку и был бы заодно выдающимся живописцем. Банк гарантировал выплату жалованья – до восьмисот долларов в год.

В конце концов все у нас пошло на лад. Над главным входом

появилась надпись, высеченная в камне: «Всемирный университет. Попечители и владельцы – Питерс и Таккер». И к первому сентября стали слетаться наши гуси-лебеди. Сначала прибыли профессора. Были они почти все молодые, очкастые, рыжие и обуреваемые честолюбием и голодом. Мы с Энди расселили их и стали поджидать студентов.

Те прибывали толпами. Мы разместили статьи об университете во всех газетах штата, и двести девятнадцать желторотых юнцов отозвались на трубный глас, призывавший их к бесплатному образованию. Они перелицевали и перетянули весь этот городок, как старый диван, и стал он – чисто твой Гарвард.

Студенты маршировали по улицам с университетскими флагами голубого с ультрамариновым цветом, Энди обратился к ним с речью с балкона гостиницы – словом, весь город ликовал.

Только пару недель спустя профессорам удалось загнать весь этот горластый народ в аудитории. Мы с Энди приобрели цилиндры и стали делать вид, что избегаем встреч с репортерами «Флоресвилльских новостей». У этой газеты имелся также фоторепортер, который снимал нас всякий раз, как мы появлялись на улице. Энди дважды в неделю читал в университете лекции, а потом, бывало, и я поднимусь да и расскажу какую-нибудь историйку.

Энди увлекся филантропией не меньше меня. Бывало, проснемся ночью и давай строить новые планы – что бы еще такого выдающегося нам предпринять.

– Энди, – говорю я однажды, – мы прозевали крайне важную вещь. Надо бы нам организовать для наших молокососов дромадеры.

– А что это такое? – вопрошает Энди.

– А это то, где спят, – говорю я. – Есть во всех приличных колледжах.

– Ты говоришь о пижамах? – удивился Энди.

– Нет, о дромадерах.

Мы не организовали никаких дромадеров. Я имел в виду такие длинные спальни в закрытых учебных заведениях, где студенты спят аккуратно, рядами. Теперь-то я знаю, что зовутся они дортуарами.

Да, сэр, не покривлю душой – наш университет имел неслыханный успех. Флоресвилль процветал: ведь у нас были студенты из пяти штатов. Открылись новый тир, ссудная касса, парочка новых пивных. Студенты сочинили университетский гимн:

Ро, ро, ро,  
Цы, цы, цы,

Питерс, Таккер  
Оба молодцы!  
Ва, ва, ва,  
Ра, ра, ра,  
Университету —  
Гип, гип, ура!!!

Славный был народ, эти сосунки; мы с Энди гордились ими, словно сами произвели на свет.

Но вот как-то в конце октября приходит ко мне Энди и с задумчивым видом спрашивает, известно ли мне, сколько у нас капитала осталось на счету. Я говорю: по-моему, тысяч шестнадцать. А Энди на это говорит:

– Весь наш баланс на сегодняшний день составляет восемьсот двадцать один доллар и шестьдесят два цента.

– Как ты сказал? – реву я нечеловеческим голосом. – Неужели эти проклятые сыны конокрадов, эти дубоголовые олухи, эти заячьи уши, эти собачьи хвосты, эти куриные мозги высосали из нас такую прорву денег?

– Именно, – отвечает Энди. – Именно это я имею в виду.

– Тогда к дьяволу всю эту филантропию, – говорю я.

– Зачем же к дьяволу? – ухмыляется Энди. – Если заниматься филантропией на прочной коммерческой основе, она приносит неплохую прибыль. Я помозгую об этом на досуге.

Минула еще неделя. Беру я как-то ведомость уплаты жалования нашим профессорам и вижу в ней незнакомое имя: некий Джеймс Дарнли Мак-Коркл, профессор кафедры математики, оклад – сто долларов в неделю.

– Это что такое! – ору я. – Профессор математики с жалованьем пять тысяч в год? Как такое могло произойти? Или он, как домушник, влез в форточку и сам себя назначил на эту кафедру?

– Ничего подобного, – отвечает Энди, – я вызвал его из Сан-Франциско неделю назад. Занимаясь делами, мы совершенно упустили из виду кафедру математики.

– И превосходно! – кричу я. – На кой она нам сдалась? У нас капитала ровно столько, чтобы выплатить ему жалованье за две недели, а после того всей нашей филантропии будет та же цена, что девятой лунке на поле для гольфа.

– Вот это ты напрасно, – отвечает Энди. – Все еще может наладиться. Еще раз повторю – сдается мне, что, если правильно подойти к коммерческой стороне образования, картина быстро изменится. Недаром

же все филантропы и меценаты – люди очень и очень состоятельные. Мне давно следовало углубленно поразмыслить об этом и сделать правильные выводы.

Мне ли не знать, что Энди собаку съел в вопросах экономики, поэтому я предоставил ему заниматься университетскими финансами. И правда: университет процветал как ни в чем не бывало, цилиндры наши лоснились, и Флоресвилль продолжал оказывать нам такие почести, будто мы миллионеры, а не жалкие прогоревшие жулики.

Студенты по-прежнему наводняли весь городок и способствовали его процветанию. Приехал какой-то человек из соседнего города, открыл крохотный игорный домик в каморке над конюшней и каждый вечер загребал кучу денег. Мы с Энди тоже посетили его заведение и поставили доллар-другой на карту. В заведении было не меньше полусотни наших студентов, все они хлестали пунш и двигали по ломберным столам целые столбики синих и красных фишек.

– Черт побери, – заметил я, – эти безмозглые тупицы, охочие до бесплатной науки, щеголяют в шелковых носках и легко расстаются с такими деньгами, каких мы с тобой годами не видывали. Ты только взгляни, какие толстенные пачки купюр они извлекают из своих карманов!

– Да, – отвечает Энди. – Печальное зрелище. Многие из них – сыновья богатых горнопромышленников и землевладельцев. Прискорбно, что они тратят время и деньги, заработанные их отцами, на столь недостойное занятие.

Когда наступили рождественские каникулы, наши студенты разъехались по домам. Мы устроили в университете прощальную вечеринку. Энди прочел лекцию «Современная музыка и древняя литература островов Эгейского архипелага». Профессора обратились к нам с приветственными речами, сравнивая нас то с Рокфеллером, то с императором Марком Автоликом.

Но тут я ударил кулаком по столу и потребовал позвать профессора Мак-Коркла; однако его на вечеринке не оказалось. А я был бы совсем не прочь взглянуть на человека, который, как уверял меня Энди, стоит того, чтобы платить ему сто долларов в неделю.

Студенты отбыли вечерним поездом; Флоресвилль опустел. Я вернулся в гостиницу, увидел, что в номере у Энди еще горит свет, толкнул дверь и вошел.

Энди восседал за столом. Тут же находился и содержатель игорного дома. А заняты они были тем, что делили кучу денег фута<sup>[17]</sup> в два высоты. Куча эта состояла из пачек, а каждая пачка – из бумажек по пятьсот

долларов.

– Ну вот! – говорит Энди. – Теперь все правильно: по тридцати одной тысяче в каждой пачке... А-а, это ты, Джефф! Подходи, не стесняйся. Это наша доля от выручки за первый семестр во Всемиром университете. Теперь ты можешь убедиться, что филантропия, если правильно к ней подойти, оказывает beneficia не только берущему, но и дающему.

– Волшебное зрелище, – говорю я. – Да ты, Энди, чисто доктор всех наук!

– Доктор не доктор, а утренним поездом придется нам отсюда уезжать, – говорит Энди. – Иди-ка, Джефф, собери воротнички, манжеты и газетные вырезки.

– Дело недолгое, – говорю я. – А все же, Энди, хотел бы я познакомиться с этим твоим профессором Джеймсом Дарнли Мак-Корклом.

– Проще простого, – говорит Энди и поворачивается к содержателю игорного дома. – Джим, – продолжает он, – знакомься: перед тобой мистер Джефферсон Питерс.

## Рука, терзающая мир

– Многие великие люди, – сказал я, уж и не помню, по какому поводу, – признавались, что своими успехами они обязаны женщинам.

– Да, – сказал Джефф Питерс. – Мне приходилось читать о Жанне д'Арк и других замечательных дамах. Но от женщин нашего времени никакого толку ни в бизнесе, ни в политике. Мужчины сегодня лучше готовят, лучше стирают, лучше гладят. Они и сиделки, и прислуга, и парикмахеры, и стенографы, и клерки в офисах. Единственное дело, в котором мужчины уступают женщинам, – это исполнение женских ролей на сцене.

– А мне казалось, что женская интуиция и хитрость оказывали вам неоценимые услуги в вашей... э-э... профессии.

– Да-да, – энергично закивал Джефф, – всем так кажется. А на поверку женщина – худший помощник в нашем деле. В то самое время, когда вы больше всего на нее полагаетесь, она ни с того ни с сего вспоминает о чести и порядочности и губит все на свете. Я испытал это на собственной шкуре.

Билли Хамбл, мой приятель, с которым я сдружился еще на Среднем Западе, вбил себе в голову странную идею: дескать, правительство Соединенных Штатов должно назначить окружным шерифом не кого-либо, а именно его. В ту пору мы с Энди продавали трости с резными набалдашниками. Если вам случалось отвинтить набалдашник и приложить трость к губам, прямо в рот вам выливалось полпинты <sup>[18]</sup> доброго пшеничного виски.

Разумеется, полиция и тут совала нос в наши дела, и когда Билл сообщил мне, что намерен заделаться шерифом, я тут же сообразил, что на этом посту он может принести массу пользы фирме «Питерс и Таккер».

– Джефф, – говорит мне Билли, – ты человек не без образования, и в голове у тебя всякие сведения касательно не только основ и фактов, но и выводов.

– В самую точку, – говорю я, – и я об этом никогда не жалел. Я не из тех, кто считает образование бросовым товаром и голосует за бесплатное обучение. Вот ты ответь, Билли, – что ценнее для человечества: классическая литература или скачки на ипподроме?

– Ну-у... это... в общем, хорошие лошади, конечно... нет, то есть я хочу сказать, что поэты и всякие там романисты – они, конечно, на две



головой впереди, – отвечает Билл.

– Вот! – говорю я. – А раз так, почему наши власти берут с нас по два доллара за вход на ипподром, а в библиотеки пускают бесплатно? Можно ли, – говорю, – считать это созданием правильных представлений об относительной ценности самообразования и выбрасывания денег на ветер?

– Не догоняю я всю эту твою риторику и логику, – говорит Билли. – Мне требуется, чтобы ты смотался в Вашингтон и выхлопотал мне место окружного шерифа. У меня, знаешь ли, нет никаких способностей к интригам и переговорам. Я человек простой и желаю получить это место. Я участвовал в войне, детей у меня девять душ, я член республиканской партии, хотя не умею ни читать, ни писать. Так почему я не гожусь в шерифы? Сдается мне, что мистер Таккер тоже человек образованный и может пригодиться в столице. Я вам выдам авансом тысячу долларов на проезд, выпивку, взятки и трамвайные билеты. А если вы мне все это обстряпаете, получите еще тысячу, а кроме того – возможность целый год свободно продавать на территории округа свои наспиртованные контрабандные трости.

Рассказал я об этом разговоре Энди, и Биллова идея ему жутко понравилась. Энди, скажу я вам, сложная натура. Он не из тех, кого вполне устраивает шататься по захолустным городишкам и фермам и всучивать деревенщине комбинацию из молотка для отбивания бифштеков, рожка для ботинок, щипцов для завивки, пилочки для ногтей, шинковки, коловорота и камертона. У Энди душа истинного художника, и не коммерция стоит в ней на первом месте. Поэтому мы приняли предложение Билла и понеслись в Вашингтон.

Прибыв на место, мы остановились в гостинице, и там я говорю:

– Вот, Энди, первый раз в жизни мы собираемся совершить по-настоящему бесчестный поступок. Нам еще никогда не приходилось подкупать сенаторов, но ради Билла придется пойти и на эту низость. В делах торговых можно слегка смошенничать, но в этом грязном деле лучше всего – прямота. Карты на стол, и никаких оговорок. Предлагаю следующее: давай-ка мы вручим пятьсот долларов председателю избирательного комитета, возьмем с него квитанцию, положим ее на стол президенту и расскажем про Билла. Уверен, что президент сумеет оценить кандидата, который стремится получить должность с истинным простодушием, а не гробит время на кулуарные интриги.

Энди как будто согласился, но, обсудив мое предложение с одним из коридорных в гостинице, пошел на попятный. Потому что в Вашингтоне существует только один способ получить желаемое: действовать через

женщину, имеющую связи в Сенате. Он дал нам адрес миссис Эвери. Коридорный божился, что она очень важная персона в дипломатических кругах и даже выше.

На следующее утро мы с Энди отыскали ее особняк и были допущены в приемную.

Миссис Эвери была чисто бальзам для глаз. Волосы у нее оказались золотистыми, глаза голубыми, а вся система красоты так отлажена, что девицы с журнальных обложек рядом с ней показались бы поварихами с дровяной баржи. Платье у нее было декольтированное, усыпанное блестками, в ушах и на пальцах сверкали бриллианты. Одной рукой она держала телефонную трубку, а другой – чайную чашку.

Прошло малость времени, и она говорит:

– Ну, дорогие мои, что вам угодно?

Я объяснил, зачем мы пришли и сколько готовы заплатить.

– Дело это несложное, – отвечает она. – На Среднем Западе легко назначить кого угодно и куда угодно. Так, кто тут может нам пригодиться? С депутатами связываться без толку. По-моему, нам нужен сенатор Снайпер: он и сам оттуда, с Запада. Посмотрим, каким знаком он помечен в моей картотеке...

Тут она вынимает из ящичка, обозначенного буквой С, какие-то карточки.

– Действительно, – говорит она, – отмечен звездочкой, а это означает – готов к сотрудничеству. Ну-ка, что тут у нас? «Возраст – пятьдесят пять; женат вторым браком; вероисповедание – пресвитерианин; предпочтения – блондинки, Лев Толстой, покер и жаркое из черепахи, после второй бутылки становится слезлив». Что ж, я думаю, мне удастся назначить вашего приятеля мистера Баммера посланником в Бразилию.

– Не Баммера, а Хамбла, – говорю я. – И не посланником, а окружным шерифом.

– Ах, прошу прощения, – говорит миссис Эвери. – У меня такая масса подобных дел, что иногда можно и перепутать. Давайте-ка все, что касается вашего дела, мистер Питерс, и приходите дня через четыре. Думаю, к тому времени все будет в порядке.

Вернулись мы с Энди в гостиницу. Я сижу, а Энди рассказывает по номеру и грызет кончик своего левого уса.

– Женщина большого ума и при этом красавица-блондинка – редкое сочетание, Джефф, – вдруг произносит он.

– Такое же редкое, – говорю, – как омлет из яиц той легендарной птицы, которую зовут эпидермис.

– Эпиорнис, – поправляет Энди. – Такая женщина может обеспечить мужчине роскошную жизнь и славу.

– Вряд ли. Самое большее, чем женщина может помочь мужчине в политике, это вовремя приготовить ему ужин или распусть слухи о жене другого кандидата, что та в прошлом воровала в бакалейных лавках.

– Мне известно, – продолжаю я, – что иногда женщина и в самом деле выступает в качестве проводника амбиций своего мужа. Но чем это кончается? Допустим, живет себе человек тихо-мирно, у него приличное место – либо консула в Афганистане, либо смотрителя шлюза на канале Делавер – Раритан. И вот в некий день этот человек замечает, что его жена надевает непромокаемые башмаки, макинтош и сыплет в клетку своей канарейки трехмесячный запас корма. «На курорт собралась?» – в глазах у него вспыхивает пламя надежды. «Нет, Артур, – отвечает она, – в Вашингтон. Хватит нам прозябать в захолустье. Ты должен стать Чрезвычайным и Полномочным Лизоблюдом при дворе державы Сент-Бриджет или Главным Портье острова Пуэрто-Рико. И я костыми лягу, но выхлопочу тебе эту должность».

– И вот эта леди, – говорю я, не сводя глаз с Энди, – вступает в схватку с федеральными властями, не имея на вооружении ничего, кроме связки писем, которые писал ей один из членов кабинета министров, когда ей было лет пятнадцать, рекомендательного письма от бельгийского короля Леопольда Смитсоновскому институту и шелкового розового платья в желтый горошек.

А дальше она публикует эти письма в газетах, таких же желто-розовых, как ее платье, читает лекции на званом обеде и наконец добивается приема у президента. Девятый помощник министра торговли и труда, первый адъютант Синего кабинета и некий неустановленный чернокожий ждут ее с нетерпением, и как только она появляется в приемной, хватают за руки... и, соответственно, за ноги. Они выносят ее, доставляют на одну из Юго-Западных улиц и кладут на люк угольного подвала. Тем дело и кончается. Следующее, что мы узнаем об этой леди, – она засыпает китайского посланника открытками с просьбой предоставить ее Артуру местечко клерка в чайной фирме.

– Короче говоря, – поднимает бровь Энди, – ты не уверен, что эта самая миссис Эвери обеспечит должность шерифа нашему Билли?

– Нет, не уверен, – отвечаю я. – Не хочу выглядеть закоренелым скептиком, но сдается мне, что она способна сделать не больше, чем ты или я.

– Ну, это ты загнул, – говорит Энди. – Готов биться об заклад, что она

все устроит как полагается. И с гордостью заявляю: у меня более высокое мнение о дипломатических талантах дам.

В положенный срок мы явились в особняк миссис Эвери. И на этот раз она выглядела так, что любой мужчина с радостью позволил бы ей вестись всеми назначениями в Соединенных Штатах. Я едва не потерял дар речи, когда она предъявила нам бумагу, на которой красовалась большая государственная печать, а на обороте значилось крупными буквами: «Уильям Генри Хамбл».

– Вы могли бы получить этот документ еще три дня назад, дорогие мои, – с улыбкой проговорила миссис Эвери. – Раздобыть ее оказалось парой пустяков, я только открыла рот, как все было улажено... А теперь я вынуждена с вами проститься. Я отчаянно занята и надеюсь, вы меня поймете. Одного джентльмена я должна сегодня же устроить послом, двоих – консулами и еще человек десять на разные мелкие должности. Пожалуйста, по возвращении домой передайте мой поклон мистеру Хамблу.

Мы вручили этой даме пятьсот долларов, и она, даже не пересчитав, бросила их в ящик письменного стола. Я спрятал в карман бумагу с печатью, и мы откланялись.

Домой мы выехали в тот же день, перед тем отправив Билли телеграмму: «Все улажено, готовься праздновать», – и чувствовали себя на седьмом небе.

Энди всю дорогу допекал меня тем, как плохо я знаю женщин.

– Ладно, – говорю наконец. – Согласен, миссис Эвери меня удивила. Впервые вижу женщину, которая сделала то, что пообещала, к тому же в срок и ничего не перепутала.

Мы уже пересекли границу Арканзаса, и тут я вынимаю полученную нами бумагу и молча подаю Энди – для ознакомления. Он прочитал ее от первой до последней буквы и, не произнеся ни слова, вернул мне.

Там все было как полагается: гербовая бумага, государственная печать, имя написано без ошибки. Да только назначали мистера Билли Хамбла не шерифом в округе Талса, Арканзас, а почтмейстером в Дэд-Сити во Флориде.

На станции Литтл-Рок соскочили мы с поезда и отправили Билли его бумагу почтой. А сами двинулись на северо-восток, по направлению к озеру Верхнее.

С тех времен я больше никогда не встречал Билли Хамбла.

## Супружество как точная наука

– Я ведь уже говорил вам, – начал Джефф Питерс, – что женский ум никогда не внушал мне особого доверия. Даже в самом безобидном жульничестве не стоит полагаться на женщин.

– Это комплимент, – возразил я. – Выходит, у женщин есть полное право считаться честнейшим полом.

– Отчего б им не быть честными, – осуждающе заметил Джефф. – На то Всевышний и создал мужчин, чтобы они жульничали ради них либо гнули спину сверхурочно. Женщины годятся в качестве партнеров по бизнесу до тех пор, пока их чувства и волосы остаются натуральными. А потом подавай им дублера – тяжеловоза с одышкой и рыжими бакенбардами, с пятью отпрысками и перезаложеным домом. Взять, к примеру, хоть ту вдову, которую мы с Энди Таккером попросили помочь нам в небольшой брачной афере в заштатном городке Каир.

Когда у вас достаточно денег на рекламу, даже не сомневайтесь, открывайте брачное агентство. На ту пору у нас было около шести тысяч долларов, и мы рассчитывали за два месяца удвоить эту сумму. Больше двух месяцев заниматься такими делами нельзя, не имея официального разрешения властей штата.

Начали мы с того, что составили объявление примерно такого содержания:

*«Обаятельная вдова с капиталом в три тысячи долларов, владеющая обширным ранчо, желала бы снова выйти замуж. Состояние мужа не имеет значения, так как на первом месте для нее – любящее сердце. К тому же она убеждена, что истинная добродетель чаще встречается среди людей небогатых. Ничего не имеет против, если претендент на ее руку и сердце окажется в летах или не слишком красив – главное, чтобы он оставался ей верен и сумел разумно распорядиться капиталом.»*

*Интересующихся просят обращаться в брачную контору Питерса и Таккера, Каир, штат Иллинойс, на имя Одинокой».*

– Недурно получилось, – заметил я. – Но где мы возьмем эту женщину?

Энди холодно взглянул на меня.

– Джефф, – сказал он, – не знал я, что ты такой сторонник реализма в искусстве. При чем тут женщина? Что ты видишь общего между брачным объявлением и какой-то там женщиной?

– Выслушай, – говорю я, – и прими к сведению. Во всех моих незаконных операциях я всегда держусь одного правила: товар должен быть налицо, чтобы его можно было в любое время предъявить покупателю. Только таким путем, а также путем внимательного изучения городского устава и железнодорожного расписания мне до сих пор удавалось избежать знакомства с полицией. Даже в тех случаях, когда пяти долларов и сигары оказывается недостаточно. Чтобы не загубить наше агентство с первых шагов, мы просто обязаны обзавестись смазливой вдовой – или товаром того же сорта – для работы с клиентами. Иначе – офис судьи.

Поразмыслив, Энди отказался от своей точки зрения.

– Ладно, – сказал он, – может, и в самом деле нам нужна вдова. Хотя бы на тот случай, если какому-нибудь ведомству взбредет в голову провести ревизию в нашем агентстве. Но где найти женщину, которая согласится тратить время на брачные игрища, которые заведомо ничем не кончатся?

Я отвечаю, что у меня на примете есть именно такая. Мой старый знакомец Зики Троттер годом раньше оставил свою жену вдовой, проглотив пинту средства от несварения желудка вместо того зелья, которым он имел обыкновение надираться. Я бывал у них в доме, и мне казалось, что эта женщина – просто находка.

До городка, где она жила, было каких-то шестьдесят миль, и я сейчас же покатил туда. Миссис Троттер я обнаружил на прежнем месте, в той же лачуге, с теми же подсолнухами в палисаднике и цыплятами, разгуливающими где попало. Она вполне подходила под наше объявление, если, конечно, отвлечься от таких пустяков, как возраст, полное отсутствие денег и обаяние. Однако отталкивающего впечатления она не производила, а обработать ее было совсем несложно. Я был рад, что могу воздать дань памяти покойного приятеля, предоставив его вдове возможность немного подзаработать.

– А достойное ли дело вы затеяли, мистер Питерс? – поинтересовалась она, когда я отчасти посвятил ее в свои планы.

– Миссис Троттер! – воскликнул я с пафосом. – Мы подсчитали, что как минимум три тысячи мужчин из тех, что населяют эту обширную и безнравственную страну, прочтя объявление в газете, попытаются завладеть вашей рукой, сердцем, несуществующими деньгами и мнимым ранчо. И все они смогут предложить вам взамен лишь свое полуразрушенное тело и ленивые загребущие руки. Вообразите – три тысячи презренных проходимцев, жалких неудачников и прирожденных

бездельников!

– Мы с Энди, – продолжаю я, – намерены дать этим паразитам жестокий урок. Именно с этой целью и основана наша корпорация под названием Всеамериканское моральное и милосердно-матримониальное агентство. Ну, теперь вы убедились, какая перед нами высокая, достойная и благородная цель?

– О да, – отвечает она, – вы, мистер Питерс, ни на что худое не пойдете. Но в чем же будут состоять мои обязанности? Неужто придется отказывать каждому из этих трех тысяч прохвостов по отдельности или мне будет разрешено отвергать их оптом – дюжинами, а может, и сотнями?

– Ваша должность, миссис Троттер, – говорю я, – будет чисто номинальной. Мы вас поселим в скромной гостинице, и больше вам делать ничего не придется. Перепиской с клиентами и делами агентства займемся мы с Энди. Но не исключено, что какой-нибудь особенно пылкий соискатель, у которого хватит средств на железнодорожный билет, явится, чтобы лично добиться вашей благосклонности. В этом случае вам придется указать ему на дверь. Ваше жалованье составит двадцать пять долларов в неделю, оплата гостиницы за наш счет.

Едва услышав это, миссис Троттер воскликнула:

– Через десять минут я буду готова! Только прихватчу пудреницу и оставлю соседям ключ от двери. Считайте, что я уже на службе!

И вот доставляю я нашу вдову в Каир и устраиваю в скромном семейном пансионе подальше от нашего агентства, чтобы не возникло ни малейших подозрений. А после этого иду и докладываю обо всем Энди Таккеру.

– Превосходно, – говорит Энди. – А теперь, когда твоя совесть успокоилась и у нас есть крючок и наживка, давай-ка приниматься за рыбную ловлю.

Мы распространили наше объявление по всей округе, и этого вполне хватило. Мы открыли счет на имя миссис Троттер и положили на него две тысячи долларов. Затем вручили ей чековую книжку, чтобы она могла демонстрировать ее маловеерам. Я знал, что она женщина скрупулезно честная, и был спокоен за наши деньги.

В дальнейшем мы по двенадцать часов в сутки отвечали на письма. Почта приносила их штук по сто в день.

Мне и в голову не приходило, что на свете столько истосковавшихся по семейной жизни, но недостаточно состоятельных мужчин, которые горят желанием сочетаться браком с симпатичной вдовой и взвалить на свои плечи бремя забот о ее капитале и земельных владениях. Большинство из

них честно признавались, что сидят без гроша, не имеют никаких источников дохода и что их никто не ценит. Но при этом, если верить их словам, у них накопились такие внушительные запасы любви и прочих мужских достоинств, что вдовушка может рассчитывать стать счастливейшей из женщин.

Каждый клиент получал от агентства ответ. В нем сообщалось, что его искреннее и чрезвычайно трогательное письмо произвело на вдову глубокое впечатление. Именно поэтому она просит написать ей подробнее и приложить, если возможно, фотографию. Со своей стороны, владельцы агентства Питерс и Таккер указывали, что их гонорар за передачу второго письма в нежные ручки вдовы составляет два доллара. Упомянутую сумму следует приложить к следующему письму.

Теперь-то вы понимаете, как прост и безотказен был наш план. Девять из десяти соискателей всеми правдами и неправдами раздобыли по два доллара и прислали их в агентство. Вот, собственно, и все. Разумеется, нам пришлось потрудиться – с рассвета до заката распечатывать сотни конвертов и выуживать оттуда доллар за долларом!

Впрочем, были и особенно ретивые соискатели, которые являлись лично. Их мы отправляли прямиком к миссис Троттер, и она расправлялась с ними сама. Из этих только трое или четверо вернулись в агентство, чтобы поклянчить у нас денег на обратную дорогу. Когда же хлынул поток писем из самых глухих уголков штата, мы с Энди стали извлекать из конвертов по триста долларов в день.

Однажды в послеобеденное время, когда у нас была самая запарка и я раскладывал купюры в коробки из-под сигар, а Энди меланхолично насвистывал арию «Не для нее звонит венчальный колокол», входит к нам какой-то маленький вертлявый субъект и принимается шарить глазами по стенам, будто пытается обнаружить след украденной из музея картины Рембрандта.

При виде этого типа я испытал прилив гордости, потому что наше дело правое и придраться ни к чему невозможно.

– У вас сегодня что-то многовато писем, – ехидно замечает человек.

– Пошли, – говорю я и нахлобучиваю шляпу. – Я покажу вам наш товар. В добром ли здоровье был мистер Рузвельт, когда вы покидали Вашингтон?

Отвел я его в пансион «Ривервью» и познакомил с миссис Троттер. Потом показал ему ее чековую книжку, где значились две тысячи долларов на счету.

– Как будто все в порядке, – неохотно говорит сыщик.



– Именно, – говорю я. – И если вы холостой человек, я позволю вам побеседовать с этой дамой. С вас мы не потребуем ни цента.

– Благодарствую, – отвечает он. – Если бы я не был обременен семейством, то, пожалуй, и рискнул бы... Всяческих благ, мистер Питерс.

К исходу третьего месяца у нас скопилось около пяти тысяч долларов, и мы решили, что пора заканчивать работу: отовсюду сыпались жалобы, да и миссис Троттер притомилась.

И вот, когда мы уже вплотную занялись ликвидацией агентства, я отправился к миссис Троттер, чтобы выплатить ей жалованье за последнюю неделю, попрощаться и забрать у нее чековую книжку с двумя тысячами долларов, временно переданных ей на хранение.

Стучу, вхожу в ее комнату и обнаруживаю, что она сидит и заливается слезами.

– Успокойтесь, – говорю я, – в чем дело? Кто-нибудь вас обидел или вы тоскуете по дому?

– О, нет, мистер Питерс, – отвечает вдова. – Вы всегда были другом Зики, и от вас я ничего не скрою. Мистер Питерс, я влюблена. Я влюблена в одного человека, да так, что просто дышать без него не могу. Это тот идеал, который стоял у меня перед глазами всю мою жизнь.

– При чем же тут слезы? – говорю я. – Хватайте его и выходите замуж на здоровье. Конечно, если в наличии взаимность. Испытывает ли ваш идеал к вам те нежные чувства, которые вы испытываете по отношению к нему?

– Да, без сомнения, – отвечает она. – Это один из тех джентльменов, которые приходили ко мне по объявлению. Но он не хочет на мне жениться, если я не принесу ему в качестве приданого эти две тысячи. Звать его Уильям Уилкинсон.

Тут она снова в слезы, хуже того – в истерику.

– Миссис Троттер, – говорю я ей, – вы не найдете человека, который больше меня уважал бы чувства женщины. Мало того – вы были спутницей жизни одного из моих лучших друзей. И если бы это зависело от меня, я бы не раздумывая сказал: берите эти две тысячи и будьте счастливы. Мы легко можем расстаться с такой суммой: из ваших поклонников мы выкачали больше пяти тысяч. Однако я должен посоветоваться с Энди Таккером. Мы с ним пайщики в равных долях. Я поговорю с ним, и мы решим, что сможем сделать для вас.

Я вернулся к Энди и выложил ему эту историю.

– Ну вот, – удрученно говорит Энди. – Я давно предчувствовал, что должно случиться что-нибудь в этом роде. Нельзя полагаться на женщину в

предприятиях, в которых затрагиваются дела сердечные.

– Послушай, Энди, – говорю я, – мне будет горько сознавать, что по нашей с тобой вине вдребезги разбито женское сердце.

– Еще бы, – отвечает Энди. – Поэтому и скажу тебе, Джефф, как я намерен поступить. Характер у тебя мягкий, я же человек прозаический, сухой, где-то даже подозрительный. Но я готов пойти тебе навстречу. Возвращайся к миссис Троттер и скажи ей: пусть возьмет из банка эти две тысячи, вручит их своему избраннику и будет счастлива во веки веков.

Я вскакиваю, минут пять подряд жму Энди руку, а потом мчусь к миссис Троттер и сообщаю ей о нашем решении. Теперь она рыдает так же бурно, как только что заливалась слезами от горя.

Прошло пару дней, пока мы упаковали свои вещи и приготовились покинуть Каир.

– Тебе не кажется, что перед отъездом тебе следовало бы нанести прощальный визит миссис Троттер? – спрашиваю я у Энди. – Она была бы счастлива познакомиться с тобой и выразить тебе свою признательность.

– Я-то не прочь, – отвечает Энди. – Но, боюсь, это уже невозможно. Как бы нам на вокзал не опоздать.

В это время я как раз надевал на себя особый пояс с карманами, в которые были плотно упакованы наши доллары. Вдруг Энди вынимает из кармана пачку крупных банкнот и просит присовокупить их к прочим капиталам.

– Откуда они? – удивленно спрашиваю я.

– От миссис Троттер – отвечает он. – Две тысячи.

– Как же они оказались у тебя?

– Сама отдала, – отвечает Энди. – Я, знаешь ли, целый месяц бывал у нее по вечерам... Три раза в неделю...

– Так ты, значит, и есть тот самый Уильям Уилкинсон? – спрашиваю.

– Был, – отвечает Энди. – До вчерашнего дня.

## Стриженный вол

Джефф Питерс готов спорить до упаду, как только речь у нас заходит о том, считать ли его профессию честной.

– Уж на что мы с Энди Таккером друзья, – не раз говаривал он, – но и в наших отношениях появилась крупная трещина, когда мы не смогли с ним прийти к согласию насчет моральной стороны жульничества. У него свои принципы, у меня свои. Я не всегда одобрял предлагаемые Энди проекты по взиманию с публики некоторых сумм в свою пользу, а он порой упрекал меня, что я частенько впутываю в деловые операции такую неопределенную штуку, как совесть, и таким образом причиняю нашей фирме ущерб.

Бывало, в этих спорах мы хватали лишку. Однажды в разгар дискуссии он даже заявил, что я ничуть не лучше какого-нибудь там Рокфеллера.

– Энди! – сурово возразил я. – Я вижу, ты хочешь меня жестоко оскорбить. Но мы давние друзья и деловые партнеры, и я не стану обижаться, тем более что ты и сам об этом пожалеешь, когда угомонишься. Всякое со мной бывало, но я еще ни разу не совал взятку судебным приставам, чтобы избежать ответственности, подобно твоему Рокфеллеру.

Однажды летом мы с Энди решили отдохнуть в Кентуккийских горах в небольшом городке Грассдейл. Мы выдавали себя за скотопромышленников, прибывших на короткие каникулы. Жителям Грассдейла мы пришлись по душе, и они нам тоже. Поэтому мы дали слово не предпринимать против них никаких боевых действий и не морочить им головы проспектами мнимых каучуковых плантаций и фальшивым блеском бразильских бриллиантов.

Поселились мы в гостинице, и вот как-то раз самый крупный грассдейлский торговец скобяным<sup>[19]</sup> товаром подсаживается к нам на веранде, чтобы выкурить сигару за компанию. Мы его уже знали. Был он громогласный и рыжий, страдал одышкой, но с виду такой упитанный и степенный, что просто удивительно.

Сначала мы потолковали о погоде и новостях, а потом этот Мерчисон достает из кармана письмо и с этаким наигранно-беззаботным видом протягивает его нам.

– Ну, и как вам это нравится? – произносит он, похохатывая. – Писать такое мне!

Мы с Энди мигом смекнули, в чем тут соль. Однако делаем вид, что

вчитываемся в каждое слово. Отпечатано на машинке, по содержанию – одно из тех старомодных писем, где вам вежливо предлагают всего за одну тысячу долларов получить целых пять, – и притом такими купюрами, какие ни один эксперт не отличит от подлинных. Эти доллары являются оттисками с подлинных клише Государственного казначейства Соединенных Штатов, выкраденных одним тамошним служащим.

– Подумать только, и они смеют с подобными предложениями обращаться ко мне!

– Что ж тут удивительного? – говорит Энди. – Такие письма и порядочным людям случается получать. Если вы не ответите аферистам на первое послание, они просто от вас отстанут. А если отзоветесь, в следующем письме вам будет предложено приехать к ним и совершить сделку.

– Нет, но вы представьте, что с подобной низостью они посмели обратиться ко мне! – продолжает пыхтеть Мерчисон.

Спустя несколько дней он является опять.

– Друзья! – говорит он, понизив голос. – Не сомневаюсь, что вы люди достойные во всех отношениях, иначе я не стал бы с вами откровенничать. Я написал тем проходимцам – просто так, чтобы позабавиться. И они мигом ответили: предлагают приехать в Чикаго. В день отъезда я должен отправить телеграмму до востребования на имя некоего Дж. Смита. А по приезде в Чикаго – в указанное время на углу такой-то улицы спокойно ждать. Мимо пройдет тип в сером костюме и уронит газету. Тогда я должен спросить у него, теплая ли сегодня вода. Так он узнает, что я – тот самый, кому они писали.

– Допотопные штучки, – говорит Энди, позевывая. – Мне приходилось читать про такое в газетах. Потом он ведет вас в паршивую гостиницу, а там уже вас ждет не дождется мистер Джонс. Вам показывают новехонькие, хрустящие, настоящие купюры – целую кучу. Вы вручаете им свою тысячу и видите собственными глазами, как они укладывают в ваш саквояж пачки пятерок – целых десять, по пятьсот долларов в каждой. Вы полностью уверены, что ваши деньги при вас, и вы спокойны. Но когда вам вздумается взглянуть на них, вы обнаруживаете, что в саквояже нет ничего, кроме резаной оберточной бумаги в банковских упаковках.

– Чепуха! Со мною такие номера не проходят, – заявляет Мерчисон. – Не тот я человек! Я бы не создал самый процветающий бизнес в Грассдейле, если б соображал так туго. Вы, мистер Таккер, кажется, говорили, что они покажут настоящие деньги?

– По крайней мере, мне самому... то есть, в газетах пишут, что

подобные проходимцы действуют именно таким образом.

– Друзья! – восклицает Мерчисон. – Берусь доказать вам, что им не удастся окрутить Билла Мерчисона. Я отучу этих аферистов мошенничать раз и навсегда. Ведь стоит мне хоть раз взглянуть на настоящие деньги – уж я от них глаз не оторву! Жулики предлагают пятерку за доллар – отлично! – придется им выложить всю сумму до последнего цента. Для этого у меня есть свои средства. Билл Мерчисон – не какой-нибудь там деревенский олух. Я отправлюсь в Чикаго, и увидите – заставлю этого самого Смита выдать мне за тысячу долларов полновесных пять тысяч. И уж тогда вода точно станет теплой.

Мы с Энди изо всех сил пытаемся вышибить у него из рыжей башки этот безумный план. Да где там! Мерчисон уперся, как бык. «Я, – говорит, – исполню долг законопослушного гражданина и поймаю бандитов в расставленные ими силки. Пусть это послужит им наукой!»

Словом, он уходит, а мы продолжаем сидеть на веранде гостиницы, размышляя о том, как иной раз прискорбно заблуждается человеческий разум. Как только нам удастся выкроить свободный часок, мы обязательно посвящаем его благочестивым размышлениям и духовному самосовершенствованию. Размышляем мы долго и сосредоточенно, но в конце концов Энди прерывает молчание.

– Джефф! – говорит он. – Я должен сделать признание. Не раз и не два у меня возникало желание вышибить тебе оставшиеся зубы, когда ты, бывало, начинаешь нести ахинею о совести и чести в бизнесе. Но теперь я пришел к убеждению, что был, пожалуй, неправ. Больше того, по отношению к мистеру Мерчисону я с тобой совершенно согласен. Будет низостью с нашей стороны отпустить его в Чикаго одного, без всякой поддержки и охраны, на свидание с прожженными мазуриками. Ведь ему придется туго. Не кажется ли тебе, что мы обязаны не допустить катастрофы?

Я вскакиваю, хватаю руку Энди и долго трясу ее.

– Энди, – говорю, – если мне и случалось иной раз заподозрить, что у тебя жестокое сердце, теперь я убежден в обратном. В душе у тебя сохранились искры добра и любви, и это делает тебе честь. Меня тоже тревожит Мерчисон. Сущий позор для нас, если мы не помешаем ему влипнуть в эту темную историю. Он решил ехать? Последуем за ним и не дадим этим гангстерам его одурачить.

Энди во всем соглашается со мной, и я еще раз убеждаюсь, что он намерен вмешаться и положить конец этим махинациям с фиктивными долларами.

– Не скажу, чтобы я был слишком набожен, – говорю я, – пуританин из меня никакой, сам знаешь, но не могу же я безучастно наблюдать, как человек, который своим умом и энергией создал серьезный бизнес и дал работу многим горожанам, становится жертвой каких-то негодяев!

– Святая правда, Джефф, – подхватывает Энди. – И если Мерчисон заупрямится и все же двинется в Чикаго, мы не отпустим его от себя ни на шаг. Мы обязаны поломать эту аферу. Я, как и ты, терпеть не могу, когда такие деньжищи швыряют на ветер!

И мы отправились к Мерчисону – отговаривать. Но все без толку.

– Нет, друзья мои, – говорит Мерчисон. – Решение принято. Я либо вытоплю сало из этих парней, либо прожгу дыру в сковородке. Но я до смерти рад, что вы готовы прокатиться со мной. Может, мне и в самом деле понадобится ваша помощь, чтобы утоптать в саквояже всю эту гору пятидолларовых бумажек. Это будет самый настоящий праздник!

Мерчисон распускает по Грассдейлу слух, что якобы отправляется вместе с мистером Питерсом и мистером Таккером осматривать какие-то железные рудники в Западной Виргинии. Затем отправляет телеграмму Дж. Смиту, и вот уже мы втроем мчимся в Чикаго.

В поезде Мерчисон развлекает себя, предвкушая разные забавные события и грядущие приятные воспоминания.

– В сером, значит, костюме... – ухмыляется он. – На юго-западном углу Уобаш-авеню и Лэйк-стрит... Он, понимаете, роняет газету, а я спрашиваю: теплая ли сегодня вода? Ох-хо-хо-хо!!!

И минут пять он заливается хохотом.

Временами, однако, наш спутник хмурится – словно пытается отделаться от каких-то тревожных мыслей.

– Друзья мои! – говорит он в такие минуты. – Полагаюсь на вас как на истинных джентльменов. Даже за десять тысяч я бы не согласился, чтобы об этом деле пронюхали в нашем Грассдейле. Поползут сплетни, и это меня в два счета разорит. Но ведь, по-моему, долг каждого гражданина – обуздать и проучить разбойников, которые беспощадно грабят доверчивую публику. Я покажу им, какой температуры нынче вода. За доллар – целая пятерка! Раз некто Дж. Смит это предлагает, придется ему выполнить свое обещание.

В Чикаго мы прибыли около семи вечера. А встреча с человеком в сером костюме должна была состояться в половине десятого. Мы пообедали в ресторане отеля и направились в номер Мерчисона, чтобы дожидаться условленного часа.

– Ну, друзья мои, – говорит Мерчисон, закуривая, – давайте-ка

пораскинем мозгами и составим план, как нам оставить неприятеля с носом. Что, если в то время, как я стану обмениваться сигналами с тем субъектом, вы, джентльмены, будете якобы проходить мимо, совершенно случайно, и с удивлением воскликнете: «Хэлло, Билл!» – и приметесь дружески жать мне руку. Тогда я отведу этого типа в сторонку и шепну ему, что вы мои земляки Дженкинс и Браун. Один из вас владеет бакалейной лавкой, а у другого магазин готовой одежды. И добавлю, что вы отличные парни и тоже не прочь попытаться счастья на чужой стороне. «Что ж, – говорит он, – если они желают приумножить свои капиталы, зовите и их». Ну, как вам такой план?

– Что скажешь об этом, Джефф? – спрашивает Энди и выразительно смотрит на меня.

– Сейчас, – говорю я, – вы узнаете мое мнение! И вот что я скажу: давайте-ка покончим с этим делом прямо здесь. Нечего тут попусту разводить канитель.

После этого я достаю из кармана никелированный «Смит-и-Вессон» тридцать восьмого калибра и со щелчком проворачиваю барабан.

– Ты, подлый, коварный, шkodливый кабан! – говорю я, беря на мушку Мерчисона. – Выкладывай-ка свои деньги. Да поживее, а не то будет поздно. Сердце у меня мягкое, но порой и оно вскипает праведным гневом. Из-за таких мерзавцев, как ты, – продолжаю я уже после того, как две тысячи лежат на столе, – на свете существуют полиция, суды и тюрьмы. Ты зачем приехал в Чикаго? Чтобы похитить у этих людей их деньги. И то, что они, в свою очередь, собирались облапошить тебя, – никакого не оправдание. Ты в десять раз хуже. Дома ты ходишь в церковь и притворяешься почтенным бизнесменом, но едва запахло деньгами – тайно пробираешься в Чикаго, чтобы раздеть до нитки людей, создавших солидную фирму для борьбы с такими же презренными мерзавцами, как ты. Откуда ты знаешь, что тот человек, который предложил тебе сделку с долларами, не обременен многочисленной семьей, пропитание которой полностью зависит от успеха в его делах? Все вы считаетесь добропорядочными гражданами, а сами только и глядите, как бы загрести побольше, не дав взамен ни цента. Не будь вас, разве существовали бы в нашей стране биржевые жуки, шантажисты, торговцы несуществующими приисками и шахтами, устроители фальшивых лотерей? Тебе не приходило в голову, что тот, кто хотел всучить тебе оберточную бумагу вместо долларов и кого ты сегодня собирался ограбить, – может, он положил годы труда на то, чтобы развить необходимую ловкость рук и овладеть профессией? Изо дня в день он рискует своими деньгами и свободой, а

бывает – и жизнью. Если ему удастся заполучить твои денежки, ты поднимаешь крик на весь свет: караул, полиция! – и все ищейки бросаются по его следам. Если же тебе везет, то ему приходится нести в заклад свой единственный серый костюмчик, чтобы купить еды к ужину, – и при этом он молчит и не жалуется. Мы с мистером Таккером раскусили тебя, травоядный ханжа, и приняли меры, чтобы ты получил то, чего вполне заслуживаешь!

С этими словами я перемещаю две тысячи во внутренний карман пиджака.

– А теперь клади на стол часы, – говорю я. – Нет-нет, мне они ни к чему. Положи их перед собой и сиди не двигаясь, пока они не отсчитают ровно час. После этого можешь отправляться куда угодно. Если же тебе взбредет в голову поднять шум или двинуться с места до истечения часа, Грассдейл узнает о тебе всю правду. А твоя репутация стоит побольше, чем какие-то чепуховые две тысячи.

После этого мы с Энди покидаем отель.

В вагоне поезда он долго молчит. А потом внезапно поворачивается ко мне:

– Джефф, могу я задать тебе вопрос?

– Да хоть сорок, – говорю я.

– Вся эта комбинация... она пришла тебе в голову еще до того, как мы выехали из Грассдейла вместе с Мерчисоном?

– А как же иначе? Разве у тебя на уме было не то же самое?

Энди опять уходит в себя и целых полчаса не издает ни звука. Должно быть, пытается понять мою систему нравственной гигиены.

– Джефф, – наконец говорит он, – знаешь, чего я хочу? Чтобы ты как-нибудь на досуге начертил для меня диаграмму того, что ты называешь своей совестью. А внизу, под диаграммой, – примечания. Это было бы очень полезно для нас обоих.



## Совесть и искусство

– Никогда мне не удавалось заставить Энди Таккера, моего напарника и компаньона, держаться в рамках закона, – пожаловался однажды Джефф Питерс. – Энди не способен к благородному жульничеству: у него чересчур богатая фантазия. Он, случалось, изобретал такие способы добывания денег, что от них с ужасом отшатнулась бы даже железнодорожная компания.

Что касается меня, то я твердо держался принципа: никогда не бери у ближнего ни цента, если не можешь дать ему взамен что-нибудь существенное – будь то цепочка из фальшивого золота, семена садовых цветов, мазь от болей в пояснице, акции прогоревшей компании или хотя бы средство от блох. Должно быть, мои отдаленные предки происходили из Новой Англии<sup>[20]</sup>, и я унаследовал от них толику пуританской добропорядочности. Ну, а у Энди совсем другая родословная – она, по моим предположениям, восходит к какой-нибудь крупной корпорации.

Однажды летом, когда мы промышляли в долине Огайо семейными альбомами, порошками от головной боли и ломоты в коленях и жидкостью от тараканов, Энди пришла в голову очередная финансовая комбинация, выглядевшая, с точки зрения суда и полиции весьма сомнительно.

– Джефф, – начал он, – сдаётся мне, пора нам плюнуть на этих свиноводов и заняться чем-нибудь посущественнее. Как тебе нравится идея предпринять экспедицию в самые дебри страны небоскребов и поохотиться на солидную дичь?

– Что ж, – отвечаю я, – мои правила тебе известны. Я сторонник честного бизнеса, примерно такого, каким мы занимаемся сейчас. Взяв деньги, я люблю оставлять в руках у покупателя какой-нибудь предмет, чтобы он любовался им до тех пор, пока я не смоюсь. Но если тебе пришло в голову что-нибудь свеженькое, выкладывай. Не такой уж я поклонник мелкого жульничества, чтобы отказываться от серьезных дел.

– Я намерен, – говорит Энди, – устроить небольшую облаву – впрочем, без собак, егерей и загонщиков – на обширное стадо американских денежных мешков, которых газетчики называют питтсбургскими миллионерами.

– В Нью-Йорке, что ли? – интересуюсь я.

– Ну уж нет, – говорит Энди. – В Питтсбурге, конечно. Они водятся, в основном, в тех краях. В Нью-Йорк они наведываются лишь изредка, и

только потому, что этого требует их статус.

Питтсбургский миллионер в Нью-Йорке – все равно что муха в миске с горячей похлебкой: все глазают на нее, говорят о ней, а толку никакого. Нью-Йорк насмешничает над миллионером из Питтсбурга за то, что тот просаживает уйму денег. Я однажды своими глазами видел расходную книжку одного жителя Питтсбурга, стоившего пятнадцать миллионов, после того как он провел десять дней в Нью-Йорке. Выглядела она примерно так:

*Проезд по железной дороге туда и обратно – \$ 21*

*Проезд в кэбе в отель и обратно – \$ 2*

*Счет в отеле из расчета по \$ 5 в день – \$ 50*

*На чай – \$ 5750*

*Итого – \$ 5823*

– Вот оно, истинное лицо Нью-Йорка, – продолжает Энди. – Этот город похож на официанта в ресторане. Если дать ему непомерно большие чаевые, он отойдет подальше и примется зубоскалить на ваш счет с гардеробщиком. Когда житель Питтсбурга хочет наслаждаться своим состоянием, он сидит дома. Там мы его и возьмем за жабры.

Одним словом, сложили мы с Энди наши альбомы и снадобья в погреб у одного приятеля и двинули в Питтсбург. Готовой программы незаконных действий у Энди пока не было, но он предполагал, что, когда дойдет до дела, его инстинкт окажется на должной высоте.

Уступая мне, Энди поклялся, что, если я приму полноценное участие в любом бизнесе, какой ему придет в голову затеять, клиент, он же жертва, получит за свои деньги нечто такое, что можно воспринимать с помощью чувств. Я имею в виду зрение, осязание, обоняние и вкус. Таким образом, моя совесть была спокойна. Я уже не чувствовал ни малейших угрызений и был готов бодро пойти на любое беззаконие.

– Энди! – говорю я, труся за ним сквозь облака заводской копоти по гаражной дорожке, которую в Питтсбурге, известном как столица американской металлургии, именуют Смитфилд-стрит. – А ты уже подумал о том, как нам поближе сойтись с этими королями домен и герцогами сталепрокатных станков? Я вполне умею вести себя в обществе и знаю, как обращаться с ножом и вилкой, однако проникнуть в гостиные местных ценителей дешевых сигар не так-то просто.

– Если что и помешает нам коротко сойтись с ними, – отвечает Энди, – это наши хорошие манеры. Мы для них слишком воспитанны.

Питтсбургские миллионеры – народ простой, добродушный, компанейский – словом, истинные демократы. Правда, они грубоваты, а в глубине души еще и дерзки. И неудивительно – почти все они вышли из самых грязных трущоб, а их биографии так и останутся в потемках, покуда этот город не заведет дымоуловителей. Мы должны держаться просто, без всяких амбиций, не избегать салунов и в то же время заявить о себе достаточно громко, чтобы быть услышанными. И тогда ничто не помешает нам завести с этими денежными мешками самое короткое знакомство.

Так мы с Энди таскались по городу дня три-четыре – присматривались и примеривались. Некоторых тамошних миллионеров мы уже знали в лицо.

Один из них каждое утро, проезжая мимо нашей гостиницы, останавливался и требовал, чтобы ему на улицу подали кварту шампанского. Лакей подает бутылку и бокал на подносе, откупоривает вино, а тот хватать бутылку – и до дна из горлышка. Видать, перед тем как разбогатеть, он работал стеклодувом на фабрике.

В один из дней Энди не явился к обеду. Вернулся он около одиннадцати – и напрямик ко мне в номер.

– Одного подцепил! – говорит. – Двенадцать миллионов. Нефть, прокат, недвижимость, природный газ. Простой человек, ни капли чванства. Все состояние нажил за пять лет. Теперь нанимает тучу профессоров, чтоб обучали его литературе, искусству и прочим шалостям. В первый раз я увидел его, когда он только что выиграл пари. Он бился об заклад с одним из менеджеров Стального треста на то, что сегодня в течение дня на Аллеганском сталепрокатном будет не меньше четырех самоубийств среди рабочих. Ставка была – десять тысяч. По случаю выигрыша его поздравляла целая толпа, и каждому он ставил выпивку. Я ему понравился с первого взгляда, и он пригласил меня отобедать вдвоем. Я не отказался; мы двинули в ресторан на Дайамонд-авеню, пили мозельвейн, ели рагу из устриц с черной икрой, а на десерт – оладьи с патокой.

Потом он выразил желание показать мне свое холостяцкое гнездышко. Апартамент в десять комнат прямо над рыбными рядами, а спальни и ванны – этажом выше. Он утверждает, что обставить эту квартирку ему стоило восемнадцать тысяч.

В одной комнате картин тысяч на сорок, а в другой – антикварных штук еще на двадцать. Зовут его Скаддер, ему сорок пять, он учится играть одним пальцем на пианино, и его нефтяная скважина в Аризоне ежедневно дает пятнадцать тысяч баррелей<sup>[21]</sup> нефти.

– Что ж, – говорю я, – звучит недурно, но нам-то что с того? На черта нам его картины и нефть?

Энди задумчиво садится на кровать.

– Нет, – говорит он, – этот Скаддер не просто обычный мерзавец. Когда он отпер шкафчик с древностями, чтобы предъявить мне свои сокровища, лицо у него зарделось. Он сказал, что если ему удастся осуществить еще пяток крупных сделок, то по сравнению с его коллекцией гобелены и фарфор Джона Пирпонта Моргана<sup>[22]</sup> покажутся содержимым страусиного зоба.

– Потом он продемонстрировал мне одну безделушку, – продолжал Энди. – Ну, там с первого взгляда ясно, что вещь незаурядная. По словам Скаддера, ей три тысячи лет. Цветок лотоса, вырезанный из слоновой кости, и в нем лицо какой-то дамы. В каталоге, в который он заглянул, говорится, что египетский мастер по имени Хафра изготовил две такие штучки для фараона Рамзеса в какой-то там год до рождения Христа. Вторая куда-то пропала, и до сих пор никто не может ее найти. Скаддер заплатил за свою две тысячи.

– Ладно, – говорю, – нас это не касается. Я думал, мы прикатили в Питтсбург, чтобы научить миллионеров, как обделывать дела, а не затем, чтобы они нам давали уроки по изящным искусствам и египетской истории.

– Наберись терпения, Джефф, – рассеянно и благодушно отвечает Энди. – Глядишь, дым и рассеется.

На следующий день Энди покинул гостиницу ранним утром и вернулся только в полдень. Зазвал меня к себе в номер и вынимает из кармана какой-то сверточек с гусиное яйцо, не больше. И когда он его распаковал, внутри обнаружилось в точности такое же изделие из слоновой кости, как то, что он мне описывал накануне.

– Час тому назад, – сообщает Энди, – забрел я в одну лавчонку, где торгуют всякой пыльной трухой. Там и вещи берут в заклад. Глядь – из-под каких-то индейских кинжалов выглядывает вот эта загогулина. Владелец говорит, что она у него валяется еще с тех времен, когда в нижнем городе жили какие-то неверные... Я предложил ему два доллара, но сплеховал – должно быть, по глазам было видно, что вещица мне позарез нужна. Ясное дело, продавец говорит: триста тридцать пять долларов – минимум. Не может же он, снизив цену хотя бы на цент, отнять кусок хлеба у собственных детей. Короче, я приобрел ее за двадцать пять.

– Джефф, – продолжает Энди, – смотри внимательно. Это и есть та самая вторая фараонова штучка, о которой толковал Скаддер. Они похожи как две капли воды. Когда он ее увидит, то выложит две тысячи с такой же скоростью, с какой затыкает салфетку за узел галстука перед обедом. И

почему бы этой финтифлюшке не оказаться настоящей?

– И в самом деле – говорю я. – Но как заставить Скаддера ее приобрести?

К тому времени у Энди уже был готов вполне проработанный план. Оставалось его привести в исполнение.

Я раздобыл синие очки, напялил серый сюртук, взъерошил волосы и превратился в профессора Р. Дж. Пикклмана. Затем снял номер в другом отеле, зарегистрировался там и отправил телеграмму Скаддеру, приглашая посетить меня по крайне важному делу, имеющему отношение к изящным искусствам.

Не прошло и часу, как он поднялся ко мне на лифте. С виду – неотесанный мужлан, грубиян и крикун, весь пропахший паршивыми сигарами из Коннектикута и нефтью.

– Хэлло, проф! – вопит он. – Как поживаете?

Я еще больше ерошу волосы и впериваюсь в него через синие очки.

– Сэр, – говорю я, – вы Корнелиус Т. Скаддер, проживающий в городе Питтсбург, штат Пенсильвания?

– Я самый и есть! – кричит он, будто я сижу по другую сторону ущелья. – Самое время промочить глотку по этому поводу!

– У меня, сэр, – отвечаю я, – нет ни желания, ни времени предаваться столь нелепым и разрушающим организм удовольствиям. Я прибыл из Нью-Йорка по делу, касающемуся античного искусства. Окольными путями мне стало известно, что вы являетесь владельцем египетской камен<sup>[23]</sup> из слоновой кости времен фараона Рамзеса Второго. На ней изображена голова богини Изиды на фоне лепестков лотоса. Всякий специалист знает, что таких камней в мире всего две, причем одна из них считалась бесследно затерявшейся. Однако недавно мне посчастливилось приобрести ее в ломб... в одном малоизвестном австрийском музее. Я хотел бы купить и ту, которая хранится в вашей коллекции. Назовите вашу цену.

– Чертовщина, проф! – кричит Скаддер. – Неужто вы ее откопали? И вы хотите, чтобы я продал вам свою? Нет, и еще раз нет! Корнелиус Скаддер не продает раритеты<sup>[24]</sup> из своего собрания. У вас с собой это уникальное произведение?

Я предъявляю финтифлюшку Скаддеру. Он осматривает ее со всех сторон, только что не обнюхивает.



— Эта камя — подлинная пара к моей. Та же рука,  
тот же орнамент. Я готов ее у вас купить.  
(Совесьть и искусство)

— Вы таки правы, — наконец произносит он. — Это подлинная пара к моей. Та же рука, тот же орнамент. И вот что я вам скажу: хоть я и не продаю, но готов ее у вас купить. Предлагаю за вашу две тысячи пятьсот.

— Ладно, — после мучительной борьбы с собой говорю я. — Раз уж вы

категорически отказываетесь продать, тогда я продам. Цена меня устраивает. И, пожалуйста, купюраами покрупнее – у меня времени в обрез. Сегодня же мне предстоит вернуться в Нью-Йорк, чтобы прочесть в Аквариуме публичную лекцию.

Скаддер подмахивает чек, посылает его вниз, в офис администратора, там его обналичивают и приносят деньги. Он сует свою египетскую цацку в карман, а я беру деньги и еду в гостиницу.

Энди расхаживает из угла в угол, то и дело поглядывая на часы.

– Ну? – спрашивает он.

– Две пятьсот, – говорю я. – Наличными.

– У нас одиннадцать минут, – говорит он. – Поезд вот-вот отойдет. Хватай чемодан – и ходу.

– Что за спешка? – говорю я ему. – Дело-то чистое. Даже если наша египетская камешка и подделка – это ж не сразу выяснится. Скаддер и сам убежден, что она настоящая.

– Она и есть настоящая, – говорит Энди. – Вчера, когда я обзирал его коллекцию, он отлучился на минуту, а я сунул эту штуковину в карман... Заканчивай эту возню с чемоданом!

– Так зачем же, – говорю я, – ты наплел мне, что наткнулся на вторую у антиквара?

– Ох, – отвечает Энди, – исключительно из уважения к твоим принципам. Чтобы тебя совесть потом не мучила... Да пошевеливайся же ты, ради бога!

## Кто впереди?

Мы с Джеффом Питерсом сидели в уютном уголке ресторанчика «Провенцано», и перед каждым из нас дымилась тарелка со спагетти. Джефф втолковывал мне, что все мошенники делятся на три сорта.

Обычно зимой он навевается в Нью-Йорк, чтобы полакомиться настоящими спагетти-болоньез, поглазеть, запахнувшись в свою беличью шубу, как спуют пароходы и катера по Ист-ривер, и обновить гардероб в одном из магазинов на Фултон-стрит. В остальные три времени года его следует искать значительно западнее – от Спокана в штате Вашингтон до Тампы во Флориде.

Своей профессией Джефф гордится и с глубокой серьезностью отстаивает ее право на существование, прибегая к довольно своеобразной нравственной философии. Эта профессия – одна из древнейших: он помогает ближним расстаться с теми деньгами, которыми они не в состоянии сами разумно распорядиться.

В каменных джунглях, куда Джефф ежегодно отправляется на рождественские каникулы, он всегда готов поболтать о своих бесчисленных приключениях – так в вечернюю пору мальчишки любят насвистывать в лесу. Поэтому я обязательно отмечаю в своем календаре время, когда Джефф должен нагреть в Нью-Йорк, и заранее бронирую у «Провенцано» залитый вином и соусами столик в углу, справа от которого торчит развесистый фикус в кадке, а на стене висит гравюра с каким-то итальянским палаццо в раме.

– Существует два крайне вредных вида жульничества, – продолжает Джефф. – Как по мне, так их вообще следовало бы извести под корень, но наша законодательная власть очень уж неповоротлива. Это, во-первых, биржевые спекуляции, а во-вторых – кражи со взломом.

– Ну, по крайней мере, насчет одного пункта с вами согласится любой, – сказал я, посмеиваясь.

– Нет-нет, и кража со взломом тоже должна быть безоговорочно запрещена, – горячо возразил Джефф, и мне вдруг пришло в голову, что смеялся я не к месту.

– Месяца три назад, – сказал Джефф, – мне посчастливилось оказаться в одной компании с представителями обеих вышеназванных разновидностей. Судьба свела меня одновременно с членом Союза грабителей и с одним из наших магнатов.



– Забавное сочетание, – сказал я, нарочито позевывая, – а я не говорил вам, как на прошлой неделе на берегу Рамапоса уложил одним выстрелом сразу утку и сурка?

Мне ли не знать, как вытянуть из Джеффа очередную историю!

– Погодите, сначала я вам расскажу про этих гнусных полипов, которые тормозят колеса прогресса и отравляют источники нравственности, – проговорил Джефф, и в его глазах полыхнуло чистое пламя добродетельного гнева.

– Месяца три назад я угодил в дурную компанию. Такие вещи происходят с человеком только в двух случаях – когда он на мели и когда он богат.

Даже в самых законных делах, случается, наступает сплошная полоса невезения. На одном перекрестке я свернул не туда, куда следовало, и угодил напрямик в городишко Пивайн. Мне вовсе не следовало там появляться, потому как прошлой весной я продал местным жителям примерно на шестьсот долларов саженцев – груш, слив, вишен и персиков. С тех пор они не сводили взгляда с дороги, поджидая, не покажусь ли я там опять.

И вот я, ничего не подозревая, еду по главной улице, и вдруг вижу вывеску аптеки – «Хрустальный дворец», и только тогда осознаю, что я и мой мышастый конек Уилл угодили в ловушку.

Жители Пивайна мигом окружили нас, подхватили Билла под уздцы и завели со мной разговор, имеющий прямое отношение к саженцам плодовых деревьев. Затем двое-трое из самых энергичных просунули веревочные вожжи сквозь проймы моего жилета и повели меня на прогулку по своим фруктовым садам. Проблема заключалась в том, что их деревья в большинстве оказались грушей-дичком и терновником, правда, попадались и липы, и молодые дубы. Единственным растением, которое обещало принести хоть какие-то плоды, был молоденький виргинский тополек, на котором болтались здоровенное осиное гнездо и половина старого лифчика.

Эта бесплодная прогулка продолжалась до самой городской окраины, где у меня изъяли в счет долга всю мою наличность и золотые часы, а Уилл и повозка, на которой я прикатил, остались в заложниках. Мне было твердо сказано, что ровно в ту самую минуту, когда на их терновых кустах созреют персики, я могу вернуться и получить свое имущество обратно. Потом они сняли с меня вожжи и ткнули пальцем туда, где маячили хребты Скалистых гор.

Я не заставил их повторять дважды и ревно пустился в край

непроходимых лесов и полноводных рек. Очухавшись, я обнаружил, что шагаю по шпалам железной дороги Арканзас – Техас, приближаясь к какому-то неведомому городу. Обитатели Пивайна не оставили мне ровным счетом ничего, только немного жевательной смолы, и это, можно сказать, спасло мне жизнь. Сел я на штабель шпал в сторонке, откусил кусок смолы и начал собираться с мыслями.

Тут мимо проносится скорый товарный. Перед тем как въехать в город, он тормозит и немного замедляет ход, а из последнего вагона вылетает какой-то узел тряпья, катится шагов двадцать в туче пыли, а потом встает на ноги и начинает отплевываться углем и соответствующими ситуации выражениями. Подхожу ближе – передо мной круглолицый молодой человек, одетый как для поездки в спальном купе, а не в товарняке, с обаятельной улыбкой на перемазанном углем лице.

Интересуюсь:

– Случайно выпали?

– Да нет, – отвечает он. – Спрыгнул. Прибыл к месту назначения. Это какой-то город?

– Еще не смотрел по карте, – говорю я. – Я и сам прибыл сюда пять минут назад. Как, по-вашему, неплохо он выглядит?

– Жестковат, – отвечает молодой человек и ощупывает руку. – Как будто в плечо отдает... а впрочем, нет, вроде бы все в порядке.

Он наклоняется, чтобы отряхнуть пыль с брюк, а из кармана у него вылетает отлично сработанная стальная отмычка. Он поднимает ее, косится на меня с опаской, а потом расплывается в улыбке и протягивает руку.

– Коллега, – восклицает он, – мой тебе сердечный привет! Не тебя ли я видел на юге Миссури прошлым летом, когда ты развлекался торговлей подкрашенным песочком по полдоллара за чайную ложку, уверяя деревенских олухов, что стоит только всыпать его в керосиновую лампу и керосин ни за что не взорвется?

– А он и взаправду никогда не взрывается, – отвечаю я. – Взрываются рудничный газ и газолин.

И жму ему руку.

– Мое имя Билл Бассет, – говорит он, – и если ты не считаешь хвастовством профессиональную гордость, скажу сразу – только что ты познакомился с одним из лучших взломщиков, какие когда-либо ступали по почве, орошаемой водами Миссисипи.

Ладно. Уселись мы с этим Бассетом на шпалы и стали похвально друг перед другом, как и подобает истинным художникам. Попутно выяснилось, что и он без гроша, так что общие темы нам искать не

пришлось. Заодно он рассказал, почему именитым взломщикам иной раз приходится путешествовать в угольных вагонах. В Литтл-Роке его едва не выдала полиция изменница-горничная, и ему пришлось уносить ноги.

– Такое уж у нас ремесло, – пояснил Бассет. – Чтобы добиться в нем успеха, приходится обрабатывать чепчики с оборками. Укажи мне домишко, где есть что-нибудь ценное и смазливая прислуга, и будь уверен, что семейное серебро будет переплавлено и уйдет к скупщику, а я буду попивать шато-марго да заказывать омлеты с трюфелями. Полиция же станет уверять, что кражу совершил кто-то из домочадцев. Начинаю я с девушки, а уж после того как она впустит меня в дом, снимаю восковые отпечатки с замочных скважин, а если удастся – то и с ключей. Остальное – пара пустяков, но эта девица меня подвела: заметила меня в трамвае с другой горничной, и в следующую ночь вместо того, чтобы впустить меня в дом, заперла дверь на засов. А у меня уже были готовы ключи от всех дверей второго этажа...

По ходу разговора выяснилось, что Билл все же попытался пустить в ход свою отмычку, но девушка разразилась такими воплями, что ему пришлось прыгать через все заборы по пути к железнодорожному вокзалу. Багажа у него не было никакого, поэтому в помещение вокзала его не пустили, однако ему все же удалось вскочить в отходивший товарный поезд.

– Ну-с, – подвел итог Билл Бассет, когда мы покончили с мемуарами, – а теперь было бы совсем неплохо подзаправиться. Не думаю, чтобы весь город был заперт на французские замки. Что, если мы учиним скромное злодеяние и раздобудем мелочь на карманные расходы? Ты, конечно, не догадался захватить с собой какого-нибудь лосьона для ращения волос или дюжину позолоченных часовых цепочек, которые легко было бы всучить местным олухам?

– Нет, – говорю, – все осталось в Пивайне – и серьги с патагонскими бриллиантами, и как бы золотые брошки. Там они и пребудут до скончания веков или до тех пор, покуда на тополях не вырастут японские сливы. Рассчитывать на это особенно не стоит.

– Ну, не беда, – говорит Бассет, – вариантов всегда масса. Может, когда стемнеет, я выклянчу у какой-нибудь дамочки шпильку и попробую с ее помощью взломать сейф Пастушеско-Кукурузоводческого банка.

Пока мы так мирно беседуем, к станции подкатывает пассажирский поезд. Из вагона-люкс выскакивает какой-то господин в цилиндре – но не с той стороны, которая обращена к платформе, а с противоположной – и мчится вприпрыжку по путям прямо в нашу сторону. Маленький,

упитанный, длинноносый, глазки крысиные, но костюм на нем дорогой, а в руке он держит саквояж, с которым он обращается так бережно, будто там у него яйца только что из-под курицы. Человек этот пронесся мимо по путям, не обратив на нас с Биллом ни малейшего внимания.

– Пошли! – говорит Билл и поднимается с места.

– Куда? – спрашиваю я.

– Как это куда? – отвечает Билл. – Или ты забыл, что ты в пустыне, а ведь только что мимо тебя пронеслась манна небесная<sup>[25]</sup>?

В общем, догнали мы этого человека на опушке леса, а поскольку место было безлюдное, а солнце уже село, никто не мог видеть, как мы его остановили. Билл бережно снял с него цилиндр, пригладил ворс рукавом и вновь водрузил на голову владельца.

– Что бы это значило, сэр? – интересуется незнакомец.

– Когда мне случалось носить цилиндр, – отвечает Билл, – и я испытывал какое-нибудь затруднение, я всегда снимал его и рукавом приводил ворс в порядок. Теперь цилиндра у меня нет, поэтому пришлось воспользоваться вашим. Я, знаете ли, в таком затруднении, что даже не знаю, как объяснить вам причину, по которой мы осмелились вас беспокоить. Не лучше ли будет, если мы, ради первого знакомства, проверим ваши карманы?

Однако после того как Билл тщательно обшарил карманы приезжего, на лице у него появилось отвращение.

– Часов и тех нет, – брезгливо произнес он. – Как же вам не стыдно? Разодет, как метрдотель в ресторане, а нет и пяти центов на трамвай. Куда вы девали билет?

Приезжий отвечает в том смысле, что при нем действительно нет ничего ценного. Тогда Бассет вынимает у него из рук саквояж. Там покоятся носки, воротнички и какая-то газетная вырезка. Билл внимательно читает вырезку, а потом протягивает приезжему руку.

– Коллега, – говорит он, – прими мой чистосердечный привет. И позволь принести тебе извинения. Я Билл Бассет, взломщик. Мистер Питерс, познакомьтесь, пожалуйста, с мистером Альфредом Э. Риксом.

Мы обменялись с низкорослым толстячком рукопожатиями, а потом Билл снова обращается к нему:

– Мистер Питерс по своей специальности занимает промежуточное положение между мною и вами. У него есть небольшой пункт – он всегда дает какой-нибудь товар за те деньги, которые берет. Таким образом, это, пожалуй, первый случай, когда мне доводится присутствовать на пленарном заседании Национального Синода Акул Порока, где

представлены все три главных ремесла: грабеж, мошенничество и банковское дело. Прошу вас, мистер Питерс, изучите верительные грамоты мистера Рикса.

В той газетной вырезке, которую вручил мне Билл Бассет, этот самый Рикс был изображен в полный рост. Газета была чикагская, и каждая строчка громыхала проклятиями по адресу Рикса. Содержание статьи сводилось к тому, что упомянутый Рикс разделил на участки те части штата Флорида, которые находятся под водой на глубине от пяти до пятидесяти футов, и продавал эти участки простакам, сидя в роскошно обставленном офисе в Чикаго. К тому времени, когда выручка Рикса перевалила за сто тысяч долларов, один из пронырливых покупателей (из тех, которые купленные у вас золотые часы тут же начинают проверять азотной кислотой) совершил экскурсию на купленный им участок – взглянуть, не нуждается ли ограда в починке, а заодно закупить к Рождеству партию флоридских лимонов. Он прихватил с собой и землемера, чтобы тот окончательно установил границы его владений. Подъехав к имению «Райская долина», они обнаружили, что столь цветисто разрекламированное землевладение находится на дне озера Окичоби – участок лежал на глубине тридцати шести футов. К тому же аллигаторы и панцирные щуки застолбили эти места гораздо раньше, и тягаться с ними в суде было бы непросто.

По возвращении в Чикаго владелец участка устроил в офисе Альфреда Э. Рикса примерно то, что тропические ураганы время от времени устраивают на флоридских побережьях. Рикс всячески отбивался. Вскоре об этом деле пронюхали репортеры, и в газетах появились статейки. В итоге Риксу пришлось спешно покинуть свой дом по пожарной лестнице, а судебные власти ухитрились опередить его, наложив арест на счет, где он непредусмотрительно держал все свои сбережения.

Из всего состояния у него остались только саквояж, три пары чистых носков и дюжина крахмальных воротничков. В пустом бумажнике случайно завалялся бланк на бесплатную поездку по железной дороге, и с его помощью беглец добрался до города в пустыне.

А между тем, уже спустя несколько минут Альфред Э. Рикс начал ныть и жаловаться, что он голоден, и бить себя в грудь, заверяя, что денег у него ни цента даже на кусок хлеба. Пользуясь возвышенным стилем, можно было бы сказать, что мы трое представляли здесь Труд, Торговлю и Предпринимательство. Но когда у торговли нет финансирования, дела идут вяло, а когда у предпринимателя нет денег, начинается полный застой в области бифштексов и жареной картошки. И человек с отмычкой знал об

этом.

– Коллеги! – провозгласил Билл Бассет. – Не в моих обычаях бросать друзей в беде. Сдается мне, что вон в том лесочке имеется некий апартамент без мебели. Вселимся туда и дождемся, пока окончательно стемнеет.

В буковой роще и вправду виднелась пустая лачуга, и мы втроем направились туда. А когда наступил вечер, Билл Бассет велел нам сидеть тихо, а сам исчез. Спустя полчаса он вернулся, имея при себе полкаравая хлеба, копченую грудинку и пироги.

– Позаимствовал на ферме, – пояснил он. – К столу, коллеги.

Взошла полная луна и осветила нашу лачугу. Мы уселись на пол и принялись пировать, а Билл еще и хвастал напропалую.

– Вот, – говорит он, – как только подумаю, что вы оба втихомолку считаете, что ваша специальность благороднее моей, прямо зло берет. Ну что б вы делали, если бы я не вернул вас к жизни? Вот хоть ты, например, Рикси?

– Не могу не признать, мистер Бассет, – произносит мистер Рикс, наворачивая за обе щеки пирог с голубикой, – что при такой конъюнктуре<sup>[26]</sup> я бы, пожалуй, не смог создать предприятие, которое изменило бы положение вещей к лучшему. Крупные операции с недвижимостью, на которых я специализируюсь, требуют предварительных вложений, и я...

– Знаю-знаю, Рикси, – перебивает его Билл. – Можешь не продолжать. Когда ты начинаешь раскручивать свою аферу, тебе требуется долларов пятьсот, чтобы нанять блондинку-машинистку и сделать первый взнос за купленную в рассрочку дубовую мебель для офиса. Еще пятьсот нужно, чтобы поместить публикации в газетах. Потом приходится ждать недели две, покуда рыбешка начнет клевать. Обращаться к тебе за помощью в трудную минуту – все равно что требовать от муниципальных властей ремонта канализации в доме, когда все жильцы уже задохнулись от смрада. Да и твое жульничество, братец Питерс, тоже не дает быстрой прибыли.

– Подумаешь, – отвечаю я. – Тоже мне, фея. Что-то я пока не видал, чтобы ты превратил какой-нибудь мусор в золото с помощью волшебной палочки. Раздобыть вот эти жалкие объедки мог бы кто угодно.

Бассет только смеется:

– Может быть, у вас, мисс Золушка, завалился в рукаве какой-нибудь проект для начала?

– Сын мой, – говорю я ему, – я старше тебя лет на пятнадцать и все же еще достаточно молод, чтобы любое агентство согласилось застраховать

мою жизнь. Мне и раньше приходилось сидеть на мели. Город в полумиле отсюда, а моим наставником был сам Монтегю Силвер, величайший из жуликов, какие когда-либо торговали поддельной дрянью с лотка. Сейчас по этим улицам шатаются толпы людей, одежда которых усеяна жирными пятнами. Если ты дашь мне газолиновую лампу, коробку лоскутков и кусок белого хозяйственного мыла ценой в два доллара, нарезанный на мелкие кусочки...

– А у тебя есть два доллара? – перебивает меня Билл Бассет.

Бесполезно было спорить с этим потрошителем сейфов.

– Да уж, – продолжает он, – оба вы – точно беспомощные младенцы. Предпринимательство прекратило операции, и Торговля повесила замок на дверь. Теперь вы сидите и ждете, чтобы явился Труд и привел ваш бизнес в движение. Отлично. Сегодня я продемонстрирую вам, на что способен Билл Бассет.

Он велит мне и Риксу никуда не отлучаться и ждать его возвращения, даже если его не будет до самого рассвета. После чего удаляется по направлению к городу, весело насвистывая на ходу.

Альфред Э. Рикс стаскивает с себя башмаки, снимает пиджак, покрывает свой цилиндр носовым платком и растягивается на голых досках.

– Попробую погрузиться в сон, – пищит он. – Денек у меня выдался не из простых. Спокойной ночи, мистер Питерс.

– Передавайте от меня поклон Морфею<sup>[27]</sup>, – говорю. – А я еще пободрствую.

Вскоре после двух часов ночи (насколько я мог судить по своим золотым карманным часам, которые тикали в Пивайне) возвращается наш труженик, будит Рикса и тащит нас к тому месту лачуги, где луна светит ярче всего. А затем раскладывает на полу пять пачек по тысяче долларов каждая и начинает квохтать над ними, как курица.

– Теперь могу кое-что порассказать вам об этом городишке, – наконец говорит он. – Называется он Роки-Спрингс. Здесь строится масонский храм, а кандидата в мэры от демократов скорей всего обойдет другой кандидат – популист<sup>[28]</sup>. Жена судьи Тэппера недавно болела плевритом, но теперь идет на поправку. Я имел продолжительную беседу на эту и другие подобные темы, прежде чем почерпнул малую толику сведений, которые мне были нужны. В городишке имеется банк под громким названием «Институт Трудолюбивого Дровосека и Бережливого Пахаря». Вчера вечером, когда сей институт закрылся, в его хранилище было двадцать три

тысячи долларов, а утром, когда он откроется, там найдется всего восемнадцать тысяч – и все серебряной монетой. Именно поэтому я не прихватил больше. Так-то вот, почтенные Предпринимательство и Торговля. Что теперь скажете?

– Друг мой! – восклицает Альфред Э. Рикс, заламывая руки. – Неужели вы ограбили этот банк?

– Не знаю, следует ли это называть грабежом, – отвечает Бассет. – Грабеж – это что-то связанное с насилием. А моя работа заключалась лишь в одном: выяснить, на какой улице расположен банк. Роки-Спрингс такой тихий городок, что я, даже стоя на углу, слышал, как тикает секретный механизм главного сейфа: «Вправо на сорок пять; влево два раза на восемьдесят; вправо на шестьдесят; влево – на пятнадцать». Клянусь – это звучало так отчетливо. Но есть и одно «но», и я должен вас об этом предупредить. Здесь встают очень рано. Еще до зари все жители уже на ногах. Я спрашивал их, почему бы им не поспать подольше, но они говорят, что к этому времени у них готов завтрак. Поэтому нам самое время сматывать удочки. Я готов финансировать вас. Сколько вам нужно на первый случай, Предпринимательство?

– Мой юный друг, – отвечает этот суслик Альфред Э. Рикс, тотчас становясь на задние лапки, – у меня есть друзья в Денвере, которые будут рады мне помочь. Если бы у меня было сто долларов, я бы...

Бассет распечатывает пачку и швыряет Риксу пять бумажек по двадцать долларов.

– А тебе, Торговля, сколько надобно? – говорит он, обращаясь ко мне.

– Спрячь свои деньги, Труд, – говорю, – я не какой-нибудь там эксплуататор-кровопийца. Доллары, которыми я привык пользоваться, принадлежат простофилям. Им они только жгут карманы. Когда я стою на улице и продаю какому-нибудь олуху золотое кольцо с бриллиантом за три доллара, я зарабатываю на этом деле два доллара и шестьдесят центов. Но при этом твердо знаю, что он намерен подарить его своей девчужке и получить от нее столько, будто кольцо стоит не меньше ста двадцати пяти. Таким образом, чистого дохода у него сто двадцать два доллара, а у меня – два шестьдесят. Так у кого прибыль больше – у меня или у него?

– А когда ты за полдоллара продаешь нищей старухе щепотку песка, чтобы уберечь ее лампу от взрыва, в какую сумму ты исчисляешь ее доход? Песок-то, как тебе известно, стоит сорок центов за тонну.

– Ты не понимаешь, – говорю я, – вручая покупку, я заодно учу ее, как следует чистить лампу и вовремя подливать керосину. Если она последует моим советам, ее лампа не только не взорвется, но и прослужит вдвое



дольше. А с моим песком она еще и чувствует себя намного спокойнее. Таким образом, обе стороны расходятся, довольные друг другом.

Тем временем Альфред Э. Рикс чуть не целует сапоги Биллу Бассету.

– Мой юный любезный друг! – восклицает он. – Никогда мне не забыть вашей щедрости. Господь вас вознаградит. Но умоляю вас, оставьте эти преступления и обратитесь на стезю добродетели!

– Ах ты, крыса несчастная, – посмеивается Билл, – беги в свою норку и держи язык за зубами. Для меня все эти догмы<sup>[29]</sup> – все равно, что предсмертное сипение велосипедного насоса. Чего вы добились со своими высоконравственными системами отъема денег у сограждан? Даже брат наш Питерс, который то и дело смешивает чистое искусство вора с торгово-промышленным жульничеством, и тот полный банкрот. И все-таки, – обращается он снова ко мне, – лучше бы тебе взять у меня малость долларов, пока я не передумал окончательно.

А я снова повторяю, чтобы он спрятал свои деньги. Я никогда не разделял того почтения к краже со взломом, которое питают к ней некоторые. И никогда не брал с людей деньги просто так, всегда давая взамен хотя бы пустячный сувенир – чаще всего для того, чтобы научить их не попадаться на удочку снова.

Тут Альфред Э. Рикс снова кланяется Биллу Бассету и желает нам всяческих успехов. Он говорит, что раздобудет на какой-нибудь ферме лошадей и доберется до следующей станции, а оттуда поездом напрямик в Денвер.

Я прямо вздохнул, когда это жалкое пресмыкающееся наконец-то уползло. Не человек, а ходячее пятно на нашей профессии. К чему привели все его грандиозные аферы? Не сумел даже заработать на хлеб, оказался в долгу у незнакомого беспринципного громилы! В то же время я его немного жалел. Ну на что годится такой Рикс без солидного стартового капитала? Он беспомощнее, чем черепаха, опрокинутая на спину. У него не хватит ума выманить даже грошовый карандаш у пятилетней девчушки.

Как только мы с Биллом Бассетом остались вдвоем, мне вдруг пришла в голову одна комбинация, заключавшая в себе маленький торговый секрет. И я подумал: а покажу я этому взломщику сейфов, в чем заключается принципиальная разница между трудом и бизнесом.

– Не нужно мне твоих даров, Билл, – говорю я ему, – но если ты согласишься оплатить наши расходы по совместной эвакуации из окрестностей города, финансам которого ты причинил столь безнравственный ущерб, буду весьма признателен.

Билл Бассет соглашается, и мы первым же поездом устремляемся на

запад. Прибываем в Аризону, в городок Лос-Перрос, и я предлагаю Биллу попытаться там счастья. В этом городе жил на покое мой старый наставник Монтегю Силвер. Он давно отошел от дел, но я твердо знал, что в случае чего он одолжит мне некоторую сумму, чтобы сплести паутину, в особенности если поймет, что на примете у меня – жирная муха. Билл Бассет заявляет, что для него все города на одно лицо, потому как работает он в основном по ночам. Словом, сошли мы с поезда в Лос-Перросе; чудный городок в районе серебряных приисков.

Я держал наготове свой элегантный коммерческий план, который можно было бы сравнить с камнем на палке, которым я намеревался въехать Биллу Бассету точно в затылок. Нет-нет, я не собирался воровать у него деньги, но хотел научить его скромности и сдержанности, а за этот урок взять с него те четыре тысячи семьсот пятьдесят пять долларов, которые оставались у него, когда мы сошли с поезда. Но едва я заикнулся о вложении капитала в одно выгодное предприятие, как он облеγχается в следующих выражениях:

– Брат мой Питерс, – говорит он, – идея твоя сама по себе неплоха. Скорее всего, я так и поступлю. И знаешь, что я сделаю, братец Питерс? Я открою ма-аленький игорный домик. В твоём жульничестве слишком много унылой рутины, этого я не выношу. И не привык я торговать вразнос мутовками или сбывать фермерам питательные мучные препараты для скота, изготовленные из опилок. Но игорный бизнес – отличный компромисс между кражей серебряных ложек и продажей перочисток.

– Так, значит, ты отказываешься обсудить мое деловое предложение?

– А ты разве еще не понял, – отвечает он, – что я не птица и уж тем более не рыба, поэтому дожидаться, пока я клюну, – дохлый номер?

И вот он снимает комнату над местным салуном и принимается искать, где бы ему купить мебель и две-три картинки на стены. В тот же самый вечер я отправляюсь к моему учителю, и он, ознакомившись с моим бизнес-планом, выдает мне двести долларов займа. В Лос-Перросе имелась всего одна лавка, где торговали игральными картами. Я иду прямо туда и скупаю все колоды. Утром, едва только лавка открылась, я уже тащу всю эту кучу колод обратно. «Мой компаньон, – говорю, – передумал и не дает мне заем на открытие игорного дома, так что теперь эти колоды мне ни к чему». Хозяин лавки, мерзавец, соглашается принять их обратно только за полцены.

Согласен, на этой комбинации я потерял семьдесят пять долларов. Но и карты недаром побывали у меня в руках. Всю ночь я потел над ними, ставя метки на каждую карту. А потом пошла коммерция, и все потерянное

я вернул с лихвой.

Как только притончик Бассета открылся, я был там в числе первых. Ему пришлось купить те самые крапленые колоды, над которыми я потрудился, потому что других просто не было, а я знал рубашку каждой карты лучше, чем собственную.

Когда игра закончилась, у меня на руках было пять тысяч и несколько долларов мелочью впридачу, а у Билла Бассета – только любовь к риску да черная кошка, которую он купил, потому как они будто бы приносят удачу. Когда я уходил, он пожал мне руку.

– Брат Питерс, – сказал Билл, – теперь я окончательно убедился, что не создан для бизнеса. Мой удел – работа отмычкой и фомкой. И когда такой человек, как я, пробует перековать свой инструмент на весы лавочника, ничего хорошего из этого не выходит. В карты ты играешь ловко, да и везет тебе, как утопленнику. Прощай, живи с миром.

Больше я никогда не встречался с Биллом Бассетом.

– И что же, Джефф, – спросил я, решив, что история благополучно завершилась, – надеюсь, вам удалось сохранить эти деньги? Думаю, вам они ох как пригодятся, когда вы надумаете изменить образ жизни и заняться более цивилизованной коммерцией.

– Еще как! – воскликнул Джефф, напуская на себя солидность. – На этот счет можете быть спокойны. Я так ими распорядился, что любо-дорого.

И он с торжеством похлопал себя по нагрудному карману.

– Первоклассные акции – «Рудник Голубого Крота», открыт всего месяц назад. Каждая акция – по доллару. Ожидается до пятисот процентов прибыли, не облагаются налогами. Советую и вам, если найдутся свободные деньги.

– Вообще-то иногда, – начал было я, – эти рудники...

– Тут дело по-настоящему верное, – перебил меня Джефф. – На пятьдесят тысяч долларов золотой руды – гарантированные десять процентов добычи. – Он извлек из кармана пухлый конверт и положил его передо мной.

– Ношу всегда с собой, – пояснил он. – Чтобы никакой взломщик не добрался до моей кассы.

Я стал рассматривать акции. Они были красивые, просто загляденье.

– Ага, это где-то в Колорадо... – сказал я. – Между прочим, Джефф, как звали того финансиста, которого вы с Биллом встретили на подступах к Роки-Спрингс? Ну того, который потом укатил в Денвер?

– Эту крысу звали Альфред Э. Рикс.

– Вот, значит, как, – говорю я. – А тут председатель совета директоров вашей акционерной компании расписался на акциях – «А. Л. Фредерикс». Ну, я и подумал...

– Покажите! – взревел Джефф, выхватывая у меня конверт с акциями.

Чтобы отвлечь моего собеседника от тягостных размышлений, пришлось подзвать официанта и заказать еще бутылку кьянти. Это было единственное, чем я мог утешить его при таких обстоятельствах.

## Поросычья этика

Войдя в вагон для курящих экспресса Сан-Франциско – Нью-Йорк, я обнаружил мистера Джеффа Питерса. Из всех, кто обитает к западу от реки Уобаш, он единственный, кто умеет пользоваться обоими полушариями мозга сразу, да еще и мозжечком в придачу.

Специальность Джеффа – операции на грани закона и беззакония. Вдовы и сироты могут его не опасаться: его клиентами являются те, у кого имеются излишки. Вот почему он любит сравнивать себя с самой маленькой мишенью в тире, в которую любой опрометчивый стрелок может выстрелить двумя-тремя завалавшимися долларами – без всякой гарантии попасть. Обычно табак благотворно влияет на его ораторские способности, и с помощью пары толстых сигар я вскоре знал все о его последних похождениях.

– Самое сложное в нашем бизнесе, – начал Джефф, – это обзавестись надежным и безупречно честным партнером, с которым можно проворачивать мошеннические операции без всякой оглядки. Но даже лучшие из тех, с кем мне доводилось заниматься присвоением чужого имущества, и те иной раз оказывались обычными пройдохами.

Поэтому летом прошлого года решил я отправиться в какое-нибудь захолустье, где нравы все еще сохраняются в первозданной чистоте, и взглянуть, не отыщется ли там какой-нибудь толковый малый, имеющий склонность к аферам, но еще не развращенный легким успехом.

Наконец попался мне один городишко, где жители еще слыхом не слыхивали об изгнании Адама<sup>[30]</sup> из рая и безгрешно блаженствовали в своих угодьях. Городок назывался Маунт-Нэбо и располагался примерно там, где сходятся границы Кентукки, Западной Виржинии и Северной Каролины. Что? Эти штаты сроду не граничили друг с другом? Ну какая разница! Одним словом – где-то в тех краях.

Пришлось потратить целую неделю, чтобы горожане убедились, что я не сборщик налогов. И вот, захожу я как-то в лавку, где собирается местный высший свет, и начинаю с осторожностью прощупывать почву.

– Джентльмены, – говорю я, после того как мы обменялись рукопожатиями, – сдается мне, что жители Маунт-Нэбо – самое безгрешное племя на этой земле: до того вам чужды всякие плутни и пороки. Женщины у вас благосклонны и добры, мужчины честны, трудолюбивы и настойчивы, и жизнь у вас прямо-таки святая.

– Верно, мистер Питерс, – говорит хозяин лавчонки, – чистая правда: мы люди благородные, лучше нас во всей этой местности нет, ну, может, малость замшелые от сидения на одном месте. Да только вы не знаете Руфа Татама!

– Да-да, – подхватывает городской констебль<sup>[31]</sup>, – он не знает Руфа Татама! Это самый отпетый из всех негодяев, когда-либо избежавших виселицы. Кстати, я вспомнил, что мне еще позавчера следовало выпустить его из тюрьмы: истек месячный срок, к которому он был приговорен за убийство. Но не беда: лишних два-три денька ему только на пользу.

– Да что вы, сэр! – вскричал я. – Неужто у вас в Маунт-Нэбо живет такой скверный человек? Закоренелый убийца!

– Гораздо хуже! – вмешивается владелец лавки. – Он ворует свиней.

Я тут же решил свести знакомство с этим свинокрадом. Спустя пару дней после того, как констебль выпустил его на волю, я разыскал мистера Татама и пригласил его прогуляться за городской околицей. Мы уселись на бревно и повели деловой разговор.

Мне требовался компаньон простодушной деревенской наружности для небольшой одноактной аферы. А Руф Татам был буквально рожден для той роли, которая ему предназначалась. Рост у него был что твоя оглобля, глаза синие и круглые, как у фарфоровой собаки на каминной полке, волосы волнистые, как у дискобола<sup>[32]</sup> в Ватикане, цветом напоминали картину «Закат солнца в Гранд-Каньоне» – из тех, которые вешают в гостиных, чтобы прикрыть дыру на обоях. Это было идеальное воплощение деревенского простака.

Я посвятил его в мои планы и понял, что он готов прямо сейчас взяться за дело.

– Не будем рассматривать убийство, за которое вам довелось отсидеть, – сказал я. – Это вещь пустяковая. А приходилось ли тебе делать что-либо более прибыльное и ценное в области плутовства и разбоя? В конце концов, я должен знать, подходящий ли ты для меня компаньон!

– Ка-ак? – говорит он, растягивая каждое слово. – Разве вам не говорили обо мне? Да ведь во всем округе нет ни единого человека, который мог бы с такой ловкостью выкрасть из хлева поросенка, при этом не произведя ни малейшего шума. Я могу увести свинью из стойла, из загона, из-за корыта, с луга, днем, ночью, когда угодно, откуда угодно и ручаюсь – ни одна живая душа не услышит ни визга, ни хрюканья. Весь секрет в том, как взять свинью и как нести ее. Полагаю, что уже близко то время, когда я буду единогласно признан чемпионом мира в области

свинокрадства.

– Честолюбие – вещь, заслуживающая уважения, – говорю я. – Не спорю, в вашей глуши свинокрадство – почтенная профессия. Но за пределами этого округа она может показаться несколько... э-э... провинциальной. Но талант есть талант, и поэтому я беру тебя в компаньоны. Мой стартовый капитал – тысяча долларов, и я надеюсь, что, пользуясь твоей наружностью, мы заработаем на финансовых рынках несколько привилегированных акций.

Таким манером я ангажировал Руфа, и мы покинули Маунт-Нэбо. Пока мы спускались из предгорий на равнину, я готовил его к той роли, которую ему предстояло сыграть. Перед тем я два месяца проболтался, ничего не делая, на Флоридском побережье, чувствовал себя в форме, а в голове у меня теснились всевозможные идеи и проекты.

Я намеревался проложить борозду шириной в девять миль через весь Средний Запад; туда мы и держали курс. Но, добравшись до Лексингтона, застали там передвижной цирк братьев Бинкли. По этой причине в город отовсюду съехались фермеры и громыхали своими самодельными сапожищами, попирая торцы недавно уложенной мостовой.

Да будет вам известно, я никогда не пропускаю цирков – нет более удобного места забросить удочку в чужие карманы и малость поправить финансы. Поэтому мы сняли две комнаты у одной благородной вдовы по имени миссис Пиви, а затем я отвел Руфа в лавку готовой одежды и приодел как джентльмена. Теперь он выглядел чрезвычайно авантажно: пиджак в голубую с зеленым клетку, жилет цвета дубленой кожи, пунцовый галстук, а в придачу – самые желтые во всем городе сапоги.

Это был первый костюм, который Руфу довелось надеть за всю жизнь. До того он носил фланелевую рубаху и домотканые штаны, заправленные в голенища. А уж гордился он своим оперением, словно вождь племени игорротов новым кольцом в носу.

В тот же вечер я направился к цирку и затеял неподалеку игру «в скорлупки». Руф должен был изображать приезжего простака и действовать против меня. Я вручил ему пригоршню фальшивой монеты для ставок, а вторую оставил у себя в специальном кармане – чтобы выплачивать ему выигрыш. Не то чтобы я ему не доверял: просто не могу заставить себя проигрывать, когда вижу на кону настоящие деньги. Рука не поднимается.

Я раскинул свой столик и принялся демонстрировать, как легко угадать, под какой скорлупкой прячется горошина. Деревенщина собралась вокруг и принялась толкаться локтями, подзадоривая друг друга к игре.

Самое время было появиться на арене Руфу – поставить две-три

мелкие монеты, а заодно втянуть в игру остальных. Но где же мой свинокрад? Пару раз его пиджак просиял где-то вдали: он стоял столбом, тарачился на афиши, а пасть у него была набита леденцами. Ко мне он так и не подошел.

Кое-кто из зрителей рискнул поставить доллар-другой, но играть «в скорлупки» без «верхового» – все равно, что удить на голый крючок. Пришлось свернуть столик, когда в кассе было всего сорок два доллара, а рассчитывал я по крайней мере на двести. В одиннадцать я вернулся домой и завалился спать, сказав себе, что цирк, должно быть, произвел на Руфа такое сильное впечатление, что он забыл обо всем. Поэтому я решил с утра прочесть ему обстоятельную лекцию об основах нашего бизнеса.

Но не успел Морфей приковать меня к жесткому изголовью, как до меня донеслись нечеловеческие крики вроде тех, какие издает малолетний ребенок, объевшийся незрелыми яблоками. Я вскакиваю, отпираю дверь, окликаю достойную вдову и, когда та высовывается из своей спальни, произношу:

– Миссис Пиви, окажите любезность, заткните глотку вашему младенцу, чтобы порядочные люди могли спокойно отдохнуть.

– Сэр, – отвечает она. – У меня нет никакого младенца. Это визжит свинья, которую два часа назад принес в свою комнату ваш друг. И я также была бы чрезвычайно довольна, если б вы сами заткнули ей глотку.

Я накинул то, что попало под руку, и направился к Руфу. Он был на ногах. На столе горела лампа, а мой напарник наливал в сковородку молока для бурой хавроньи средних лет, визжащей без умолку.

– Это что же получается, Руф? – возмущаюсь я. – Ты пренебрег своими обязанностями и погубил мне игру. И откуда здесь свинья? При чем тут свинья? Ты, похоже, взялся за старое?

– Не сердитесь, Джефф, – отвечает он. – Будьте снисходительны к моей слабости. Свинокрадство – это как первая любовь, а сегодня, как назло, подвернулся такой замечательный случай, что я просто не смог удержаться.

– Ладно уж! – говорю я. – Может, ты и вправду страдаешь клептосвинией<sup>[33]</sup>. Но я надеюсь, что когда мы выберемся из полосы, где фермеры занимаются свиноводством, твоя душа обратится к более возвышенным и прибыльным нарушениям закона. Просто понять не могу, что за охота марать руки об такое мерзкое, безмозглое, зловердное и шумное животное?

– Дело в том, – говорит он, – что вы, Джефф, не испытываете симпатии к свиньям. Вы их не понимаете. Вот эта, например, необычайно



талантлива, а интеллект у нее просто фантастический. Буквально только что разгуливала по комнате на задних ногах.

– Все, – говорю я. – Я отправляюсь спать. И если твоя свинья действительно такая талантливая, как ты говоришь, втолкуй ей, чтобы вела себя потише.

– Просто она была голодна, – говорит Руф. – Теперь она уснет и больше не пикнет.

Обычно перед завтраком я просматриваю местные газеты.

На следующий день я поднялся рано и обнаружил у дверей дома только что доставленный почтальоном «Лексингтонский листок». На первой полосе мне бросилось в глаза объявление, набранное в два столбца:

### **ПЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ!**

*Эта сумма будет выплачена тому, кто доставит обратно живой и невредимой всемирно известную ученую свинью по кличке Бенно, пропавшую или похищенную накануне вечером из цирка братьев Бинкли. Подробности владельцев не интересуют.*

*Дж. Б. Тэпли, управляющий цирком*

Я бережно сложил газету, сунул ее в карман и отправился к Руфу. Он уже был почти одет и кормил свинью остатками молока и огрызками яблок.

– Здравствуйте-здоровствуйте! – произнес я как можно более задушевно. – Я вижу, мы уже встали? И наша свинка завтракает? Что же ты думаешь с ней делать, друг мой?

– Я упакую ее в бельевую корзину, – твердо говорит Руф, – и отправлю к своей матушке в Маунт-Нэбо. Пусть развлекает ее, пока я не вернусь.

– Славненькая какая свинюшка! – говорю я, почесывая ей спину.

– Вот видите! – говорит Руф с укоризной. – А ведь не далее как вчера вы ругали ее последними словами.

– Было дело, – говорю я, – но при утреннем освещении она выглядит намного симпатичнее. Я, знаешь ли, тоже вырос на ферме и нежно люблю свиней. Но в детстве меня всегда отправляли спать с заходом солнца, и как-то мне не довелось видеть ни одной хрюшки при свете лампы. Вот что Руф: дам-ка я тебе за это благородное животное десять долларов.

– Не хотелось бы мне продавать такую обаятельную свинку! – говорит он. – Другую, пожалуй, и продал бы, но эту – лучше не просите.

– Что ж в ней такого особенного? – спрашиваю я, опасаясь, что он уже раскусил, в чем дело.

– Она дорога мне как память, – говорит он. – Потому что ее похищение

было вершиной искусства и настоящим подвигом. Если когда-нибудь я обзаведусь детьми и внуками, то расскажу им, как их папаша умыкнул свинью не откуда-нибудь, а из битком набитого публикой цирка. Как они будут мною гордиться! А дело было так: там стоят две палатки, соединенные между собой. В одной валялась на помосте эта свинья, привязанная за ногу тоненькой цепочкой. Я прополз под пологом, взял свинью и также ползком выбрался из-под парусины. Свинья вела себя отменно: хоть бы разок взвизгнула. Я закутал ее в пиджак и миновал добрую сотню людей, пока не выбрался на темную улицу... Не-ет, вряд ли я стану продавать эту свинью, Джефф. Моя матушка сохранит ее, и у меня будет живой свидетель столь выдающегося дела.

– Свиньи столько не живут, – говорю я, – она сдохнет раньше, чем ты начнешь свои байки у камина, и внукам твоим все равно придется верить тебе на слово. Даю за нее сто долларов.

Руф едва не упал со стула от изумления.

– Свинья не может столько стоять, Джефф, – говорит он. – Зачем она вам понадобилась?

– Видишь ли, – отвечаю я с тонкой усмешкой, – с первого взгляда трудно разглядеть во мне человека искусства. А между тем есть у меня такая жилка. Я, знаешь ли, коллекционер, собиратель уникальных свиней. Я исколесил весь мир в поисках наиболее выдающихся и редких животных. В долине Уобаша у меня имеется свиное ранчо, где я держу самые ценные экземпляры. А эта свинья кажется мне весьма породистой, Руф. Скорее всего, это настоящий беркшир. Вот почему я готов ее приобрести не раздумывая.

– И рад бы доставить вам удовольствие, но у меня тоже имеется художественная жилка, – отвечает Руф. – Если человек способен похитить свинью лучше кого бы то ни было, – он настоящий художник. Я вдохновляюсь свиньями, а этой – в особенности. Даже если бы вы предложили мне за нее долларов двести пятьдесят, я и то отказался бы.

– Да ты послушай, Руф, – я уже вытираю пот со лба. – Дело же не в деньгах, а в искусстве; и даже не так в искусстве, как в человеколюбии. Как знаток и ценитель свиней я просто обязан приобрести эту беркширскую свинку. В этом состоит мой священный долг по отношению к ближним, а в противном случае меня просто доконает совесть. Сама-то животинка этих денег не стоит, но, исходя из соображений высшей справедливости, я предлагаю тебе за нее пятьсот долларов.

– Джефф, – отвечает этот свинячий эстет, – подумайте о моих чувствах!

– Семьсот, – мгновенно говорю я.

– Восемьсот, – говорит он, – возможно, такая сумма позволит мне вырвать ее из сердца.

Я вынимаю из потайного пояса деньги и отсчитываю сорок бумажек по двадцать долларов.

– Я отнесу ее к себе в комнату и запиру, – говорю я, – пусть посидит там, а мы тем временем спокойно позавтракаем.

Беру свинью за заднюю ногу, и она тут же начинает орать, как паровой орган.

– Позвольте мне, – говорит Руф. Подхватывает животину подмышку, а другой рукой придерживает ее рыло и доставляет в мою комнату, словно безмятежно спящего младенца.

С той минуты, как я придел Руфа, его охватила пагубная страсть к разного рода галантерейным безделушкам. Едва мы покончили с завтраком, как он отправляется в лавку, чтобы купить себе фиолетовые носки.

Как только он удалился, я заметался, как одорукий во время приступа чесотки. В два счета нанял пожилого чернокожего с повозкой; мы запихнули свинью в мешок, завязали его веревкой и двинулись в цирк.

Джорджа Б. Тэпли я нашел в небольшой палатке, в стене которой было проделано небольшое оконце. Он продавал билеты. Это был упитанный человечек с пронзительным взглядом, в красной фуфайке и черной феске на голове. Фуфайка была заколота на груди булавкой с бриллиантом в четыре карата.

– Это вы Джордж Б. Тэпли? – осведомляюсь я.

– Могу свидетельствовать под присягой, что это он перед вами, – отвечает человечек.

– Ну, так я вам сообщаю, что нашел и доставил.

– Выразитесь яснее, – говорит он. – Что доставили? Морских свинок для удава или сено для нашего буйвола?

– Какой буйвол, – говорю я. – Я привез Беппо, дрессированную свинку; она у меня в мешке на тележке. Сегодня утром я обнаружил ее в палисаднике у моего парадного крыльца. Если вас не затруднит, я хотел бы получить свои пять тысяч не мелкими, а крупными купюрами.

Джордж Б. Тэпли пулей вылетает из палатки и тащит меня за собой. Мы с ним идем в один из боковых вигвамов, а там на сене возлежит черная как смоль свиньица с розовым бантиком на шее и лениво хрюкает морковь.

– Эй, Мак! – кричит Тэпли. – Надеюсь, с нашей всемирно известной ничего не стряслось?

– С ней, что ли, сэр? А что ей сделается! – отвечает мужчина. –

Аппетит отличный, как у танцовщицы из варьете в час ночи.

– Так с чего же вы взяли эдакую чепуху? – интересуется Тэпли, обращаясь ко мне. – Переборщили с вечера со свиными отбивными?

Я извлекаю газету и показываю объявление.

– Фальшивка! – с негодованием заявляет он. – Вы сейчас собственными глазами видели наше чудо, которое со свержинской мудростью вкушает свой утренний завтрак, и наверняка убедились, что оно ни в коем случае не украдено и не сбежало. На этом позвольте откланяться и будьте здоровы.

Тут-то я и начал соображать, в чем соль. А разобравшись до конца, уселся в повозку и велел своему чернокожему ехать к ближайшей аллее. Там я вытащил свинью из мешка, аккуратно установил ее, прицелился получше и дал такого пинка, что она вылетела с другого конца аллеи, далеко опередив собственный визг.

Затем я выплатил вознице пятьдесят центов и двинулся в редакцию газеты. Я хотел доподлинно знать, как в действительности было дело. В редакции я сразу разыскал агента по приему объявлений.

– Я тут побился об заклад, и мне нужны кое-какие подробности, – говорю я. – Скажите, тот человек, который поместил объявление о свинье, был небольшого роста, упитанный, с длинными черными усами и легкой хромотой на левую ногу?

– Что вы! – отвечает агент. – Наоборот: высоченный и тощий, волосы, как кукуруза в октябре, вдобавок расфранченный, словно орхидея.

В пансион миссис Пиви я вернулся как раз к обеду.

– Не оставить ли на огне порцию супа для мистера Татама? – спрашивает она.

– Не стоит, миссис Пиви, – говорю я. – Сохраняя его суп горячим, вы рискуете истощить все угольные карьеры западного полушария.

– Итак, – заключил свой рассказ Джефф Питерс, – теперь вы и сами убедились, как нелегко найти надежного и честного партнера.

– Но, – начал я, – тут ведь есть и другая сторона. Ведь если бы вы предложили мистеру Татаму разделить пополам обещанную в объявлении награду, то не потеряли бы ни цента.

Джефф пресек мои философствования взглядом, полным укора.

– Это абсолютно разные вещи, и смешивать их нельзя, – с достоинством возразил он. – То, что я пытался повернуть, – не что иное, как самая обычная спекуляция. Дешево купить и дорого продать – разве не на этом стоит Уолл-стрит и весь остальной деловой мир? В конце концов, свиная щетина ничем не хуже любого другого товара.



**Рассказы  
1906–1910 гг.**



## Персики

Шла третья неделя медового месяца. Квартирку молодоженов украшали новый ковер, портьеры с ламбрекенами и полдюжины оловянных пивных кружек с крышками, расставленных в столовой на выступе деревянной панели. Молодые все еще витали в небесах.

Новобрачная сидела в кресле-качалке, а ее комнатные туфельки опирались на земной шар. Она утопала в розовых грезах и в шелках того же оттенка. Больше всего ее занимали мысли о том, что говорят по поводу ее свадьбы с Малышом Мак-Гарри в Гренландии, Западной Индии и на острове Тасмания. От европейских столиц до созвездия Южного Креста не нашлось бы боксера полусреднего веса, способного продержаться четыре раунда против Малыша Мак-Гарри. И вот уже три недели, как он всецело принадлежит ей. Достаточно легкого прикосновения ее мизинчика, чтобы заставить покачнуться и замереть того, против кого бессильны могучие кулаки прославленных звезд ринга.

Слово «любовь», когда любим мы сами, становится синонимом жертвенности и самоотречения. Если же нечто подобное происходит с соседями, обитающими за стеной, оно означает всего лишь сомнение и нахальство.

Наконец новобрачная скрестила ножки в туфельках и задумчиво взглянула на потолок, расписанный розами и амурами.

– Ми-ильй, – произнесла она с видом Клеопатры, обращаясь к Марку Антонию с просьбой, чтобы Рим был аккуратно упакован и доставлен ей на дом. – Милый, я, пожалуй, съела бы спелый персик...

Малыш Мак-Гарри пружинисто поднялся и надел пальто и шляпу. Он был подтянут, строен, сметлив и полон супружеских чувств.

– Ну что ж, – хладнокровно произнес он. – Сейчас добудем.

– Только недолго, – сказала новобрачная. – Ты же знаешь – я скучаю без своего нехорошего мальчика. И смотри, выбирай хороший, поспелее.

После сцены прощанья, не менее пылкой и бурной, чем если бы Малышу предстояло пересечь Атлантику на утлой лодчонке, он вышел на улицу.

Тут он ненадолго впал в задумчивость. И не без причины: стояла ранняя весна и шансов на то, чтобы среди промозглой сырости улиц и холода зеленых лавок обрести золотистый плод, символ зрелого жаркого лета, было крайне мало. Дойдя до угла, где располагался лоток итальянца-

фруктовщика, он остановился и окинул равнодушным взглядом горы обернутых в папиросную бумагу апельсинов, глянцевиных яблок и бледных, тоскующих по тропическому солнцу бананов.

– Персики есть? – обратился Малыш к соотечественнику Данте и Петрарки, покровителей всех влюбленных.

– Увы, синьор, – сокрушенно вздохнул торговец. – Разве что через месяц-другой. Не сезон. Вот апельсины просто замечательные. Может, возьмете апельсинов?

Малыш продолжал поиски. Теперь он направлялся к своему давнему другу и поклоннику Джастесу О'Кэллахану, которому принадлежало заведение, соединяющее в себе недорогой ресторанчик, ночное кафе и боулинг-клуб. О'Кэллахан оказался на месте – расхаживал по ресторанному залу, гоня обслуживающий персонал.

– У меня неотложное дело, Кэл, – сказал Малыш. – Моей старушке вздумалось полакомиться персиком. И если в твоих закромах завалялся хоть один, мигом тащи его сюда. А если они у тебя во множественном числе, давай все – пригодятся.

– Все, что у меня есть, – твое, – отвечал О'Кэллахан. – Но только персиков ты здесь не найдешь. Ну сам посуди: какие персики в марте? Вообще-то жаль мне тебя. Уж если у дамы на что-нибудь разыгрался аппетит, так ей подай именно то, а не иное. Как на беду, и час поздний, все большие фруктовые магазины уже закрыты... Может, твоя хозяйка согласится на апельсин? Я тут как раз получил пару ящиков отборных...

– Нет, Кэл, благодарю. По условиям контракта требуются персики, никаких замен. Пойду дальше.

Время шло к полуночи, когда Малыш вышел на одну из западных авеню. Большинство магазинов уже были закрыты, а в тех, что еще работали, его поднимали на смех, едва он заводил речь о персиках.

Но где-то вдали, в замке с высокими стенами, его доверчиво ждала новобрачная, погруженная в мечты о заморском фрукте. Неужели же чемпион в полусреднем весе не в состоянии раздобыть какой-то персик, презрев условности сезонов, климатов и календарей, чтобы порадовать возлюбленную полным свежесоким плодом?

Наконец впереди показалась освещенная витрина, полная всяческого земного изобилия. Но не успел Малыш приблизиться, как свет за стеклом погас. Он помчался со всех ног и настиг владельца лавки в ту минуту, когда тот запирает дверь лавки.

– Персики есть? – спросил он угрожающе.

– Что вы, сэр! Сейчас вы их во всем Нью-Йорке не сыщете. Если и



найдется несколько штук, то тепличные. Может, в одном из самых знаменитых отелей, где постояльцы не знают, куда деньги девать. Могу предложить взамен отменные апельсины, партия только сегодня с парохода.

Добравшись до следующего угла, Малыш с минуту потоптался в раздумье, потом решительно свернул в плохо освещенный переулок и направился к зданию, у подъезда которого горели зеленые фонари.

– Кэп на месте? – поинтересовался он у дежурившего полицейского сержанта.

В это время сам капитан вынырнул из-за спины дежурного. Он был в штатском и имел крайне озабоченный вид.

– Хэлло, Малыш! – приветствовал он боксера. – А я-то думал, вы отправились в свадебное путешествие.

– Вчера вернулся. Теперь я вполне оседлый житель Нью-Йорка. Может, даже займусь муниципальной политикой. А скажите-ка, капитан: вы бы не прочь прямо этой ночью прихлопнуть заведение Дика Дэнвера?

– Спыхватились! – насмешливо проговорил капитан, пощипывая ус. – Дэнвера прикрыли еще в позапрошлом месяце.

– Верно, – кивнул Малыш. – В аккурат два месяца назад Рафферти вышиб его с Сорок третьей улицы. А теперь он открыл притон на вашем участке, и игра у него идет крупней, чем прежде. У меня с Дэнвером свои счета. Хотите, покажу дорогу?

– В моем участке? – взревел капитан. – Вы уверены, Малыш? Если так, я у вас в неоплатном долгу. А как туда попасть? Или вам известен пароль?

– Попасть туда можно только взломав дверь, – усмехнулся Малыш. – Ее еще не успели обить железом. Прихватите с собой с десяток парней, а мне туда ходу нет, потому что Дэнвер уже пытался меня прикончить. Он почему-то решил, что это я сдал его бизнес в прошлый раз. Но поторапливайтесь, кэп. Мне сегодня нужно пораньше вернуться домой.

И четверти часа не прошло, как капитан с дюжиной полисменов, следуя за Малышом, уже входили в подъезд здания, где в дневное время располагались офисы десятка солидных фирм.

– На третьем, в самом конце коридора, – негромко произнес Малыш. – Я пройду немного дальше.

Трое дюжих патрульных, вооруженных топорами и кувалдой, застыли у двери, которую он им указал.

– Что-то оттуда ни звука, – с сомнением произнес капитан. – Вы, случайно, не ошиблись?

– Ломайте, – скомандовал Малыш Мак-Гарри. – Я за свои слова

отвечаю.

Топоры с грохотом врезались в дерево. Через проломы хлынул ослепительно яркий свет. Наконец дверь рухнула внутрь, и полицейские с револьверами на взводе ворвались в помещение.

Обширный зал был обставлен с вульгарной роскошью. Обстановка явно соответствовала вкусам хозяина, уроженца тех краев. За несколькими ломберными столами игра была в разгаре. С полсотни завсегдаев ринулись к выходу, стремясь вырваться из лап полиции, но тут заработали резиновые дубинки. Тем не менее, некоторым из них удалось уйти.

Вышло так, что в ту ночь Дик Дэнвер удостоил своим присутствием созданный им подпольный притон. Он-то и бросился в числе первых на полицейский наряд, надеясь, что численный перевес позволит с ходу смять и прорвать кольцо участников облавы. Но с той секунды, как он заметил среди полицейских Малыша Мак-Гарри, он больше не думал об опасности.

Рослый и грузный, как боксер-тяжеловес, Дик всей своей массой навалился на противника, казавшегося по сравнению с его двумястами фунтами хрупким и слабым. Намертво сцепившись, оба покатались вниз по лестнице. На площадке второго этажа, где они наконец встали на ноги, Малыш пустил в ход свое искусство, от которого было мало толку, пока его стискивал в своих объятиях громила, которому грозила неминуемая потеря имущества на сумму не меньше двадцати тысяч долларов.

Двумя ударами уложив своего противника, Малыш бросился наверх и влетел в помещение, отделенное от зала аркой с драпировками.

Здесь стоял великолепно сервированный стол, ломившийся от изысканных яств, до которых, как считается, охочи искатели удачи. В убранстве стола тоже сказывался варварский размах и экзотические пристрастия джентльмена, ныне пребывавшего в глубоком нокауте.

Из-под свисающей до пола хрустящей скатерти торчал лакированный ботинок сорок пятого размера. Малыш ухватился за него и выволок на свет божий негра-официанта, упакованного во фрак и белый галстук.

– Встань! – приказал Малыш. – Ты состоишь при этой кормушке?

– Верно, сэр, состоял. Неужели нас опять прихлопнули, а?

– Вроде того. А теперь отвечай: имеются у тебя тут персики?

– У меня было три дюжины, сэр, когда игра только начиналась, но, сдается мне, джентльмены слопали все до единого. Может вас устроит хороший сочный апельсин, сэр?

– Поставь здесь все с ног на голову, – сурово велел Малыш, – но чтоб у меня были персики. Хотя бы один. Да пошевеливайся, не то дело кончится плохо. И если сегодня еще кто-нибудь упомянет при мне об апельсинах, я

из него вышибу последние мозги.

Тщательнейшая ревизия стола позволила обнаружить единственный золотисто-румяный плод, который по чистой случайности пощадили челюсти любителей азарта. Персик тут же отправился в карман Малыша, и он, не теряя ни минуты, пустился с добычей в обратный путь. На улице он даже не удостоил взглядом полицейский фургон, в который люди капитана, энергично работая дубинками, запихивали пленников.

На душе у Малыша Мак-Гарри было легко и спокойно. Малыш услышал желание, исходившее из уст дамы его сердца, и сумел его исполнить. И хотя речь шла всего лишь о персике, но чем, если не подвигом, было раздобыть его в городе, заваленном снегом? Теперь этот персик покоился у него в кармане, согретый ладонью, – потому что Малыш все время придерживал его, опасаясь выронить или раздавить.

По пути он заглянул в ночную аптеку. Хозяин вопросительно уставился на него, и Малыш сказал:

– Послушайте, мистер, я попросил бы вас проверить мои ребра – все ли целы. Тут у меня вышла небольшая размолвка с приятелем, и мне пришлось пересчитать ступени на двух-трех лестничных пролетах.

Провизор внимательно осмотрел его бока и вынес заключение:

– Ребра целы. Но вот здесь у вас налицо кровоподтек, который выглядит так, будто вы свалились с небоскреба «Флэтайрон-билдинг», причем, как минимум, дважды.

– Это чепуха, – хмыкнул Малыш. – Не найдется ли у вас платяной щетки?..

В мягком свете лампы под розовым шелковым абажуром его с нетерпением ждала новобрачная. Нет, не перевелись еще чудеса на белом свете, – проносилось в ее очаровательной головке. Ведь достаточно одного лишь словечка о том, что ей чего-то хочется, и ее муж отважно пускается в ночь, в огромный и опасный мир, который подвластен ему, и ее желания в точности исполняются.

И действительно – вот он уже здесь, склоняется над ее уютной качалкой и вкладывает ей в руку персик.



— Ну разве я просила персик?  
Я бы гораздо охотнее съела апельсин...  
(Персики)

— Глупый мальчик! — влюбленно воркует она. — Ну разве я просила персик? Я бы гораздо охотнее съела апельсин...  
Да будут вовек благословенны все новобрачные!

## Родственные души

Грабитель бесшумно проскользнул в окно и замер, осваиваясь с обстановкой. Всякий домушник, не потерявший уважения к себе, сначала окинет взглядом чужое добро и лишь после этого начнет его присваивать.

Он находился в небольшом особняке. Заколоченная парадная дверь и неподстриженный газон сообщили ему, что владелица дома в данную минуту сидит себе где-нибудь на террасе, о ступени которой разбиваются волны прибоя, и втолковывает молодому человеку в спортивной фуражке, полному сочувствия к ее возвышенной натуре, что никто на свете не понимает страдания ее измученной одиночеством души.

В то же время освещенные окна верхнего этажа свидетельствовали, что хозяин уже дома и вскоре отправится на покой. Конец сентября – особая пора и в природе, и в человеческой жизни. В это время всякий добропорядочный домовладелец приходит к выводу, что стенографистки и ночные кабаре – всего лишь суета сует. Поэтому, ощущая в себе тягу к нравственному совершенству и семейным ценностям, начинает поджидать возвращения домой своей законной половины.

Грабитель прикурил сигарету. Огонек спички на мгновение вырвал из сумрака самое выдающееся в его лице – длинный нос и острые скулы.

Он принадлежал к третьей, еще мало изученной разновидности домушников. Нам хорошо известны первая и вторая – полиция позаботилась познакомить общественность с ними. Классификация их крайне проста. Главной приметой здесь служит воротничок. Если на пойманном воре нет никаких следов крахмального воротничка, его объявляют опаснейшим ублюдком, растленным субъектом, и мгновенно возникает подозрение – а не тот ли это закоренелый негодяй, который в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году нагло похитил наручники из кармана полицейского офицера Хэннесси и при этом избежал ареста.

Совсем другое дело – вор в крахмальном воротничке. Это вор-джентльмен. Днем он завтракает в смокинге, затем передевается слесарем или обойщиком и отправляется на разведку. Вечером же он вплотную приступает к своему основному занятию – очищению квартир и домов от всего мало-мальски ценного. Матушка его – богатая и почтенная леди. Не потому ли, когда ее отпрыска отправляют в тюремную камеру, он первым делом требует маникюрный набор и «Полицейскую газету». В каждом штате у него имеется жена, а заодно и невесты во всех округах. Газеты

сериями печатают портреты его жертв женского пола, используя для этого извлеченные из медицинских архивов фотографии малокровных особ, от которых наотрез отказались все врачи.

На грабителе был синий джемпер. Следовательно, он не принадлежал ни к категории джентльменов, ни к категории отпетых подонков. Это был солидный, степенный вор, стремящийся не залетать уж слишком высоко и не опускаться на самое дно.

Итак, грабитель третьей категории начал осторожно продвигаться вперед. Он не имел на лице маски, не прятал в рукаве потайной фонарик, и на ногах у него не было ботинок на толстой резиновой подошве. Вместо этого сжимал в кармане рукоять револьвера тридцать восьмого калибра и неторопливо жевал мятную резинку.

Мебель в доме стояла в чехлах. Серебро было спрятано в несгораемые шкафы. Да он и не рассчитывал на чересчур богатую добычу. Просто держал путь в слабо освещенную комнату в верхнем этаже, где хозяин дома, должно быть, уже спал каменным сном. Именно там и следовало искать то, что было объектом его честных, законных и вполне профессиональных устремлений. Немного денег, часы, может быть, кольцо или булавка с камушком. Заметив с улицы оставшееся открытым окно, он просто решил попытать счастья.

Дверь в полуосвещенную комнату бесшумно приоткрылась. На кровати виднелась фигура спящего. На столике в беспорядке валялись скомканные банкноты, часы, связка ключей, три покерных фишки, пара сломанных сигар и пышный розовый бант. Тут же стояла бутылка содовой, припасенная на утро.

Пришелец сделал три легких шага по направлению к столику. Спящий мучительно застонал и внезапно открыл глаза. Его правая рука быстро скользнула под подушку да там и осталась.

– Лежать, не шевелиться! – спокойно произнес грабитель. Воры этой категории никогда не говорят зловецким шепотом.



*— Руки за голову! — приказал грабитель.  
(Родственные души)*

Человек в постели взглянул на ствол револьвера, уставившийся на него, и замер.

— Руки за голову! — приказал грабитель.

У человека была каштановая ухоженная бородка с проседью, а сам он

производил впечатление почтенного гражданина. Сейчас он был несколько испуган и крайне возмущен. Он уселся в постели и поднял правую руку.

– Вторую, живо! – скомандовал грабитель. – Может, вы левша и стреляете с левой. Умеете считать до двух?

– Не могу, – пробормотал мужчина, болезненно морщась.

– А что такое?

– Ревматизм. В плечевом суставе.

– Острый?

– Раньше был острый. Теперь хронический.

Грабитель с минуту стоял безмолвно, держа ревматика на мушке. Затем уставился на человека, неподвижно сидевшего в постели. Внезапно его лицо тоже исказила гримаса.

– Что вы тут корчите рожи? – раздраженно бросил мужчина. – Явились грабить, так грабьте. Забирайте, что найдете на столике.

– Извиняюсь, – сказал вор с кривой усмешкой. – Меня вот, знаете, тоже прихватило. Вам вообще повезло – мы с ревматизмом закадычные приятели. И тоже в левом плече. Другой на моем месте давным-давно продырявил бы вас, когда вы не подняли вашу левую клешню.

– И давно это у вас? – поинтересовался мужчина.

– Пятый год. Да теперь уж не отвяжется. Стоит только его заполучить – пиши пропало.

– А не пробовали жир гремучей змеи? – любопытствовал мужчина.

– Галлонами<sup>[34]</sup>. Если всех гремучих змей, которых я извел, вытянуть одну за другой, так их восемь раз хватит от Земли до Сатурна, а уж их погремушки будут так греметь, что оглохнут и в Вальпараисо.

– Кое-кто хвалит «Пилюли Чизхолма», – заметил мужчина.

– Мошенничество чистой воды, – возмутился грабитель. – Пять месяцев кряду я глотал эту дрянь. Ни малейшего толку. Вот когда я принимал «Экстракт Финкельхейма», делал компрессы из «Галаадского бальзама» и применял «Болеутоляющий распылитель Потта», вроде немного отпускало. Только сдается мне, что помогали не так снадобья, как конский каштан, который я все это время носил в левом кармане.

– У вас когда обострения – с утра или ночью?

– Ночью, – сказал грабитель. – Когда самая работа... Эй, да опустите вы руку, черт с ней... А «Кровеочиститель Бликерстаффа» не пробовали?

– Как-то не приходилось. А у вас боль приступами или постоянно ноет?

Грабитель присел на кровать и опустил револьвер на колени.

– Приступами, – сказал он. – Набрасывается, когда и думать не



думаешь. Потому и пришлось отказаться от верхних этажей – пару раз уже застревал, прихватывало на полдороге. Одно я вам скажу: ни черта в этой болячке нынешние доктора не смыслят.

– И я так думаю. Потратил на них добрую тысячу долларов, и все напрасно. У вас распухает?

– По утрам. А уж перед непогодой – просто хоть караул кричи.

– Ну да, и у меня та же картина. Стоит паршивой тучке размером с полотенце двинуться в нашу сторону из Флориды, и я уже чувствую ее приближение. А если приходится пройти мимо театра, когда там дают мелодраму «Туман над болотами», сырость прямо вонзается в сустав и начинает дергать – ну чисто клещами.

– Да, ничем ее не взять. Просто адские мучения, – кивнул грабитель.

– Ох, до чего ж вы правы, – вздохнул мужчина.

Грабитель рассеянно взглянул на свой револьвер, слегка поколебался и опустил его в карман.

– Послушайте, приятель, – сказал он. – А вы, часом, не пробовали втирать оподельдок?

– Ерунда! – сердито проговорил мужчина, откидываясь на подушки. – С таким же успехом можно втирать сливочное масло или вообще ничего не втирать.

– Верно, – согласился вор. – И скажу вам прямо – дела наши дрянь. Осталась только одна вещь на свете, которая помогает: добрая, старая, согревающая и веселящая сердце выпивка. Знаете, старина... вы на меня не особенно сердитесь... Это дело, за которым я сюда явился, само собой, побоку... Одевайтесь-ка и пойдем где-нибудь выпьем. Вы уж простите меня, если я... ух ты, дьявол! Опять дергает, сволочь такая!

– Уже неделя прошла, как я лишился возможности одеться без чьей-либо помощи, – печально проговорил мужчина. – Боюсь, что мой Томас уже лег, и...

– Ладно-ладно, вы только вылезайте из своего логова, – сказал грабитель. – А уж я помогу вам нацепить какую-нибудь хламиду...

И тут воспоминания о приличиях и условностях зашевелились в сознании мужчины. Он принялся растерянно пощипывать свою бородку.

– Это, вообще-то, странновато... – начал было он.

– Вот ваша рубашка, – сказал грабитель. – Нырятьте. Между прочим, один мой знакомый утверждал, что «Растирание Омберри» так привело его в порядок буквально за две недели, что он начал сам себе завязывать галстук.

На пороге мужчина остановился и шагнул обратно.

– Чуть не забыл деньги, – сказал он. – Выложил все с вечера на стол.  
Грабитель вернул его, поймав за рукав.

– Идем-идем, – сказал он со смешком. – Бросьте разводить антимонии.  
Я угощаю. А вы никогда не пробовали «Чудодейственный орех» и мазь из  
сосновой хвои?..

## Пока ждет автомобиль

Уже близились сумерки, когда в тихий уголок маленького парка пришла девушка. Она уселась на скамью и открыла книгу – еще целых полчаса можно было читать при дневном свете.

Платье девушки было серым и простым, но ровно настолько, чтобы в глаза не бросалась безупречность его покроя. Не слишком плотная вуаль спускалась с шляпки на лицо, светившееся спокойной красотой. Девушка приходила сюда и вчера, и позавчера, и существовал некто, кто отлично знал об этом.

Молодой человек, которому был известен этот ее обычай, прогуливался неподалеку в надежде на милость великого божества – Случая. И его терпение было вознаграждено: девушка неловко перевернула страницу, книга выскользнула из ее рук и упала, отлетев от скамьи.

Молодой человек ринулся к яркому томику и протянул его девушке, строго придерживаясь той манеры, которая принята в наших общественных местах и представляет собою смесь галантности, надежды и оглядки на дежурного полисмена на ближайшем углу.

При этом он отпустил незначительное замечание насчет погоды – обычная тема, служащая прелюдией ко многим несчастьям на этой земле, – и замер на месте, ожидая, будет ли его галантность оценена по достоинству.

Девушка окинула неторопливым взглядом его скромный, но аккуратный костюм и лицо, не отличавшееся особой выразительностью.

– Можете присесть, если угодно, – сказала она глубоким грудным голосом. – Пожалуй, мне даже хочется, чтобы вы составили мне компанию. Все равно уже смеркается, и читать трудно. Мы могли бы немного поболтать.

Верный раб Случая с готовностью опустился на скамью.

– Известно ли вам, – начал он, – что вы самая потрясающая девушка, какую мне когда-либо доводилось видеть? Я и вчера таращился на вас до самой темноты. Или вы, детка, даже не заметили, что кое-кто совсем сбрендил от ваших прелестных глазенок?

– Кем бы вы ни были, – холодно произнесла девушка, – прошу вас не забывать, что я леди. Я, так и быть, прощаю вам нелепые речи, с которыми вы только что обратились ко мне, – такое заблуждение вполне характерно для человека вашего круга. Я предложила вам присесть; если подобное предложение, по вашему мнению, позволяет вам называть меня «деткой», я

беру его обратно.

– Ради бога, простите меня! – жалобно воскликнул молодой человек. Самодовольство на его лице сменилось выражением глубокого смирения и раскаяния. – Это ошибка; то есть я хочу сказать, что обычно девушки в парке... вам это, конечно, неизвестно, но...

– Не будем об этом. Лучше расскажите мне обо всех этих людях, которые проходят мимо. Куда они направляются? Почему так спешат? Счастливы ли они?

Молодой человек мгновенно утратил игривый вид. Он ответил не сразу: не так уж просто было понять, что, собственно, от него требуется.

– Да, за ними весьма любопытно наблюдать, – промямлил он, решив наконец, что уловил настроение собеседницы. – Волшебная загадка жизни... Одни идут ужинать, другие... гм... в другие места. Хотелось бы, конечно, узнать, как они в действительности живут.

– А вот мне – нет, – возразила девушка. – Я не до такой степени любознательна. Я прихожу сюда только ради того, чтобы на короткое время оказаться поближе к трепещущему сердцу человечества. Моя жизнь протекает так далеко от него, что я лишь изредка ощущаю его биение. Вы ведь догадываетесь, почему я так говорю, мистер...

– Паркенстэйкер, – подсказал молодой человек и взглянул на девушку вопросительно и с надеждой. Однако своего имени она не назвала.

– Нет-нет, – сказала девушка, едва улыбнувшись. – Оно слишком хорошо известно. Эта вуаль и шляпка моей горничной делают меня совершенно неузнаваемой. Скажу не таясь: существует всего пять или шесть фамилий, принадлежащих к высшей элите; и моя, по праву рождения, входит в это число. Я говорю вам все это, мистер Стекенпот...

– Паркенстэйкер, – смиренно поправил молодой человек.

– Мистер Паркенстэйкер, потому что мне хотелось бы хоть однажды побеседовать с обычным человеком, не испорченным блеском так называемого «высшего света». Нет, вы и вообразить не можете, как я устала от этих денег – о них беспрестанно толкуют все, кто окружает меня. И все эти разговоры на один лад. Я просто больна от вымученных развлечений, бриллиантов, от роскоши всякого рода!..

– А я как-то больше склонялся к мысли, – нерешительно заметил молодой человек, – что деньги совсем недурная вещь.

– Достаток – возможно. Но когда у вас столько миллионов, что... – она заключила фразу безнадежным жестом. – Однообразие, пресыщенность – вот что нагоняет глухую тоску. Выезды, званые обеды, театры, балы – и все это позолочено богатством, перехлестывающим через край. Порой даже

хруст льдинки в бокале с шампанским сводит меня с ума.

Мистер Паркенстэйкер слушал с самым живым интересом.

– Мне всегда нравилось, – наконец проговорил он, – читать о жизни высшего света. Наверное, я немножко сноб<sup>[35]</sup>. К тому же я люблю знать обо всем как можно точнее. И у меня сложилось впечатление, что шампанское охлаждают в бутылках, а не кладут лед в бокалы.

Девушка рассмеялась – это его замечание искренне ее развеселило.

– Мы, те, чья жизнь проходит в праздности, – снисходительно пояснила она, – порой развлекаемся именно тем, что нарушаем установленные правила. С недавнего времени вошло в моду класть лед в шампанское. Но вскоре одна прихоть сменится иной. Неделю назад на званом ужине на Мэдисон-авеню рядом с каждым прибором лежала зеленая лайковая перчатка, которую предлагалось надевать, беря из судка маслины.

– О да, – вынужден был согласиться молодой человек, – все эти забавы знати остаются неизвестными публике.

– Порой мне кажется, – продолжала девушка, сопроводив легким кивком его признание в собственном невежестве, – что я могла бы полюбить только человека из низших классов. Труженика, а не никчемного бездельника. Но, увы, положение обязывает, и требования моего круга наверняка окажутся сильнее моих стремлений. Сейчас меня осаждают двое претендентов. Один из них – немецкий герцог. Я, правда, подозреваю, что первую жену он довел до безумия своей необузданной жестокостью. Другой – английский маркиз, настолько чопорный, что я, пожалуй, предпочту герцога. Но хотела бы я знать – что толкает меня говорить все это вам, мистер Покенстэйкер?

– Паркенстэйкер, – смущенно пробормотал молодой человек. – Клянусь, вы даже не можете вообразить, как высоко я ценю ваше доверие!

Девушка окинула его прохладным взглядом, лишний раз подчеркнувшим разницу в их общественном положении.

– Чем вы занимаетесь, мистер Паркенстэйкер? – поинтересовалась она.

– О, у меня очень скромная должность. Но я надеюсь кое-чего добиться в жизни. Вы ведь не шутили, говоря, что могли бы полюбить человека из низшего класса?

– Разумеется, нет. Будьте уверены, ни одна профессия не кажется мне низменной, только бы человек пришелся мне по душе.

– Я служу, – объявил мистер Паркенстэйкер, – в одном ресторане неподалеку.

Девушка слегка вздрогнула.

– Но ведь не в качестве официанта? – спросила она, и в ее голосе прозвучали почти умоляющие нотки. – Всякий труд благороден, но... вы понимаете, прислуга...

– Нет-нет, я не официант. Я кассир в... – Со скамьи, на которой они сидели, были видны электрические буквы вывески над входом в ресторан на улице, тянувшейся вдоль парка. – Я служу кассиром вон в том ресторане.

Девушка взглянула на часики на браслете изящной работы и поспешно поднялась, сунув книгу в крохотную сумочку, висевшую у нее на поясе.

– Почему же вы не на службе?

– Сегодня у меня ночная смена, – ответил молодой человек. – До ее начала еще почти час. Скажите, но ведь это не последняя наша встреча?

– Право, не знаю. Может статься и так, что мой каприз больше не повторится. Но сейчас я должна спешить. Меня ждет званый обед, затем – ложа в театре. Снова все тот же замкнутый круг. Вы, вероятно, когда шли в парк, заметили автомобиль на углу? Сливочно-белый?

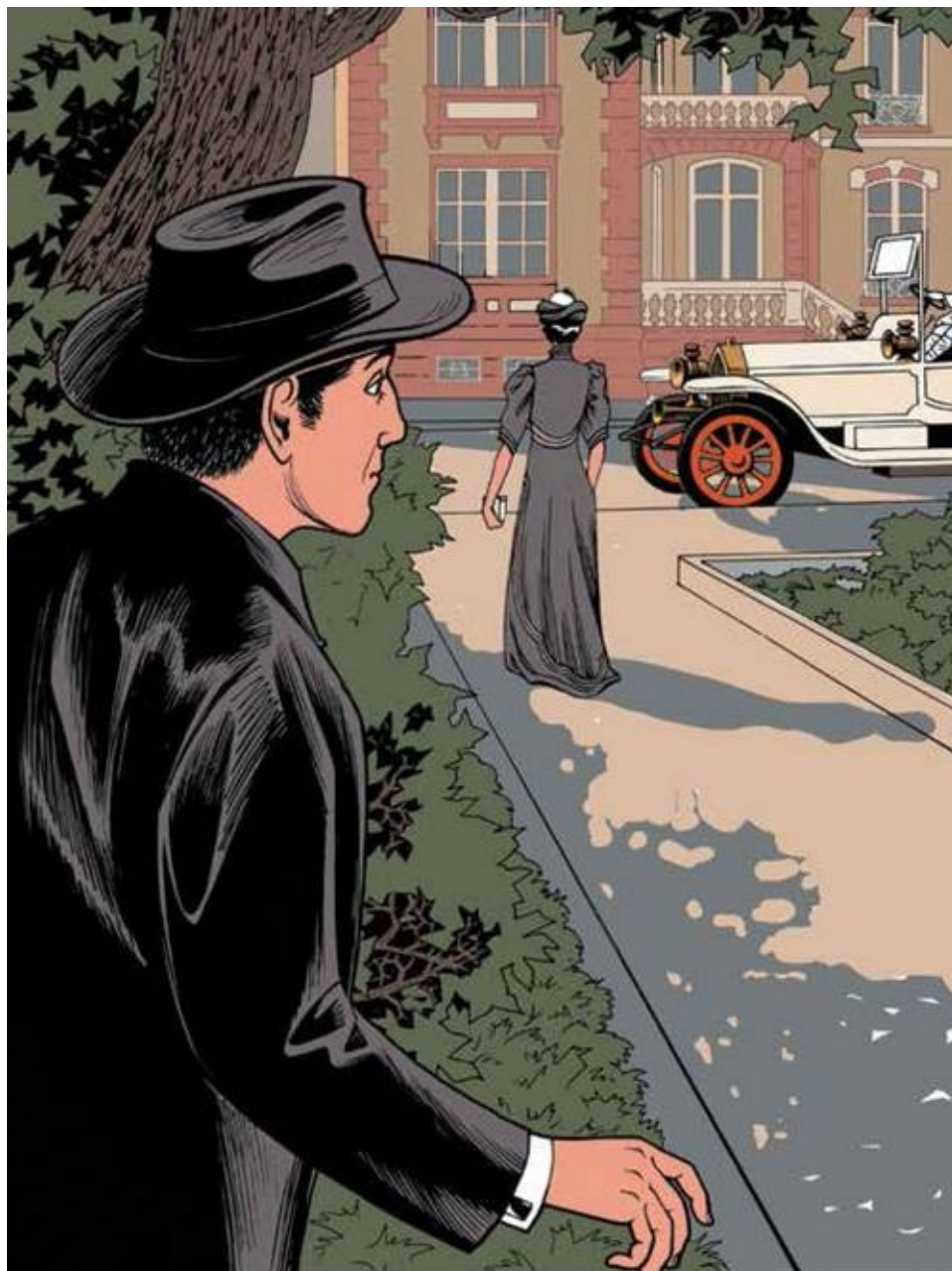
– С красными колесными дисками? – поинтересовался молодой человек. При этом его густые брови почти сошлись на переносице.

– Именно. Я всегда приезжаю в нем. Пьер поджидает меня у входа, будучи в полной уверенности, что я провожу время в магазинах на площади по ту сторону парка. Представляете жизнь, в которой приходится обманывать даже своего шофера? Прощайте...

– Но ведь уже совсем темно, – робко проговорил мистер Паркенстэйкер. – Позвольте мне вас хоть немного проводить...

– Если вы хоть немного уважаете мои желания, – резко возразила девушка, – вы останетесь здесь еще в течение десяти минут после того, как я покину вас. Я не ставлю вам этого в вину, но вы должны были бы знать, что на дверцах автомобилей обычно стоят инициалы их владельцев. Еще раз – прощайте.

После этого девушка торопливо, но не теряя достоинства, удалилась и вскоре почти скрылась в темноте аллеи.



*Молодой человек... вскочил и стал красться за девушкой  
следом, ни на секунду не упуская ее из виду.  
(Пока ждет автомобиль)*

Молодой человек провожал взглядом ее стройную фигуру, пока она не вышла из парка, направляясь к углу, где виднелся белый автомобиль. Затем он стремительно вскочил и стал красться за ней следом, то и дело прячась за деревьями, но ни на секунду не упуская девушку из виду.

Дойдя до угла, она мельком взглянула на белый автомобиль, миновала его и начала переходить улицу. Ступив на противоположный тротуар, девушка толкнула дверь ресторана со светящейся вывеской.

Ресторан был из тех, где можно пообедать дешево, но с шиком. Девушка проследовала через весь зал, скрылась где-то в глубине и тут же появилась снова, но уже без шляпки и вуали. Прямо за стеклянной входной дверью находилась касса. Рыжеволосая кассирша, сидевшая за ней, быстро взглянула на часы и спрыгнула со своего табурета. Девушка в сером платье моментально заняла ее место.

Молодой человек медленно побрел обратно. На углу он споткнулся о маленький томик в бумажном переплете – это была книга, которую читала девушка в парке. Он небрежно поднял ее и взглянул на заглавие: «Новые сказки Шахерезады». Молодой человек уронил книжонку на газон и с минуту стоял в раздумье, словно все еще колебался. Затем распахнул дверцу белого автомобиля, опустился на кожаные подушки сиденья и приказал:

– В клуб, Анри.



## Погребок и роза

Жизнь мисс Позы Кэррингтон началась под невзрачной фамилией Богс в деревушке Кранберри Корнерс. В восемнадцать лет она обрела фамилию Кэррингтон и стала хористкой в столичном варьете. После чего с легкостью преодолела путь от «фигурантки», участницы знаменитого октета «Пташка» в нашумевшей музыкальной комедии «Вздор и вранье», к сольному номеру в танце насекомых в «Фоли де Рояль» и, наконец, к роли Тойнет в оперетте «Купальный халат короля» – роли, обеспечившей ей успех.

К моменту начала нашего рассказа мисс Кэррингтон купалась в славе, лести и шампанском, и предусмотрительный Тимоти Голдштейн, антрепренер, заручился ее подписью на солидном контракте, суть которого сводилась к тому, что мисс Поза готова блистать весь следующий сезон в новой пьесе Дайда Рича «При свете газа».

В очень скором времени к Голдштейну явился молодой и талантливый исполнитель характерных ролей мистер Хайсмит, надеявшийся получить роль Сола Хэйтосера, главного мужского комического персонажа в упомянутой пьесе.

– Да господи, – только и сказал ему Голдштейн, – берите себе эту чертову роль, если только вам удастся ее взять. Мисс Кэррингтон уже отвергла с полдюжины самых лучших актеров. И твердит, что ноги ее не будет на моей сцене, пока ей не раздобудут настоящего Хэйтосера. Она, видите ли, выросла на ферме, и когда некое оранжерейное растение с Бродвея, понатыкав в волосы соломы, силится изобразить перед ней «деревенского простака», просто из себя выходит. Так вот, мой милый, хотите играть Сола Хэйтосера – сумейте убедить мисс Кэррингтон.

На следующий день Хайсмит уже трясся в поезде, идущем в направлении Кранберри Корнерс. Добравшись до этого глухого местечка, он провел там три дня. За это время он разыскал Богсов и вызубрил историю их семейства до четвертого колена включительно. Он тщательно изучил все значительные события в округе и местный колорит. Скажем прямо – деревня не поспевала за мисс Кэррингтон. Со времени ее отбытия на столичную сцену там произошло так же мало перемен, как бывает на сцене, когда в последнем акте говорится «с тех пор прошло четыре года». Приняв, как хамелеон, окраску и обличье жителей Кранберри Корнерс, Хайсмит вернулся в город, который не удивить никакими превращениями.

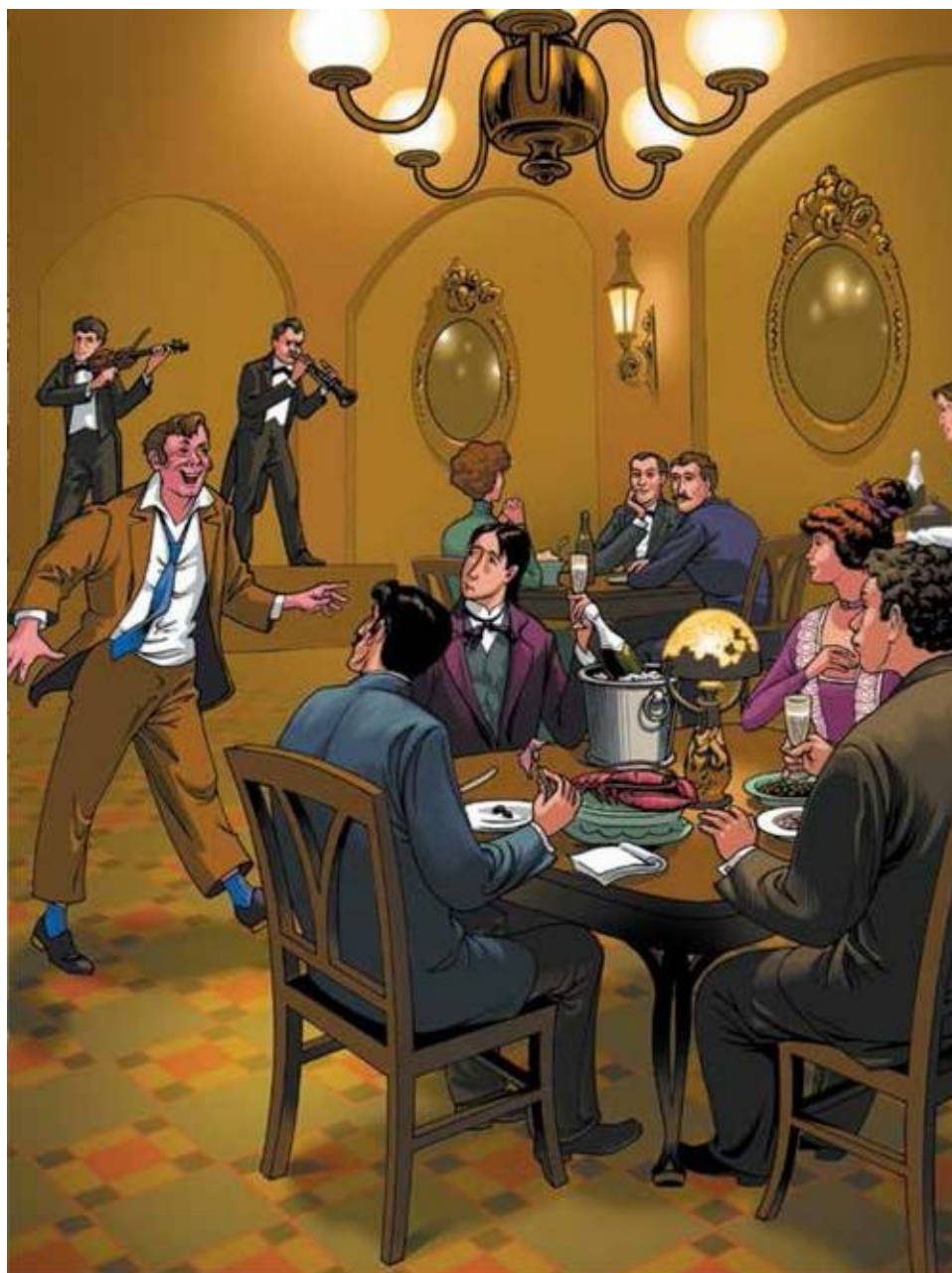
Все дальнейшее произошло в маленьком погребке – именно здесь довелось Хайсмицу блеснуть своим актерским мастерством. За одним из столиков сидела небольшая, но весьма оживленная компания, привлекающая взгляды всех присутствующих. Первой следует назвать задорную, чарующую и уже основательно отведавшую славы мисс Кэррингтон. Затем – мистер Голдштейн, громогласный, неуклюжий, слегка встревоженный, как медведь гризли, чудом поймавший лапой яркого мотылька. Далее – некий представитель прессы: унылый, настороженный, рассматривающий каждое обращенное к нему слово как возможный материал для репортажа. И наконец, молодой человек с пробором, словно проведенным по линейке, и именем, которое выглядит как чистое золото на оборотной стороне подписанных им ресторанных счетов.

Примерно в одиннадцать сорок пять в погребок ввалилось некое создание. Первая скрипка при виде его вместо «ля» взяла «ля бемоль»; кларнетист сбился в середине сложной фиоритуры; мисс Кэррингтон фыркнула, а молодой человек с пробором проглотил косточку от маслины.

Вид у нового посетителя был безупречно деревенский. Это был тощий парень с льняными волосами, постоянно разинутым ртом, неуклюжий, слегка ошалевший от обилия света и шума. На нем был костюм цвета арахисового масла и ярко-голубой галстук, из рукавов на четыре дюйма торчали костлявые лапищи, а из-под штанин на такое же расстояние выглядывали щиколотки в белых носках. Для начала он опрокинул стул, уселся на другой, закрутил ногу вокруг ножки столика и заискивающе улыбнулся подоспевшему лакею.

– Мне бы стакашку имбирного пива, – пробубнил он в ответ на издевательски вежливый вопрос официанта.

Взгляды всего погребка обратились на пришельца. Он был свеж и розов, как майский редис, и прост, как грабли. Малый вылупил глаза и принялся блуждать взглядом по залу, словно высматривая, не забрались ли свиньи на грядки с салатом. И тут его взгляд остановился на мисс Кэррингтон. Он резво вскочил и направился к ее столику с широчайшей улыбкой, побагровев от смущения до корней волос.



— Как поживаете, мисс Поззи? Не узнаете меня?  
(Погребок и роза)

— Как поживаете, мисс Поззи? — осведомился он. Его выговор не оставлял ни малейших сомнений в его происхождении. — Не узнаете меня? Я же Билл Саммерс. Помните тех Саммерсов, что жили за кузней? Понятно, я малость подрос с тех пор, как вы улепетнули из Кранберри

Корнерс. А знаете, Лайза Перри так и думала, что я могу встретиться с вами в городе... Лайза-то, знаете, выскочила замуж за Бена Стэнфилда, и она говорит...

– Да что вы? – живо перебила его мисс Поззи. – Лайза Перри вышла замуж? С ее-то веснушками?!

– В этом июне дело было, – ухмыльнулся этот тип. – А теперь переехала в старый Татам-Плейс. А Хэм Рэйли – тот окончательно сделался святошей. Старая мисс Близерс продала свой домишко капитану Спунеру; у Уотерсов младшая дочка удрала с учителем музыки; в марте сгорело здание суда, а вашего дядюшку Уайли выбрали констеблем; опять же Матильда Хоскинс загнала себе швейную иголку в руку и померла. А Том Бидл приударяет за Салли Ластроп – говорят, ни одного вечера не пропускает...

– За этой пучеглазой? – воскликнула мисс Кэррингтон несколько резко. – Но ведь Том Бидл когда-то... Простите, друзья, я сейчас. Знакомьтесь – это мой старый приятель, мистер... Ну да, мистер Саммерс. Мистер Голдштейн, мистер Рикетс, мистер... как же ваша фамилия? Ну, это все равно, допустим, Джонни. А теперь давайте-ка присядем вон там, и вы расскажете мне еще что-нибудь про наши края.

Она потащила его к пустому столику, стоявшему в углу. Голдштейн недоуменно пожал пухлыми плечами и подозвал официанта. Репортер слегка оживился и заказал абсент. Юноша с пробором погрузился в меланхолию. Посетители погребка пересмеивались и наслаждались шоу, которое мисс Поззи предоставила им помимо обычной своей программы. Правда, некоторые скептики усомнились и принялись перешептываться, упоминая рекламу и улыбаясь друг другу с понимающим видом.

Тем временем Поззи Кэррингтон оперлась на обе руки своим очаровательным круглым подбородком с ямочкой и начисто забыла об окружающем. Именно эта способность и принесла ей славу.

– Что-то не припомню я никакого Билла Саммерса, – проговорила она, задумчиво уставившись в простодушные глаза сельского жителя. – Но Саммерсов я знаю. У нас там, должно быть, не так уж много перемен. Вы моих давно видали?

И тут Хайсмит выложил на стол главный козырь. Роль Сола Хэйтосера требовала не только комических дарований, но и толики драматизма. Пусть Поззи Кэррингтон убедится, что и это ему по плечу.

– Мисс Поззи, – внушительно начал он. – Я побывал в доме ваших родителей всего три дня назад. По правде говоря, особых перемен там нет. Разве что вяз во дворе усох, пришлось пустить его на дрова. И все-таки все

не то и не так, как было раньше.

– Как там моя матушка? – спросила мисс Кэррингтон.

– Когда я видел ее в последний раз, она сидела на крыльце и вязала крючком салфетку, – отвечал мнимый Билл. – Скажу прямо – она постарела, мисс Позе. Но в доме все по-старому. Ваша матушка предложила мне присесть. «Только, – говорит, – вы, Уильям, не троньте ту качалку. Мы ею не пользуемся с тех пор, как уехала Позе. И вот этот фартук, который она начала подрубить, – он тоже лежит на ручке качалки с того дня, как она сама его туда бросила. Я все надеюсь, что когда-нибудь Позе еще закончит этот шов».

Мисс Кэррингтон жестом подозвала официанта.

– Шампанского, сухого, – велела она коротко. – Счет Голдштейну.

– Солнце падало как раз на крыльцо, – продолжал вестник из Кранберри, – и ваша матушка сидела против света. Я и говорю – может, ей пересесть чуток в сторону. «Нет уж, Уильям, – отвечает она, – стоит мне сесть здесь да начать поглядывать на дорогу, и я с места не могу сойти. Всякий день, чуть свободная минутка, я гляжу за изгородь, высматриваю, не покажется ли моя малышка Позе. Она ведь покинула нас ночью, а утром мы увидели в пыли на дороге следы ее башмачков... И до сих пор мне все чудится, что когда-нибудь она вернется обратно по этой же самой дороге. Устанет от столичной жизни и вспомнит о своей матушке».

– Когда я уходил от них, – закончил самозванный Билл, – то сорвал вот это с куста, что растет перед вашим домом. А вдруг, думаю, и впрямь встречу вас в городе, и вам... ну, в общем, вам приятно будет иметь хоть что-нибудь из родного дома.

С этими словами он извлек из кармана поблекшую желтую махровую розу.

Мелодичный смех мисс Позе заглушил звуки оркестра, исполнявшего «Колокольчики».

– Боже правый! – весело воскликнула она. – Ну есть ли на свете что-нибудь скучнее, чем этот Кранберри? Мне кажется, я теперь не смогла бы прожить там и двух часов – погибла бы от уныния. Но я рада, мистер Саммерс, что повидалась с вами. А теперь мне пора отправляться домой да как следует выспаться.

Она приколотила розу к своему элегантному шелковому платью, поднялась и повелительно кивнула Голдштейну. Все трое спутников, а заодно с ними и «Билл Саммерс» сопровождали знаменитость до поджидавшего ее кэба. На прощанье мисс Кэррингтон одарила всех ослепительной улыбкой.

– Забегите навестить меня, Билли, прежде чем соберетесь возвращаться домой, – воскликнула она, и экипаж тронулся.

Хайсмит, не снимая своего маскарадного костюма, отправился с Гольдштейном в маленькое кафе.

– Ну, что скажете? – спросил актер, сияя. – Отдаст она мне Сола Хэйтосера? Как мне показалось, она не усомнилась ни на секунду.

– Не знаю, о чем вы там с ней толковали, – сказал Гольдштейн, – но костюм ваш и ухватки – высший класс. Пью за ваш успех. Советую завтра же, прямо с утра, заглянуть к мисс Кэррингтон. Не может быть, чтобы она не оценила ваши способности.

На следующий день, в одиннадцать сорок пять, Хайсмит, элегантный, одетый по моде, с цветком фуксии в петлице, явился к мисс Кэррингтон в ее апартаменты в отеле.

К нему вышла француженка – горничная актрисы.

– Я очень жалею, – сообщила эта мадемуазель, – но мне поручалось передать это всем посетителям. Мисс Кэррингтон разорвала всякий контракт с театром и уехала жить в этот, как его? В Кранберри Корнер!

## Пимиентские блинчики

Однажды, когда мы сгоняли гурт скота в долине Фрио, торчащий сук сухого дерева зацепился за мое стремя, я вывихнул себе лодыжку и неделю провалялся в лагере. На третий день вынужденного безделья я выполз к фургону с провизией<sup>[36]</sup> и беспомощно залег под обстрелом болтовни Джедсона Одома, нашего лагерного повара. Джед был создан для драматических монологов, но судьба ошиблась, навязав ему работу, где он большую часть времени был лишен аудитории. Так что я для него был сущей манной небесной в пустыне вынужденного молчания.

Где-то в середине дня во мне проснулось вполне естественное для больного желание съесть что-нибудь этакое, что не входило в наш обычный рацион. Передо мной предстало обольстительное видение кухни моей матушки, и я спросил:

– Джед, а ты умеешь печь блинчики?

Джед отложил в сторону свой шестизарядный кольт, которым как раз собирался отбить бифштекс из задней части тощей антилопы, и молча встал надо мною. Вид его показался мне угрожающим. Это впечатление еще усилилось, когда он подозрительно прищурился и холодно взглянул на меня своими светло-голубыми глазами.

– Слушай, парень, – проговорил он, постепенно закипая гневом. – Ты это всерьез или как? Тебе кто-то из гуртовщиков рассказал про тот самый подвох с блинчиками?

– Да что ты, Джед, серьезнее не бывает! Я бы сейчас, пожалуй, променял свою лошадь вместе с седлом и уздечкой на горку поджаристых блинчиков. А разве была какая-то история с блинчиками?

Джед мигом смягчился, поняв, что в моих словах нет ни малейшего подвоха. Он приволок из фургона какие-то мешочки, миски и жестяные баночки и сложил все в тени куста, под которым я валялся. Я пристально следил за тем, как он начал не спеша расставлять их и развязывать шнурки и веревочки.

– Какая там история, – сказал Джед, не отрываясь от своего занятия, – просто маленькое логическое несоответствие между мной, одним красноглазым овцеводом с ранчо Шелудивого Осла и мисс Уилл Лирайт. Но я, пожалуй, расскажу тебе, как было дело.

Я пас тогда скот у старика Билла Туми в долине Сан-Мигуэль. И однажды мне жуть как захотелось пожевать чего-нибудь такого, что не

мычит, не блеет и не хрюкает. Вскидываю я, значит, на свою лошадку и скачу в лавку дядюшки Эмсли Тэлфера, что у Пимиентского брода через речку Нуэсес.

Часа в три пополудни я накинул поводья на коновязь и последние двадцать шагов до лавки дядюшки Эмсли одолел пешком. Вошел, навалился на прилавок и объявил ему, что, по всем приметам, урожаю фруктов прошлого года грозит гибель. Через минуту передо мной стояли мешок сухарей и по открытой банке абрикосов, персиков, ананасов, вишен и слив, а дядюшка Эмсли продолжал трудиться, вырубая одну за другой жестяные крышки. Я чувствовал себя, как Адам в раю до той безобразной истории с яблоком, и знай себе орудовал здоровенной ложкой, как вдруг случайно взглянул в окно.

Взгляд мой угодил во двор дома дядюшки Эмсли. Там стояла неизвестная девушка; она вертела в руках крокетный молоток и изучала мой метод поддержки американской консервной промышленности.

Я отвалился от прилавка и уставился на дядюшку Эмсли.

– Это моя племянница, – сказал он, – мисс Уилл Лирайт, приехала погостить из Палестины. Хочешь, представлю тебя ей?

«Прямоком из Святой земли!» – сказал я себе, и мои мысли сбились в кучу и перепутались.

– А как же, дядюшка Эмсли, – сказал я вслух. – Было бы жуть как приятно познакомиться с мисс Лирайт!

Тогда лавочник повел меня во двор и представил нас друг другу.

Я никогда не чувствовал робости с женщинами. До сих пор не могу понять, почему некоторые парни, способные в два счета объездить мустанга, вдруг делаются паралитиками, потеют и заикаются при виде куска ситца, обернутого вокруг того, для чего он предназначен. Через десять минут я и мисс Уилл дружно гоняли крокетные шары на площадке. Она подшучивала насчет количества загубленных мною фруктовых консервов, а я, не особо смущаясь, парировал тем, что одна дамочка по имени Ева устроила большие неприятности из-за фруктов.

В общем, я быстро расположил к себе мисс Уилл Лирайт, и чем дальше, тем наша симпатия становилась все глубже. Она проводила лето на Пимиентском броду ради поправления здоровья, и без того очень хорошего, и ради климата, который был здесь вполовину жарче, чем в той же Палестине.

Поначалу я наезжал сюда раз в неделю, а потом прикинул, что если удвою количество поездок, то и видеться с ней стану вдвое чаще. А однажды я выкроил время для третьей поездки. Вот тут-то в игру вступили



блинчики и красноглазый овцевод.

Сижу в тот вечер за прилавком с персиком и двумя сливами за щекой и интересуюсь у дядюшки Эмсли, что поделывает мисс Уилл.

– А она, – говорит лавочник, – поехала прокатиться с Джексоном Бердом, овцеводом из лощины Шелудивого Осла.

Я проглотил персиковую косточку и в придачу пару сливовых. Потом я вышел и двинулся строго по прямой, пока не уперся в коновязь, где стояла моя чалая.

– Она поехала кататься, – прошептал я в ухо своей малышке, – с Шелудивым Ослом из Овечьей лощины. Понимаешь, подружка с копытами, до чего дошло?

Моя чалая на свой манер прослезилась. Она была ковбойской лошастью, и любить овцеводов ей было не с чего.

Я вернулся к дядюшке Эмсли и спросил:

– Так, говоришь, с овцеводом?

– Говорю, – кивнул дядюшка Эмсли. – Ты, верно, слышал о Джексоне Берде. У него восемь пастбищ и четыре тысячи голов меринсов.

Я снова вышел, сел на песок и прислонился к кактусу. Сам не понимая, что делаю, я насыпал за голенища сапог песок и произносил монологи по поводу всяких там Джексонсов из породы Бердов.

За всю жизнь я не искалечил ни одного овцевода: не было надобности. Овцеводы были мне, в общем, безразличны, хотя других ковбоев они порой раздражали. С какой стати я стану связываться со всякими недоносками, которые едят за столом, носят штилеты и умеют болтать обо всякой всячине? Идешь, бывало, мимо, глянешь, как на кролика, а то и скажешь что-нибудь приятное или насчет погоды, а в остальном – будто их и нету вовсе. И нате вам: из-за того что я, по доброте душевной, позволял им благоденствовать, один из них разъезжает теперь с мисс Уилл Лирайт!

Примерно за час до заката они прискакали обратно и придержали коней у лавки дядюшки Эмсли. Овечий прислужник помог Уилл спешиться, и некоторое время они стояли, перебрасываясь хитро закрученными фразами. Потом окрыленный Джексон вспархивает в седло и направляется трусцой к своему бараньему ранчо. К этому времени я вытряхнул песок из сапог и отцепился от кактуса. Не успел он отъехать и полмили от брода, как я поравнялся с ним на моей чалой.

Я назвал этого овчара красноглазым, но это не совсем точно. Его зрительные приборы были вполне себе серенькими. Зато ресницы были ярко-красными, а сам он рыжим, оттого и казалось, что глаза у него красные.

– Хэй! – говорю я ему. – Вы сейчас имеете честь ехать рядом с ковбоем, которого прозвали Джедсон Верная Смерть. Я имею в виду, что когда я хочу представиться незнакомому человеку, то делаю это до выстрела, потому что терпеть не могу обмениваться рукопожатиями с покойниками.

– Да что вы говорите! – отвечает он вполне спокойно. – Рад знакомству, мистер Джедсон. Я Джексон Берд с ранчо Шелудивого Осла. Две минуты назад я одним глазом заметил куропатку на холме с молодым тарантулом в клюве, а другим – ястреба на сухом суку вяза. И хлопнул их ради забавы из своего сорокапятикалиберного.

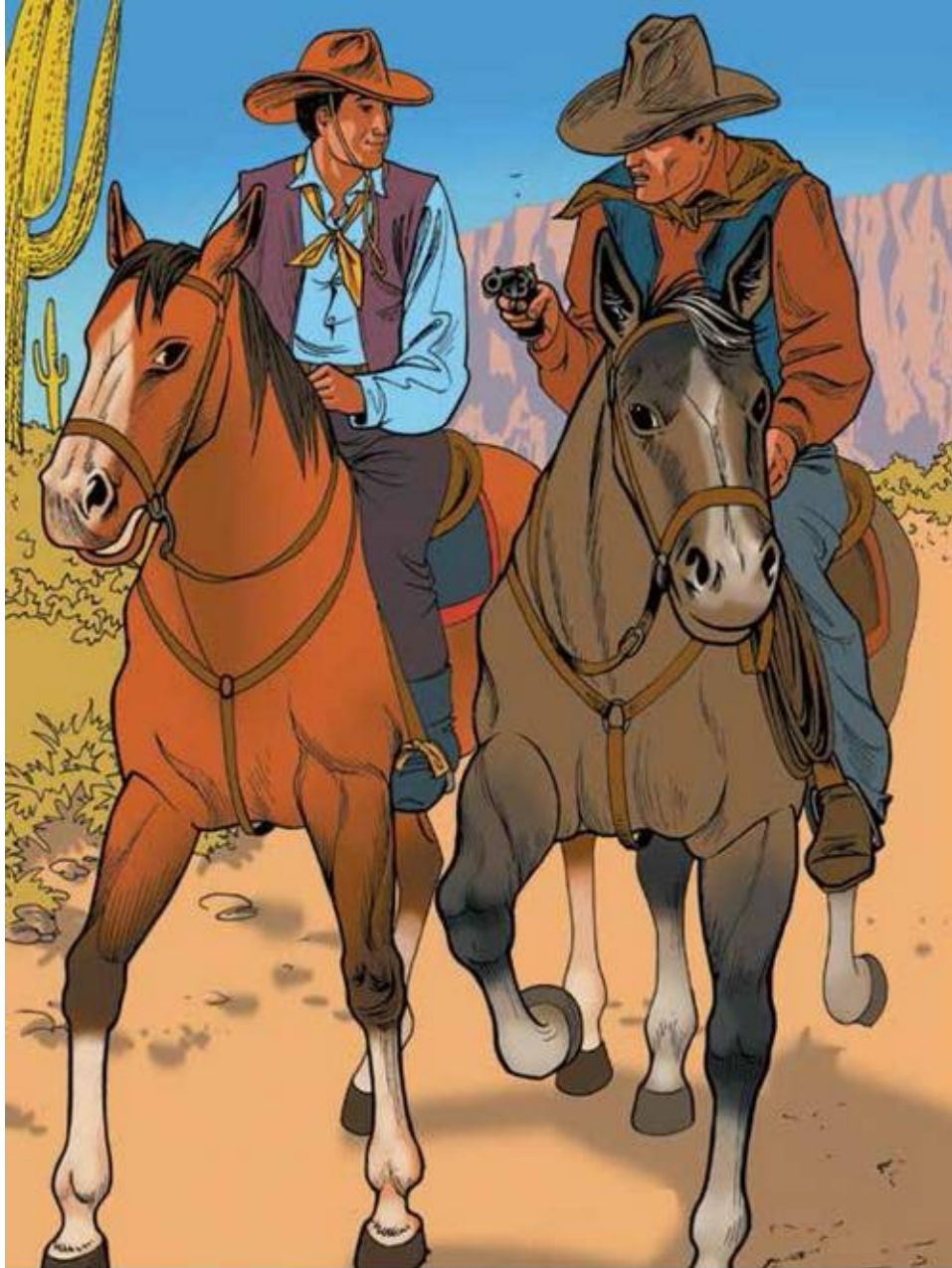
– Ага, – говорю я. – Птицы, должен сказать, так и нанизываются на мои пули.

– Недурная стрельба, – говорит овечий угодник, не моргнув. – Славный дождик выпал на той неделе, мистер Джедсон, теперь трава так и пойдет.

– Воробышек, – говорю я, притирая вплотную свою чалую к его лошади, – ваши подслеповатые родители назвали вас Джексонном, но вы определенно выродились во что-то чирикающее. Покончим с анализом климата и поговорим о вещах, которые не включены в словарь певчих пташек. Вы тут завели дурную манеру кататься с юными мисс из Пимиенты. Я знавал пернатых, – говорю, – которых жарили на вертеле за куда меньшие проступки. Мисс Уилл не нуждается в гнездышке из мериносовой шерсти, свитом пичужкой из породы овчаров. Так что мой вам совет – кончайте эти забавы, если не желаете поучаствовать, по меньшей мере, в одной похоронной процессии.

Джексон Берд слегка покраснел, а потом рассмеялся:

– Ох, мистер Джедсон, вы ошибаетесь. Я заглядывал несколько раз к мисс Лирайт, но вовсе не с той целью, какая у вас на уме. Мои намерения чисто гастрономические.



*Я схватился за револьвер.  
— Каждый койот, который позволит себе без почтения...  
(Пиментские блинчики)*

Я схватился за револьвер.  
— Каждый койот, — говорю, — который позволит себе без почтения...  
— Минутку, — лопочет эта пташка, — позвольте же объяснить! Зачем мне жена? Видели бы вы мое ранчо. Я сам себе готовлю, сам штопаю носки и

глажу простыни. Единственное удовольствие, которое я извлекаю из разведения овец, – еда. Мистер Джедсон, доводилось ли вам когда-либо пробовать блинчики, которые готовит мисс Лирайт?

– Мне? Нет, – говорю, – я и не знал, что она занимается такими вещами.

– Я бы отдал год жизни – да что там – два! – за рецепт ее блинчиков, – говорит он. – Вот за ним я и ездил к мисс Лирайт, но ничего не вышло. Мне не удалось его узнать. Этот старинный рецепт передается в их семье от поколения к поколению вот уже семьдесят пять лет и не подлежит разглашению.

– Вы и впрямь уверены, – говорю, – что гоняетесь вовсе не за ручкой, которая месит тесто для этих блинчиков?

– На все сто, – говорит Джексон. – Мисс Лирайт – очаровательная девушка, но, еще раз повторяю, мои намерения сводятся исключительно к гастро... – Тут он заметил, что моя рука сама тянется к кобуре, и поправился: – Исключительно к стремлению раздобыть этот рецепт...

– Не такой уж вы плохой парень, как кажется, – говорю я, стараясь держаться вежливо. – Я уж было решил оставить ваших мериносов сиротами, но, пожалуй, все-таки позволю вам улететь. Но запомните: держитесь исключительно блинчиков и не вздумайте смешивать подливку с другого рода чувствами, иначе у вас на ранчо зазвучит пение, которого вы не услышите.

– Чтобы окончательно убедить вас в искренности своих намерений, – говорит этот овчар, – я попрошу вас помочь мне в моем деле. Мисс Лирайт, насколько я знаю, ваш большой друг. Если вы добудете мне этот рецепт, клянусь – я к ней никогда и на полмили больше не подъеду.

– Вот это по-нашему, – сказал я, протягивая руку Джексону Берду. – Буду рад помочь.

Тут он свернул к большой заросли кактусов и двинулся в направлении своего Шелудивого Осла, а я взял курс на северо-запад, к ранчо старика Билла Туми.

Только через пять дней мне удалось снова попасть на Пимиентский брод. Мы с мисс Уилл славно провели вечерок у дядюшки Эмсли. Она кое-что спела, изрядно помучила пианино, а я изображал гремучую змею и рассказывал о новом способе снимать шкуры с коров, изобретенном Снэки Мак-Фи. Наше взаимное расположение росло час от часу.

Оставалось только окончательно отделаться от Джексона Берда, и дело в шляпе. И вдруг я вспоминаю его слова насчет блинчиков и решаю выведать их рецепт у мисс Уилл, чтобы сообщить ему. Где-то в половине

десятого я изображаю на физиономии сладчайшую улыбку и говорю мисс Уилл:

– А знаете, ежели мне что и по душе больше, чем вид рыжего быка на весенней траве, так это вкус горячего блинчика с паточной подливкой.

Мисс Уилл как бы слегка подпрыгнула на фортепианной табуретке и подозрительно на меня покосилась.

– Да-да, – говорит она, – это действительно недурно. Как вы сказали, называется эта улица в Сент-Луисе, где вы потеряли шляпу?

– Блинчик-стрит, – говорю я, слегка подмигнув, чтобы дать понять – мол, мне все известно о вашем фамильном рецепте и меня вокруг пальца не обвести. – Чего уж там, мисс Уилл, выкладывайте, как вы их делаете. Они прямо вертятся у меня в голове, как колеса от фургона. Что у нас там в списке ингредиентов?

– Извините, я на секунду, – говорит мисс Уилл, снова окидывает меня косым взглядом, спрыгивает с табуретки и рысью мчится в другую комнату. Оттуда вскоре выходит дядюшка Эмсли в одной жилетке и с кувшином холодной воды. Он поворачивается, чтобы взять стакан, и я засекаю, что у него в заднем кармане шестизарядный «Смит и Вессон».

«Ну и дела! – наспех соображаю я. – Эта семейка, видать, помешана на своих кулинарных рецептах, ежели готова защищать их с оружием».

– Выпей-ка, Джед, – говорит дядюшка Эмсли, протягивая мне стакан с водой. – Ты, видно, сегодня целый день в седле, и все на солнце. Попробуй думать о чем-нибудь другом.

– Тебе-то хоть известно, как печь блинчики, дядюшка Эмсли? – спрашиваю.

– Ну, я не ахти какой знаток их анатомии, – говорит Эмсли, – но, думаю, надо взять пару сковородок, чуток сахару, соли, соды и кукурузной муки и смешать все это с яйцами и сывороткой. А что, Джед, старый Билл опять надумал по весне гнать гурты в Канзас-Сити?

Вот и все, что мне удалось узнать в тот вечер. Нечего удивляться, что Джексон Берд обломался на этом деле. Словом, бросил я эту тему и малость потолковал с дядюшкой Эмсли о скоте и прошлогодних циклонах. А потом вошла мисс Уилл и сказала: «Доброй ночи», после чего я сломя голову помчался к себе на ранчо.

Где-то через неделю встречаю я Джексона Берда: он уезжает от дядюшки Эмсли, а я направляюсь туда. Мы остановились на дороге и перекинулись парой пустяковых фраз.

– Что, так и не добыли список запасных частей для ваших румянчиков? – интересуюсь я.

– Какое там! – отвечает Джексон. – А вы не пытались?

– Пытался, – говорю, – да это все равно, что выманить сурка из норы пустой ореховой скорлупой. Этот их рецепт – какая-то святыня, судя по тому, как они все за него цепляются.

– Я уже почти готов отступить, – произносит Джексон с таким отчаянием, что я его поневоле пожалел. – Но уж больно хочется все-таки выведать, как их печь. Не сплю по ночам, все вспоминаю, какие они восхитительные.

– Держитесь своей линии, – говорю ему, – и я тоже поднажму. В конце концов кто-нибудь из нас двоих да заарканит этот рецепт. Ну, удачи, Джекси.

Сам видишь, в ту пору мы с ним были чуть ли не в приятельских отношениях. Убедившись, что он не гоняется за мисс Уилл, я с ангельским терпением созерцал усилия этого рыжего недоноска и сам время от времени пытался выманить заветный рецепт. Но стоило мне только произнести «блинчики», как ее глаза затуманивались, в движениях появлялось беспокойство и она старалась как можно быстрее сменить тему. Если же я настаивал, мисс Уилл выскальзывала из комнаты и высылала ко мне дядюшку с кувшином воды и карманной гаубицей.

Однажды я прискакал к лавочке Эмсли со здоровенным букетом голубой вербены.

Дядюшка Эмсли посмотрел на букет, прищурился и говорит:

– Не слыхал новость?

– Скот вздорожал?

– Наша Уилл и Джексон Берд не далее как вчера повенчались в Палестине, – говорит он. – Сегодня утром я получил письмо.

Я уронил букет в бочонок с сухарями и подождал, усваивая новость. Но потом все-таки говорю:

– Не можешь ли ты, дядюшка, повторить еще раз. Может, слух меня подвел...

– Повенчались вчера, – говорит дядюшка Эмсли, – в том самом местечке Палестина, что в семидесяти милях отсюда, где живут родители Уилл, и отправились в свадебное путешествие в Вако и на Ниагарский водопад. Да неужто ты все время ничего не замечал? Джексон Берд ухлестывал за Уилл с того самого дня, как в первый раз пригласил ее прокатиться.

– С того дня! – взревел я. – Какого же дьявола он плел мне тут про блинчики? Объясни ты мне ради всего святого...

Как только я произнес «блинчики», дядюшка Эмсли отскочил от меня

и стал пятиться.

– Чудится мне, что кто-то меня облапошил с этими блинчиками, – говорю, – и я дознаюсь, кто. Тебе-то, поди, все известно. Выкладывай, дядюшка, или я, не сходя с этого места, наделаю из тебя оладий.

Я перемахнул через прилавок, Эмсли схватился за кобуру, но его пулемет лежал в ящике под кассой и он не дотянулся всего на пару дюймов. Я сгрэб ворот его рубашки и затолкал в угол.

– Рассказывай, – рычу, – мисс Уилл пекла когда-нибудь блинчики?

– В жизни ни единого, – клянется дядюшка Эмсли. – Да ты успокойся, Джед, остынь. Ты малость разволновался, и эта рана в голове, она мутит твой рассудок... Постарайся вообще о блинчиках не думать.

– Дядюшка Эмсли, – говорю, – нет у меня никакой раны в голове, но я, видно, и впрямь подрастерял умственные способности. Джексон Берд сказал мне, что навещает мисс Уилл только с одной целью – выведать ее рецепт приготовления блинчиков, и просил меня помочь его раздобыть. Я помог, результат налицо. Что он сотворил, этот красноглазый овечий угодник?

– Отпустил бы ты мой воротник, – говорит дядюшка Эмсли, – а я тебе расскажу, что да как. Правду говоря, смахивает на то, что Джексон малость тебя одурачил. На следующий день после прогулки с Уилл он снова явился и предупредил нас, чтоб мы тебя остерегались, если ты вдруг заведешь речь о блинчиках. Ему, дескать, стало известно, что однажды у вас в лагере пекли блинчики и кто-то из ребят саданул тебя сковородой по башке. И с тех пор, стоит тебе разгорячиться или занервничать, ты делаешься вроде как не в себе и начинаешь бредить блинчиками. Он сказал, что главное в такие минуты – отвлечь твои мысли и успокоить тебя, а так ты не очень опасен. Ну вот, мы с Уилл и старались как могли.

Рассказывая, Джед ловко и без спешки смешивал соответствующие компоненты из своих мешочков и баночек. А под конец поставил передо мной готовый шедевр – пяток румяных и пышных блинчиков на оловянной тарелке. Из другого секретного хранилища он извлек к ним кусок сливочного масла и бутылку золотистого кленового сиропа.

– А давно дело было? – спросил я.

– Да уж три года минуло, – сказал Джед. – Парочка свила гнездышко на ранчо Шелудивого Осла. Но с тех пор я их не видел. Ходят слухи, что пока Джексон морочил мне голову блинчиками, все это время он втихомолку оснащал свою ферму всякими там комодами да шторами. В общем, я посокрушался да и плюнул. Но парни до сих пор надо мной подсмеиваются.

– А эти блинчики ты готовил по тому самому рецепту? – спросил я.

– Я же тебе говорю: никакого рецепта не было, – сказал Джед. – Парни все бубнили про блинчики, пока сами на них не свихнулись, и я вырезал этот рецепт из здешней газетенки. Как оно тебе?

– Божественно, – ответил я. – Ты чего сам не пробуешь, Джед?

Мне показалось, что я ослышался, но это, несомненно, был вздох.

– Кто, я? – погодя, переспросил Джед. – Я их с тех пор на дух не переносу.



## Принцесса и пума

Как и во всякой порядочной сказочке, здесь не обойдется без короля и королевы.

Король был жутким стариком; он вечно таскал при себе шестизарядные кольты, гремел шпорами и орал таким голосом, что гремучие змеи с перепугу ныряли в свои норы у корней кактусов. До коронации его звали запросто – Бен-шептун. Ну а когда он обзавелся пятьюдесятью тысячами акров<sup>[37]</sup> пастбищ и таким количеством скота, что окончательно потерял ему счет, его стали звать мистер О’Доннел, король скотопромышленников.

Королева была скромной мексиканкой из Ларедо. Из нее вышла добрая, терпеливая и кроткая жена. Ей даже удалось заставить Бена настолько умерять голос дома, что от его звука не лопались стаканы и тарелки. Когда ее супруг окончательно утвердился на троне, она полюбила сидеть на галерее ранчо Эспиноза и не спеша плести тростниковые циновки. Когда же богатство сделалось настолько чудовищным, что из Сан-Антонио в фургонах были доставлены мягкие кресла и круглый стол, она склонила темноволосую голову и окончательно смирилась со всем, что ей уготовила судьба.

Вот так выглядели король и королева. Но на самом деле они не играют никакой роли в этом рассказе, который следовало бы назвать «Повесть о том, как принцесса не растерялась и как мексиканский лев сваял дурака».

Принцессой была дочь королевской четы Хусефа О’Доннел. От матери она унаследовала мягкое сердце и смуглую красоту, от Бена О’Доннела – изрядный запас бесстрашия, здравый смысл и способность повелевать людьми. Стоило приехать из дальних краев, чтобы полюбоваться на такое сочетание достоинств.

Хусефа могла на полном скаку всадить пять из шести пуль в жестянку из-под консервов, вращающуюся на конце веревки, и в то же время часами возилась со своим белым котенком, наряжая его в самые дурацкие костюмы. Презирала перья, карандаши и бумагу, но могла в секунду подсчитать в уме, сколько барыша принесут тысяча пятьсот сорок семь бычков-двухлеток, если продать их по восемь с половиной долларов за голову.

Каждую милю ранчо Эспиноза Хусефа обследовала верхом на лошади. Все ковбои на этой территории обожали принцессу и были ее верными

вассалами. Когда же Рипли Дживенс, старший одной из ковбойских партий Эспинозы, увидел ее впервые, он тут же решил породниться с королевской семьей.

Наглая самонадеянность? Не соглашусь. В те времена на землях техасского округа Нуэсес человек был человеком. И титул короля скотопромышленников вовсе не означал, что в жилах его носителя течет голубая кровь. Подчас его случалось носить и тем, кто просто обладал выдающимися способностями по части кражи и угона скота.

Как-то раз Рипли Дживенс отправился верхом на ранчо «Два Вяза», чтобы разузнать насчет запропастившихся куда-то бычков-однолеток. Назад он выехал поздно, и солнце уже достигло горизонта, когда он оказался у брода Белой Лошади на реке Нуэсес. От переправы до его лагеря было добрых шестнадцать миль, до усадьбы ранчо Эспиноза – двенадцать. День выдался нелегкий, и Дживенс решил заночевать у переправы. Река в этом месте образует широкою заводь. Берега покрыты деревьями и кустарником, а в пятидесяти ярдах<sup>[38]</sup> от заводи находится поляна, заросшая густой травой. Тут тебе и корм для коня, и постель для ковбоя.

Дживенс привязал лошадь, после чего сел, прислонившись к дереву, и свернул самокрутку. Но тут из зарослей, обрамлявших реку, внезапно донесся раскатистый рык. Лошадь, почуяв опасность, зафыркала и заплясала на привязи. Дживенс, продолжая попыхивать табачком, на всякий случай провернул барабан шестизарядника на один щелчок. Здоровенная панцирная щука шумно плеснулась в заводи. Молодой кролик обскакал ближайший куст и уселся, поводя усами и с иронией поглядывая на ковбоя. Лошадь снова взялась щипать траву.

Осторожность не помешает, особенно когда на закате солнца мексиканский лев, как в Техасе называют пуму, распевает у водополя. Может статься и так, что его песня как раз о том, что телята и барашки в последнее время встречались редко и что он горит желанием познакомиться непосредственно с вами.

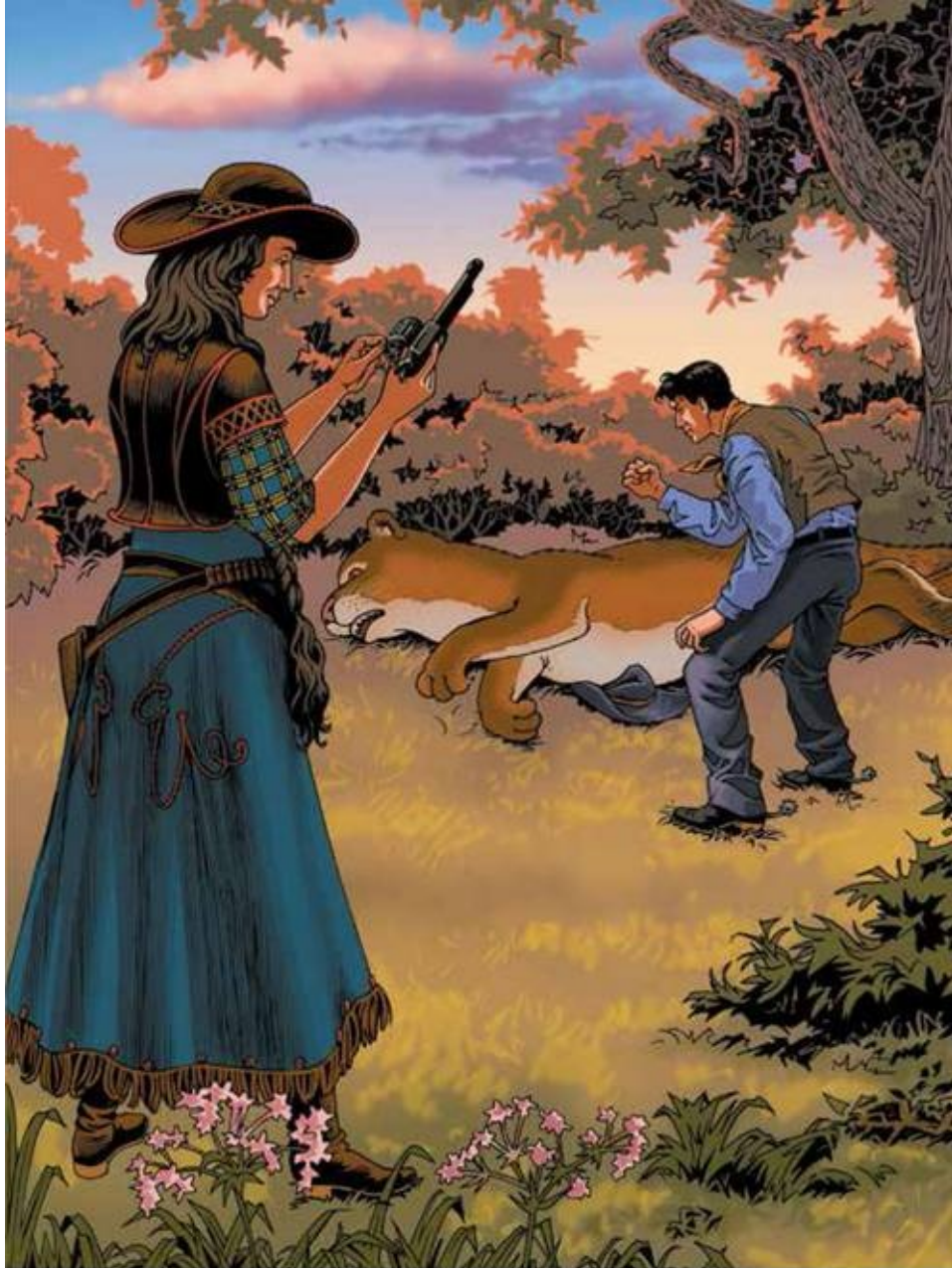
В гуще травы нашлась пустая жестянка из-под консервов, брошенная каким-то проезжим. При виде ее Дживенс даже крикнул от удовольствия. В кармане его куртки имелось немного молотого кофе. А кофе покрепче и табак – что еще нужно ковбою?

В две минуты Рипли развел небольшой костерок. Прихватил жестянку и направился к заводи. Но не доходя дюжины шагов до берега, заметил слева отличную лошадь под дамским седлом, неторопливо щипавшую траву. Над водой, склонившись, стояла Хусефа О’Доннел. А в десяти ярдах правее нее за густыми ветвями саквисты Дживенс разглядел мексиканского

льва. Его янтарные глаза сверкали голодным огнем; в шести футах от этих глаз подрагивал кончик хвоста, вытянутого, как у пойнтера в стойке. Зверь едва заметно покачивался на задних лапах – именно это делают все представители семейства кошачьих перед прыжком.

Револьвер Дживенса вместе с поясом валялся в траве, отсюда до него было добрых тридцать пять ярдов, поэтому он с хриплым воплем кинулся между львом и принцессой.

Схватка вышла короткая и довольно беспорядочная. Сойтись с хищником Рипли не удалось – еще до того он услышал пару негромких выстрелов и заметил в воздухе двойную дымную полосу. В следующую секунду туша мексиканского льва с огромной скоростью обрушилась ему на голову и повергла на землю. Ему запомнилось, что он заорал: «Эй, ты, так не по правилам!», а затем выполз из-под туши зверя, извиваясь, как червяк, с набитым травой и песком ртом и здоровенной шишкой на затылке, которым его угораздило хлопнуться о корень вяза. Лев лежал без движения. Раздосадованный вконец и еще не пришедший в себя, Рипли погрозил ему кулаком – и обернулся.



*Хусефа стояла все на том же месте, перезаряжая  
револьвер. На губах девушки играла насмешливая улыбка.  
(Принцесса и пума)*

Хусефа стояла все на том же месте, перезаряжая свой оправленный в серебро револьвер тридцать восьмого калибра. Особенно напрягаться на сей раз ей не потребовалось: голова зверя представляла собою куда более крупную мишень, чем жестянка на веревке. На губах девушки и в ее

бархатных глазах играла насмешливая улыбка.

Незадачливый спаситель едва не сгорел от такого конфуза. Ему представился случай, о котором он беспрестанно мечтал, но все закончилось нелепой комедией, вроде тех водевилей, что представляют на ярмарках.

– Это вы, мистер Дживенс? – проговорила Хусефа своим медовым контральто. – Вы едва не испортили мне выстрел своими воплями. Вы случайно не ушиблись, когда упали?

– О, нет, не беспокойтесь, – стараясь выглядеть невозмутимым, ответил Рипли.

Подавленный поражением, но не потерявший присутствия духа, он наклонился и вытащил из-под туши зверя свою превосходную в прошлом шляпу. Теперь и шляпа выглядела так, словно ее специально подготовили для комического номера. Затем он опустился на колени и нежно погладил свирепую, скалящуюся окровавленными клыками, голову мертвого мексиканского льва.

– Бедный Билл! – с глубокой горечью произнес Дживенс. – Такой печальный конец, старина!..

– Что вы говорите? – быстро спросила Хусефа.

– Вы, конечно, не могли знать, мисс Хусефа... – продолжал Дживенс с видом человека, в сердце которого великодушие борется с глубочайшим горем. – Нет, вы, конечно, не виноваты. Я, хоть и пытался спасти его, но не сумел вас предупредить.

– Что значит – спасти? Кого?

– Билла. Я весь день напролет искал его. Он уже второй год как стал общим любимцем в нашем лагере. Эх, бедолага! Он ведь и собачку не обидел бы... Парни просто рехнутся, когда узнают. Должно быть, он просто хотел поиграть с вами...

Черные глаза Хусефы упорно сверлили ковбоя, но Рипли с честью выдержал испытание. Он скорбно стоял, задумчиво ероша свои русые кудри. В глазах его была натуральная печаль, но ни капли упрека.

Хусефа дрогнула.

– Что же он тут делал, этот ваш любимец? – спросила она, пуская в ход свой последний козырь. – Ведь у брода Белой Лошади вообще нет никакого лагеря.

– Да этот разбойник еще вчера удрал, – не запнувшись ни на миг, ответил Дживенс. – Диву даюсь, как это еще койоты его до смерти не напугали. Видите ли, мисс, на прошлой неделе Джим Уэбстер, наш конюх, притащил в лагерь щенка терьера. Так этот щенок прямо всю жизнь Биллу

отравил: гонял по округе, часами грыз его хвост, отталкивал от миски. Дошло до того, что, когда ложились спать, Билл забивался под одеяло к кому-нибудь из парней, лишь бы подальше от терьера. Видать, тот довел-таки его до крайности, вот он и удрал.

Хусефа взглянула на тушу свирепого хищника. Рипли ласково похлопал его по передней лапе, одного удара которой было бы достаточно, чтобы свалить наземь годовалого бычка. На оливково-смуглом лице девушки выступил густой румянец. Взгляд ее смягчился, а густые, как опахала, ресницы на мгновение опустились. Исчезло насмешливое выражение.

– Мне жаль, – сказала она, – но он был очень большой и прыгнул так высоко, что я...

– Старина Билл просто проголодался, – перебил ее Дживенс, словно спеша заступиться за покойника. – Мы всегда заставляли его прыгать перед кормежкой. Чтобы получить лишний кусок мяса, он валился навзничь и начинал кататься, как котенок. Думаю, что, заметив вас, он решил, что вы дадите ему перекусить.

Внезапно глаза Хусефы широко распахнулись.

– Но ведь я же могла застрелить вас! – энергично воскликнула она. – Вы бросились как раз между мной и зверем. Вы рисковали жизнью, чтобы спасти своего любимца! Это замечательно, мистер Дживенс. Мне по душе люди, которые любят животных.

Да-да, сейчас в ее взгляде светилось самое настоящее восхищение! Из пепелища позора на глазах рождался герой. Рипли придал своему лицу выражение, которое, по его мнению, могло бы обеспечить ему самое высокое положение в Обществе защиты животных.

– Я всегда их любил, – скромно сообщил он. – Лошадей, собак, кошек, мексиканских львов, коров, овец, аллигаторов...

– Терпеть не могу аллигаторов! – мгновенно возразила Хусефа. – Вонючие, подлые твари!

– Я разве упоминал аллигаторов? – спохватился Дживенс. – Разумеется, я имел в виду антилоп.

Уязвленная совесть Хусефы толкнула ее еще дальше. С покаянным видом она протянула руку, в глазах ее заблестели слезинки.

– Прошу вас, простите меня, мистер Дживенс! Ведь я слабая женщина, и неудивительно, что я испугалась. Мне бесконечно жаль, что я погубила вашего Билла. Если бы я знала!..

Рипли принял протянутую руку и удерживал ее в своей, всячески изображая мучительную борьбу между великодушием и горечью скорби.

Наконец стало очевидно, что Хусефа прощена и оправдана.

– Прошу вас, даже не упоминайте об этом больше, мисс. Своим видом Билл мог напугать кого угодно. Уж как-нибудь я объясню это своим парням.

– Правда? И вы не станете меня презирать? – Хусефа доверчиво придвинулась поближе к Рипли. Глаза ее смотрели нежно и ласково, в них светилась пленительная мольба. – Я сама возненавидела бы всякого, кто посмел бы поднять руку на моего котенка. И как благородно с вашей стороны, что вы пытались спасти его, рискуя жизнью! На свете мало людей, которые отважились бы на такой поступок.

Тем временем сгустились сумерки. Разумеется, и помыслить было нельзя, чтобы мисс Хусефа отправилась в усадьбу без провожатого. Дживенс оседлал своего коня, несмотря на его открытое недовольство, и присоединился к девушке.

Так они и скакали рядом – принцесса и человек, чье сердце было полно любви к животным. Запахи влажной плодородной прерии и только что распустившихся цветов окутывали их благоуханными волнами. Вдали на холме затаивались койоты. Опасности никакой, и все-таки...

Хусефа подъехала ближе. Ее маленькая точеная ручка словно что-то искала в воздухе, и Рипли накрыл ее своей сильной рукой. Лошади пошли в ногу. Пальцы обеих рук – мужской и девичьей – переплелись, и девушка проговорила:

– Раньше я никогда ничего не боялась. Но все-таки по-настоящему страшно было встретиться с мексиканским львом, к тому же таким огромным! Бедный Билл... Я так рада, что вы решили проводить меня...

О’Доннел восседал на галерее, в темноте был виден только огонек его сигары.

– Хэлло, Рип! – гаркнул он. – Это ты?

– Он немного проводил меня, – сказала Хусефа. – Я сбилась с дороги в сумерках и немного запоздала.

– Весьма обязан, – рыкнул король скотопромышленников. – Заночуй здесь, Рип, а в лагерь отправляйся завтра с утра.

Дживенс, однако, не пожелал остаться. На рассвете нужно было отправить к покупателю гурт быков. Поэтому он вежливо распрощался и ускакал в лагерь.

Часом позже, когда в доме уже были погашены огни, Хусефа в одной ночной сорочке прошлепала босиком к двери своей комнаты и крикнула королю, чья спальня располагалась по другую сторону коридора:

– Слышишь, па! Помнишь того мексиканского льва, которого прозвали

Рваный Дьявол? Он насмерть задрал Гонсалеса, пастуха мистера Мартина и в придачу полсотни телят на ранчо Салада. Сегодня у брода Белой Лошади я свела с ним счеты. Этот негодяй прыгнул, а я всадила ему две пули в башку из моего тридцать восьмого. Я его сразу узнала по левому уху – старый Гонсалес, отбиваясь, изуродовал его своим мачете. Выстрел получился что надо, па, ты мог бы позавидовать!..

– Ты у меня настоящая молодчина! – сонно прогромыхал Бен из сумрака своей королевской опочивальни.



## Вождь краснокожих

Дельце, на первый взгляд, показалось нам выгодным... Но погодите, дайте-ка я все расскажу по порядку.

Мы с Биллом Дрисколлом в ту пору подвизались на Юге, в Алабаме. Там-то нас и осенила блестящая идея насчет похищения. Должно быть, как позже говаривал Билл, нашло на нас временное помрачение ума, – да только поняли мы это гораздо позже.

Есть там один городишко, плоский, как днище сковородки, и, конечно, называется он Вертис, то есть «Вершины». Живет в нем безобидная и всем на свете довольная деревенщина.

Капитала у нас с Биллом в то время было долларов шестьсот на двоих, а требовалось нам еще как минимум две тысячи для одной операции с земельными участками в Западном Иллинойсе. Вот мы и толковали об этом, сидя на крылечке гостиницы в Вертисе. Похищение с последующим выкупом, убеждал меня Билл, повернуть здесь куда проще, чем там, где регулярно выходят газеты, которые тут же поднимут вой и разошлют во все стороны переодетых репортеров. К тому же городишко не сможет выслать за нами вдогонку никого, кроме какого-нибудь помощника шерифа да пары соседей жертвы.

Выходило вроде бы недурно.

Жертвой мы выбрали единственного сына самого видного обитателя Вертиса. Звали его Эбенезер Дорсет. Это был человек почтенный и весьма прижимистый, скупавший просроченные закладные и ведавший воскресными церковными сборами. Мальчишке на вид можно было дать лет десять, лицо у него сплошь было усеяно веснушками, а волосы имели приблизительно такой же цвет, как обложки журналов в киосках на железнодорожных станциях. Мы с Биллом прикидывали, что Дорсет-старший, не раздумывая, выложит нам за свое чадо две тысячи, и на меньшее решили не соглашаться.

Милях в двух от городка находилась небольшая гора с пологими склонами, поросшими густым сосняком. В дальнем склоне этой горки имелась пещера. Там мы сложили запас провизии и приступили к осуществлению нашего плана.

Однажды вечером мы проехали в двуколке мимо дома старика Дорсета. Мальчишка шлепал на улице и пулял камнями в котенка, вскарабкавшегося на забор.

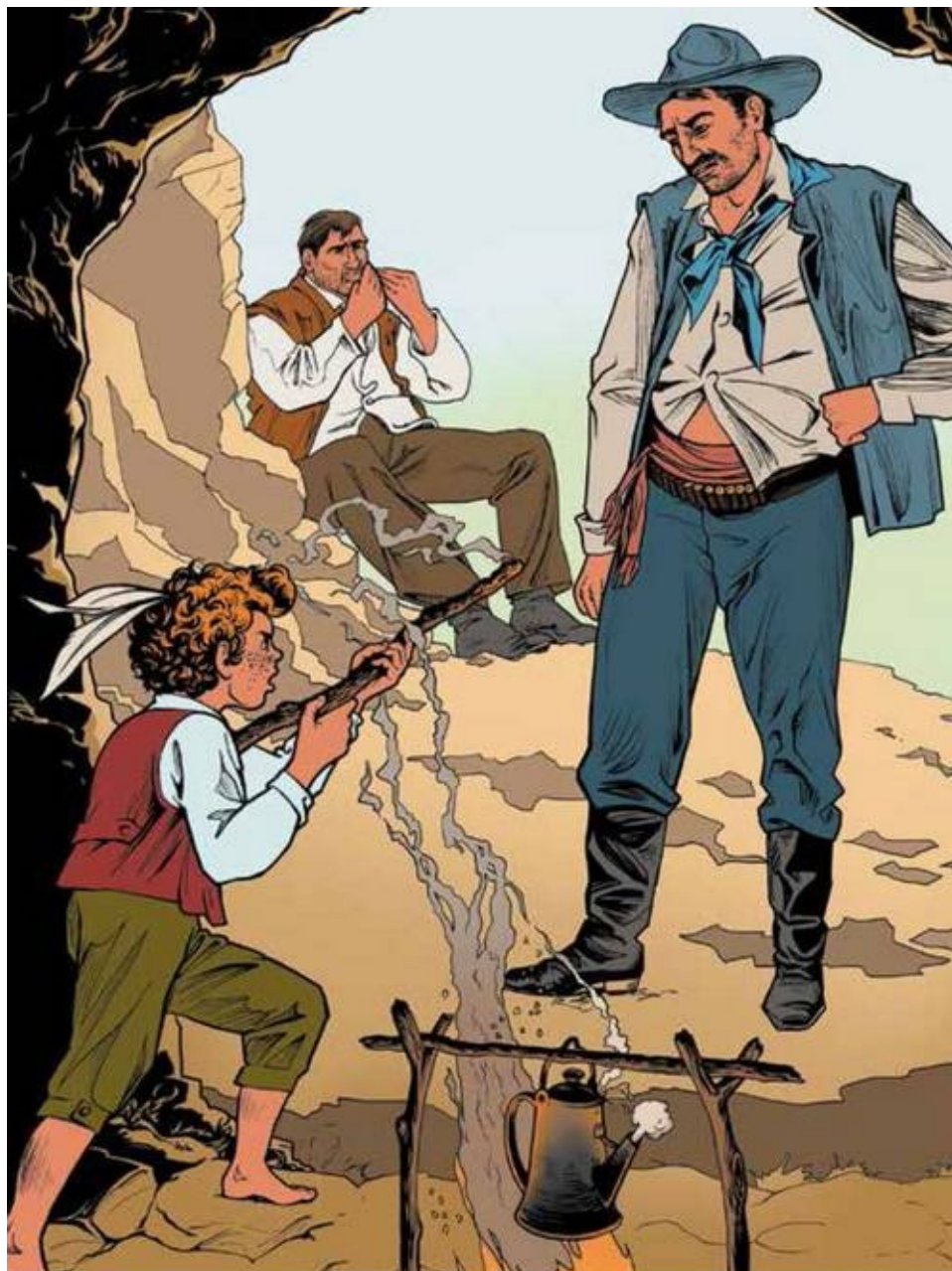
– Эй, парень! – окликнул его Билл. – Хочешь прокатиться и получить пакетик леденцов?

Мальчишка, не долго думая, зафигачил Биллу прямо в глаз обломком кирпича.

– Так, – сказал Билл, перелезая через борт повозки и держась за физиономию. – Это будет стоить старику лишних пятьсот долларов...

Парень, скажем прямо, дрался, как средних размеров гризли, но мы все-таки его скрутили и затолкали на дно повозки. Добравшись до места, мы отвели его в пещеру, а лошадь я привязал в сосняке. Как только стемнело, я отвез двуколку на ферму, где мы ее взяли напрокат, а оттуда вернулся пешком.

Гляжу: Билл заклеивает пластырем ссадины на своей физиономии. За скалой у входа в пещеру пылает костер, а наш парень с двумя ястребиными перьями в рыжих патлах не сводит глаз с закипающего кофейника.



*— Проклятый бледнолицый, как ты посмел явиться  
в лагерь вождя краснокожих по имени Гроза Прерий?  
(Вождь краснокожих)*

- Подхожу поближе, а он целится в меня палкой и говорит:
- Проклятый бледнолицый, как ты посмел явиться в лагерь вождя краснокожих по имени Гроза Прерий?
  - Мы с ним играем в индейцев, – говорит Билл, подтягивая штаны,

чтобы лучше разглядеть синяки на щиколотках. – Цирк по сравнению с нами – чисто виды Святой Земли в альбоме с картинками. Я, понимаешь, старый охотник Хэнк, пленник вождя, и поутру с меня сдерут скальп, а потом сожгут к чертям. Святые великомученики! И здоров же драться ногами этот парень!

Да, сэр, мальчишка резвился вовсю. Жить в пещере ему пришлось по вкусу, он и думать забыл, что и сам в заложниках. Меня он, недолго думая, нарек Змеиным Глазом и объявил, что, когда его лучшие воины вернутся из похода, я тоже буду изжарен на костре на восходе солнца. Когда же мы уселись ужинать, наш парень, набив рот хлебом с беконом, произнес застольную речь примерно такого содержания:

– Тут у вас классно! Я еще никогда не жил в лесу; зато у меня один раз был ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось целых девять лет... Ненавижу ходить в школу. А тут в лесу водятся настоящие индейцы?.. Хочу еще подливки... Ветер чего дует? Потому, что деревья качаются?.. У нас было пятеро щенят... Хэнк, что это нос у тебя такой красный?.. У моего папаши денег видимо-невидимо... А звезды горячие?.. В субботу я два раза подряд отлупил Эда Уокера... Не люблю девчонок!.. Почему апельсины круглые?.. А кровати у вас в пещере есть?.. Попугай умеет говорить, а рыбы нет... Дюжина – это сколько будет?..

Каждые пять минут парень вспоминал, что он индеец, и, схватив свою палку, которую он именовал ружьем, прокрадывался к выходу из пещеры – выслеживать лазутчиков проклятых бледнолицых. Время от времени он выпускал боевой клич, от которого старого охотника Хэнка бросало в дрожь. Да, сэр, бедолагу Билла этот мальчишка запугал до полусмерти с самого начала.

– Эй, – говорю ему, – Гроза Прерий, а домой тебе разве не хочется?

– А чего я там не видал? – отвечает он. – Мне в лесу нравится. Ты же не потащишь меня домой, Змеиный Глаз?

– Пока не потащу, – говорю я. – Мы еще малость поживем в пещере.

– Вот здорово! – говорит он. – В жизни мне еще не было так весело.

Спать мы улеглись незадолго до полуночи. Расстелили в пещере одеяла, уложили вождя краснокожих, а сами легли по обе стороны. Часа три кряду он не давал нам уснуть – то и дело вскакивал, хватаясь за свое ружье. При каждом треске ветки или шорохе листвы ему чудилось, что в пещере подкрадывается не то шайка разбойников, не то враждебное племя. Под конец я все-таки заснул тревожным сном, и мне привиделось, будто меня похитил и приковал к дереву дюжий рыжеволосый пират с деревянной ногой и ржавым тесаком.

Но долго нежиться мне не пришлось: на рассвете меня буквально вырвал из сна истошный визг Билла. Не крик, не вопль, не рев, какого следовало бы ожидать от голосовых связок взрослого мужчины, а совершенно непристойный, жуткий, унижительный, раздирающий барабанные перепонки визг. Так визжат женщины при виде призрака или волосатой гусеницы. Ужасно, скажу я вам, когда на ранней заре в пещере визжит упитанный, крепкий и, в общем-то, храбрый мужчина.

Я вскочил, чтобы взглянуть, что случилось. Гроза Прерий сидел на груди Билла, одной рукой вцепившись ему в волосы. В другой он держал остро отточенный ножик и деловито пытался содрать с Билла скальп, то есть самым недвусмысленным образом исполнял приговор, который сам же и вынес ему накануне вечером.

Я с трудом отнял у мальчишки нож и снова уложил его. Но с этой роковой минуты дух Билла окончательно надломился. Он растянулся на своем краю постели, однако за все то время, что парень оставался с нами, больше ни разу не сомкнул глаз. Я малость вздремнул, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что вождь краснокожих грозился изжарить меня на костре именно в это время. Не сказать, что я сильно нервничал, но все-таки выбрался из пещеры, набил трубку, прикурил от еще тлевшего уголька и прислонился спиной к скале.

– Ты чего вздернулся в такую рань, Сэм? – спрашивает Билл.

– Я? Да что-то плечо разнылось. Думаю, может полегче станет, если посидеть.

– Врешь, – говорит Билл. – Ты просто боишься. Он обещал сжечь тебя на рассвете, и ты думаешь, что так он и сделает. И сжег бы, если б сообразил, куда я спрятал спички. Слушай, Сэм, ведь это ужас. Ты в самом деле уверен, что кто-нибудь заплатит хотя бы четвертак за то, чтобы это исчадие вернулось домой?

– Уверен, – говорю я. – Как раз таких и боготворят папаши с мамашами. А теперь вы с грозой Прерий вставайте и принимайтесь за готовку, а я поднимусь на гору и осмотрюсь как следует.

Я поднялся на вершину нашей горки и окинул взглядом окрестности. В той стороне, где находился городок, я ожидал увидеть толпу фермеров с косами и вилами, обшаривающих каждый куст в поисках коварных похитителей. Вместо этого передо мной предстал совершенно мирный пейзаж. Никто не шлялся с баграми вдоль реки; не скакали взад-вперед всадники, неся погруженным в скорбь родителям неутешительные вести. Сонным покоем веяло от всей той части штата Алабама, которая простиралась передо мной.

– Может, – сказал я себе в утешение, – еще и не обнаружили, что ягненочек пропал из загона. Боже, помоги волкам!

Затем я спустился с вершины – пора было завтракать.

Подхожу к пещере и вижу: Билл стоит, прижавшись к скале, и едва дышит, а мальчишка собирается врезать ему камнем чуть не с кокосовый орех величиной.

– Он сунул мне за шиворот печеную, с пылу, картошку, – объясняет Билл, – и раздавил ее в придачу, а я ему надрал уши. Ружье при тебе, Сэм?

Я отнял у вождя камень и кое-как умиротворил обоих.

– Но ты берегись! – говорит мальчишка Биллу. – Еще ни один человек не драл уши Грозе Прерий, не поплатившись за это.

После завтрака парень достает из кармана какой-то кусок кожи, обмотанный бечевкой, и выходит из пещеры, разматывая бечевку на ходу.

– Что это он задумал? – обеспокоенно спрашивает Билл. – Как думаешь, Сэм, он не убежит?

– На этот счет можешь не беспокоиться, – говорю я. – Домоседом его не назовешь. Но нам уже пора подсуетиться насчет выкупа. Правда, пока еще не видно, чтобы в городе особенно встревожились из-за того, что мальчишка исчез. В любом случае, сегодня его должны хватиться. К вечеру мы отправим его отцу письмо и потребуем свои две тысячи.

И тут прогремел боевой клич. Та штука, которую Гроза Прерий вытащил из кармана, оказалась пращой, и теперь он со свистом крутил ее над головой. Я успел увернуться и услышал позади себя глухой удар и что-то похожее на вздох лошади, когда с нее в конце длинного перегона снимают седло. Камень величиной с яйцо угодил Биллу в голову как раз за левым ухом. Ноги у моего приятеля подкосились, и он рухнул головой в костер, опрокинув при этом кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из золы и добрых полчаса отливал холодной водой.

Мало-помалу Билл пришел в себя, сел, пощупал за ухом, где вздулась шишка величиной с грейпфрут, и говорит:

– Сэм, а знаешь, кто у меня любимый персонаж в Библии? Царь Ирод.

– Ты не нервничай, – говорю я. – Скоро будешь в порядке.

– Но ты ведь не уйдешь, Сэм? – робко спрашивает он. – Не бросишь тут меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал вождя и встряхнул его так, что с него чуть веснушки не посыпались.

– Если не будешь вести себя как следует, – говорю, – я тебя в два счета отправлю домой.

– Да я же только пошутил, – говорит парень, надувшись. – Я не хотел

обидеть старину Хэнка. А потом – зачем он меня ударил? Я буду вести себя прилично, Змеиный Глаз, только ты домой меня не отсылай и позволь сегодня поиграть в рейнджеров.

– Я в эту игру никогда не играл, – говорю. – Это уж вы с мистером Биллом решайте. Я сейчас уйду ненадолго по делу. А ты ступай, помирись с ним да попроси прощения по-человечески.

В общем, заставил я их пожать друг другу руки, потом отвел Билла в сторонку и сообщил, что отправляюсь в деревушку Поплар Гроув, что в трех милях от пещеры, – попробую узнать, какие слухи из города насчет пропажи мальчика. Кроме того, пора отправить Дорсету-старшему письмо с требованием выкупа и пояснениями, каким образом он должен его нам доставить.

– Знаешь, Сэм, – говорит Билл, – я всегда был готов за тебя хоть в огонь, хоть в воду. Я и глазом не моргну во время землетрясения, мошеннической игры в покер, взрыва ста фунтов динамита, полицейской облавы или урагана. Я ничего на свете не боялся, пока мы не похитили этого предводителя ирокезов. Но он меня добил. Не оставляй меня с ним надолго, ладно?

– Я вернусь к закату, – говорю я. – Твое дело развлекать ребенка. А сейчас давай сочиним писульку его папаше.

Мы с Биллом принялись составлять письмо, а Гроза Прерий расхаживал взад-вперед, завернувшись в одеяло, и охранял вход в пещеру. Билл едва не со слезами на глазах умолял меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

– Я вовсе не пытаюсь таким образом подорвать веру в родительскую любовь, – пояснил он свою позицию. – Это было бы просто аморально. Но ведь мы имеем дело с живыми людьми, а какой человек найдет в себе силы заплатить целых две тысячи за этого конопатого оцелота! Пусть будет полторы тысячи долларов. Разницу, если угодно, можешь компенсировать на мой счет.

Я не стал спорить, и мы с Биллом написали примерно следующее:

*Эбenezеру Дорсету, эсквайру*

*Мы спрятали Вашего мальчика в надежном месте вдали от города. Не только Вы, но и самые опытные сыщики напрасно потратят силы, пытаясь его найти. Наши окончательные и не обсуждаемые условия: Вы можете получить его обратно живым и невредимым за полторы тысячи долларов. Деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и*

*в той же коробке, что и Ваш ответ. Где конкретно, будет сказано ниже. Если Вы согласны с нашими условиями, ответьте письмом. Оно должно быть доставлено одним (не более) посыльным к половине девятого в указанное здесь место. За бродом через Оул-крик на дороге к Поплар Гроув растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, они расположены у изгороди, что тянется мимо пшеничного поля. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, Ваш посланец найдет небольшую картонную коробку.*

*Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город. Если Вы попытаетесь обратиться в полицию или не выполните наших требований в точности, то никогда больше не увидите Вашего сына.*

*Если Вы уплатите указанную сумму, ребенок будет возвращен в течение трех часов. Если наши условия не будут приняты, всякие дальнейшие переговоры исключаются.*

### *Два злодея*

На конверте я надписал адрес Дорсета и сунул письмо в карман. Когда я уже собрался уходить, парень подкатывается ко мне и говорит:

– Змеиный Глаз, ты говорил, что я могу поиграть в рейнджеров, пока тебя не будет.

– Играй, о чем речь, – говорю. – И мистер Билл тебе компанию составит. А что это за игра такая?

– Я рейнджер, – говорит Вождь Краснокожих, – и должен скакать в форт, предупредить поселенцев, что приближаются индейцы. Мне уже надоело быть вождем краснокожих. Я хочу быть рейнджером.

– Ладно, – говорю я. – По-моему, игра вполне безобидная. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых гуронов.

– А что мне делать? – спрашивает Билл и с подозрением косится на парня.

– Ты будешь мой конь, – говорит рейнджер. – Как же я доскачу до заставы без коня? Так что давай, становись на четвереньки.

– Потерпи, Билл, – говорю я, – пока наш план не сработает. Разомнись тут слегка.

Билл становится на все четыре, а в глазах у него такое выражение, как у кролика, угодившего в силочку.

– Далеко ли до заставы, парень? – хрипло спрашивает он.



– Девяносто миль, – отвечает рейнджер. – И нам придется поторопиться, чтобы успеть вовремя. А ну, пошел!..

Парень с разбегу вскакивает Биллу на спину и ну колотить пятками по его бокам!

– Ради всего святого, – обморочным голосом говорит Билл, – возвращайся, Сэм, поскорее! Жаль только, что мы назначили полторы тысячи. Он и на тысячу-то не тянет... Эй, да брось ты меня лягать, а не то как вскочу да огрею чем придется!..

Я отправился в Поплар Гроув, посетил почту и лавку, поболтал с фермерами, которые заглядывали в лавку за покупками. Один бородатый увалень, как оказалось, слышал, будто весь город в панике из-за того, что у Эбenezера Дорсета то ли пропал, то ли похищен сынишка. Только это мне и требовалось. Я купил табаку, справился как бы невзначай, почему нынче соя, опустил письмо в ящик и был таков. Почтмейстер сказал, что через час мимо проедет почтальон и заберет письма, адресованные в город.

Когда я вернулся, ни Билла, ни нашего парня нигде не было. Я обшарил окрестности пещеры, пару раз негромко покричал, но никто не отозвался. Я закурил и присел под сосной в ожидании развития событий.

Примерно через полчаса в кустах послышался треск и шелест, и на поляну под скалой выкатился Билл. За ним, бесшумно ступая, крался рейнджер, ухмыляясь при этом во всю ширину веснушчатой физиономии. Билл остановился, скинул шляпу и вытер мокрое лицо платком. Мальчишка застыл футах в десяти позади.

– Сэм, – едва ворочая языком, проговорил Билл, – можешь считать меня предателем, но у меня больше не было сил терпеть. Я взрослый человек, могу постоять за себя, однако бывают такие моменты, когда все идет прахом – и мужество, и самообладание. Наш парень ушел. Я отправил его домой. Все кончено, слава богу. Бывали мученики в старину, которые были скорее готовы принять смерть, чем расстаться с любимой идеей. Я не из их числа, но, пожалуй, ни один из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему делу, но силы мои закончились.

– Что же тут случилось, Билл? – спрашиваю я.

– Я промчался галопом все девяносто миль до форта, ни дюймою меньше, – отвечает Билл. – Потом, когда поселенцы были предупреждены, мне засыпали овса. Песок – паршивая замена овсу. А потом мне часа полтора пришлось объяснять, почему в дырках пусто, зачем дорога ведет в обе стороны и с какой стати трава зеленая. Еще раз говорю тебе, Сэм, – есть предел человеческому терпению. Хватаю паршивца за ворот и волоку

с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги у меня теперь в синяках, на руке парочка укусов, а большой палец кровит. Но зато его больше нет, – продолжает Билл, – отправился домой. Я показал ему дорогу в город. Черт с ним, с выкупом, потому что вопрос стоял так: либо мы с этим покончим, либо мне прямая дорога в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его округлая румяная физиономия выражает полное блаженство.

– Билл, – говорю, – у тебя в семье никто сердцем не хворал?

– Нет, – отвечает, – ничего такого, кроме малярии да несчастных случаев. А с чего это ты?

– Ну, тогда обернись, – говорю, – и глянь, что там у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит нашего парня и становится бледный, как снятое молоко. После чего плюхается на землю под скалой и начинает тупо рвать траву. Битый час я не был уверен, вернется ли к нему рассудок. Когда он все же начал приходить в себя, я сказал ему, что как по мне, так надо кончать это дело по-быстрому и что мы успеем получить деньги и смыться еще до полуночи, если старик Дорсет пойдет на наши условия. Билл немного приободрился и через силу улыбнулся мальчишке.

План, разработанный мною, чтобы получить выкуп без малейшего риска, был прост, как все гениальное. Думаю, его одобрил бы даже профессиональный похититель малолетних. Дерево, под которое должны были сначала положить ответ, а затем и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги тянулась изгородь, а по обе стороны от нее – просторные, голые в эту пору поля. Если бы того, кто явится за письмом к указанному в письме дереву, подстерегала шайка полисменов, они еще издали увидели бы его либо на дороге, либо в поле. Но не тут-то было: в половине девятого я уже сидел на этом самом дереве, укрывшись среди листвы, как здоровенная древесная лягушка. Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом ограды, засовывает в нее сложенную вчетверо бумажку и катит обратно в город.

Я выждал еще около часа, чтобы окончательно убедиться, что нет никакой ловушки. Затем слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался в тени изгороди до самого леса и спустя полчаса был в нашей пещере. Там я развернул записку, сел поближе к огню и прочитал ее Биллу:

*Двум злодеям*

*Джентльмены, с сегодняшней почтой поступило ваше письмо относительно выкупа, который вы требуете за то,*

*чтобы вернуть мне сына. Полагаю, что вы запросили лишнее, а потому делаю вам встречное предложение. Думаю, что вы его примете без особых колебаний. Вы приводите Джонни домой и выплачиваете мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь его у вас взять. Желательно сделать это ночью, а то соседи думают, что парень пропал без вести, и я не несу ответственности за то, что они сделают с человеком, который доставит Джонни домой.*

*С совершенным почтением – Эбенезер Дорсет*

– Силы небесные! – говорю я. – Такой наглости...

Но тут я глянул на Билла и умолк. В глазах его светилась такая мольба, какой я ни до, ни после этого не видел ни у животных, ни у людей.

– Сэм, – наконец заговорил он, – ведь что такое, в сущности, какие-то двести пятьдесят долларов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим вождем краснокожих, и меня придется поместить в палату для буйных умалишенных. Мало того, что мистер Дорсет истинный джентльмен, он еще и выдающийся благотворитель, раз делает нам столь бескорыстное предложение. Ведь ты, Сэм, не упустишь такой шанс, а?

– Сказать по правде, Билл, – говорю я, – парень что-то и мне стал действовать на нервы. Давай отвезем его к папаше, заплатим выкуп и только нас здесь и видели.

В ту же ночь мы доставили мальчишку домой. Мы наплели ему, что отец купил ему винчестер с серебряной насечкой и новехонькие мокасины, а завтра с утра мы всей компанией едем охотиться на медведя.

Ровно в полночь мы постучались в парадную дверь дома Эбенезера Дорсета. И в ту самую минуту, когда я, по идее, должен был извлекать полторы тысячи долларов из картонной коробки под забором, Билл отсчитывал двести пятьдесят полновесных долларов в протянутую ладонь мистера Дорсета.

Как только парень понял, что мы собираемся оставить его дома, он взвыл, как пароходная сирена, и впился в ногу Билла, как пиявка.

Отцу пришлось отдрать его оттуда, как липкий пластырь.

– Сколько вы сможете его так держать? – опасливо спросил Билл.

– Сила у меня уж не та, что раньше, – отвечает старина Дорсет, – но минут десять могу вам гарантировать.

– Этого хватит, – говорит Билл. – За десять минут я пересеку Южные штаты и весь Средний Запад и успею добежать до канадской границы.

И хотя ночь была безлунная, Билл толст и неуклюж, а я отличный бегун, нагнал я его только в полутора милях от городка.

## Формальный подход

Мне никогда не нравились вендетты<sup>[39]</sup>. По-моему, этот наш традиционный продукт переоценивают даже больше, чем грейпфруты, коктейль «Манхэттен» и медовый месяц для новобрачных. Однако я все же хотел бы рассказать об одной вендетте на индейской территории, в которой я играл роль хроникера и адъютанта, но только не участника.

Я гостил на ранчо Сэма Дорки и развлекался по полной – раз шесть падал с неоседланных лошадей и грозил кулаком волкам, которые находились в двух милях от меня. Сэм, твердый парень лет двадцати пяти, пользовался репутацией человека, который не боится возвращаться домой после захода солнца, однако я заметил, что проделывает он это без особой охоты.

Неподалеку, в Крик-Нейшн, обитало многочисленное семейство Тэтумов, и вскоре мне стало известно, что Дорки и Тэтумы пребывают в кровной вражде уже многие годы. Уже несколько представителей обеих сторон отдали богу душу не по своей воле, и следовало ожидать, что этим дело не ограничится. Тем более что в двух семьях подрастало молодое поколение.

При этом, насколько я понял, война велась по правилам, во всяком случае никто ни разу не причинил вреда ни женщинам, ни детям враждебного клана.

У Сэма Дорки имелась девушка. Звали ее Элла Бэйнс. Судя по всему, оба питали друг к другу безграничную любовь и доверие. Мисс Бэйнс была недурна собой, особенно ее красили густые каштановые волосы. Сэм представил меня ей, и я, присмотревшись, сделал вывод, что они и в самом деле созданы друг для друга.

Мисс Бэйнс жила в Кингфишере, в двадцати милях от ранчо. Сэм, само собой, жил в седле по дороге между Кингфишером и своими владениями.

Примерно в это же время в Кингфишере объявился деловитый молодой человек. Был он небольшого роста, с правильными чертами лица и гладкой, слегка смугловатой кожей. Пришелец с большим рвением принялся интересоваться городскими делами и наводит справки о горожанах. Он утверждал, что прибыл из Маскоги, и, судя по его желтым башмакам и вязаному галстуку, это было недалеко от истины. Я познакомился с ним, приехав в городок за почтой. Он назвался Беверли

Трэйверсом, но звучало это имя как-то не слишком убедительно.

На ранчо как раз стояло самое горячее времечко, и Сэм резко сократил частоту своих визитов в город. Мне, бесполезному и бестолковому гостю, ни черта не смыслившему в хозяйстве, вменили в обязанность снабжать ранчо всякой всячиной – открытками, мешками с мукой, дрожжами, табаком и письмами от Эллы.

И вот однажды, когда меня послали за шестью дюжинами пачек курительной бумаги и двумя шинами для фургона, я заметил на главной улице Кингфишера экипаж с желтыми колесами, а в нем этого самого Беверли Трэйверса, без зазрения совести катающего Эллу Бэйнс по городу. Я знал, что известие об этом не станет целительным бальзамом для Сэма, и по возвращении на ранчо, отчитываясь о городских новостях, не стал о нем упоминать. Но на следующий день из Кингфишера прискакал долговязый Симмонс, старый приятель Сэма, в прошлом ковбой, а ныне владелец склада упряжи и фуража.

Прежде чем открыть рот, он свернул и выкурил добрую дюжину самокруток. А когда наконец заговорил, слова Симмонса звучали буквально так:

– Держи в голове, Сэм, что в Кингфишере уже целых две недели портит пейзаж один сморчок, зовет он себя что-то вроде Выверни Трензель. Знаешь, кто это? Самый что ни на есть Бен Тэтум, сын старого Гофера Тэтума, которого твой дядя Ньют прикончил в феврале. И знаешь, что он натворил сегодня утром? Убил твоего брата Лестера – взял и просто застрелил во дворе суда.

Мне почудилось, что Сэм ничего из сказанного не расслышал. Он отломил веточку с куста, задумчиво пожевал, а потом проговорил:

– Значит, вот оно как? Убил Лестера?

– Его самого, – ответил Симмонс. – И вдобавок удрал с твоей девушкой, с этой самой Эллой Бэйнс. Я и подумал, что надо бы тебе знать об этом, вот и приехал.

– Очень признателен, Джим, – сказал Сэм, выплевывая изжеванную веточку. – Рад был с тобой повидаться.

– Тогда я, пожалуй, поеду. У меня на складе только мальчишка, дурак-дураком: сено с овсом путает... И еще: он выстрелил Лестера в спину.

– В спину?

– Да, когда тот привязывал лошадь.

– Спасибо, Джим. Выпьешь кофе на дорогу?

– Да нет, пожалуй. Мне на склад пора.

– Так ты говоришь, что...

– Да, Сэм. Весь город видел, как они уехали вместе, а к их тележке был приторочен большой узел, вроде как с одеждой. Запряжена той самой парой чалых, которую он привел из Маскоги. Их с ходу не догнать.

– А по какой...

– Покатили они по той дороге, что ведет в Гатри, а куда свернут, сам понимаешь, черт знает.

– Ладно, Джим, весьма обязан.

Симмонс свернул очередную самокрутку и пришпорил лошадь. Отъехав ярдов на двадцать, он придержал коня и крикнул:

– Тебе помощь не понадобится?

– Спасибо, сам управлюсь.

– Ну, я так и подумал. Тогда будь здоров.

Сэм вытащил карманный нож с рукоятью из оленьего рога, открыл и неторопливо счистил с левого сапога приставшую грязь. Я уж было решил, что он собирается поклясться на лезвии в вечном отмщении или, на худой конец, произнести грозное проклятие. Ведь те вендетты, о которых мне приходилось читать или видеть на сцене, начинались именно так. Но тут все было по-иному. В театре публика наверняка освистала бы Сэма и потребовала бы душераздирающую мелодраму.

– Любопытно, – вдумчиво проговорил Сэм, – остались у нас на кухне холодные бобы?

Он кликнул Уоша, чернокожего повара, и, выяснив, что бобы в наличии, приказал разогреть их и сварить кофе покрепче. Потом мы отправились в комнату Сэма. Он вынул из книжного шкафа три или четыре кольца и принялся осматривать их, рассеянно насвистывая. Затем приказал оседлать и привязать у дома двух лучших лошадей.

Ныне мне известно, что по всем Соединенным Штатам вендетты неуклонно подчиняются строгому правилу: в присутствии заинтересованного лица о вендетте не говорят, словно избегая самого этого слова. Позднее я выяснил, что существует еще одно неписаное правило – но его придерживаются исключительно в западных штатах.

До ужина оставалось еще часа два, но уже через двадцать минут мы с Сэмом основательно вникли в разогретенные бобы, горячий кофе и холодную говядину.

– Перед длинным перегоном следует закусить поплотнее, – заметил Сэм. – Ешь как следует.

У меня внезапно зародилось подозрение.

– Зачем ты велел оседлать двух лошадей? – спросил я.

– Один да один – два, – сказал Сэм. – Ты считать-то умеешь?

От такой математики у меня спина замерзла, но это послужило мне уроком. Сэму и в голову не пришло, что я способен оставить его в одиночестве на кровавой дороге мести и правосудия. Словом, я был обречен, поэтому положил себе еще порцию бобов.

Часом позже мы ровным галопом мчались на восток. Лошади Бена Тэтума, может, были и быстрее, и он существенно опередил нас, но, если бы до него донесся мерный стук копыт наших скакунов, вскормленных в самом сердце исконного края вендетт, он почувствовал бы, что возмездие неотвратимо приближается.

Я догадывался, что Бен Тэтум все поставил на скорость и внезапность, а значит, не остановится до тех пор, пока не окажется среди своих. И он, несомненно, понимал, что отныне его враг будет следовать за ним повсюду.

Мы догнали беглецов в Гатри. Измученные, голодные, как волки, в пыли с головы до ног, мы ввалились в тамошнюю гостиницу и уселись за столик. Они сидели в дальнем углу, жадно ели и временами опасно оглядывались. На девушке было шоколадного цвета шелковое платье с кружевным воротничком и плиссированной – так, по-моему, это называется, – юбкой. Лицо ее закрывала плотная коричневая вуаль, на голове была широкополая соломенная шляпа, украшенная пером цапли. Мужчина был в простом темном костюме, волосы коротко подстрижены, и в толпе никто не обратил бы на него никакого внимания.

За одним столом сидели убийца и женщина, которую он соблазнил и похитил, за другим – мы: законный, согласно местному обычаю, мститель и хроникер, автор этих строк.

И тут в моем сердце проснулась жажда крови. На мгновение я встал на сторону Сэма.

– Чего ты ждешь? – шепнул я ему. – Стреляй же!

Сэм только уныло вздохнул.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он. – А он в курсе. В здешних местах порядочные люди строго держатся правила: в присутствии женщины в мужчину не стреляют. Я ни разу не слышал, чтобы за последние сто лет кто-нибудь так поступил. Его надо поймать, когда он один или, на худой конец, в мужском обществе. И он это знает. Так вот, значит, каков этот Бен Тэтум, пронира и красавчик? Ну, ладно: я его заарканю раньше, чем они соберутся отсюда уезжать, и закрою ему все счета.

После ужина парочка мгновенно исчезла. И хотя Сэм до рассвета прошатался по лестницам и коридорам, каким-то загадочным образом беглецам удалось ускользнуть, и на следующее утро в гостинице не



оказалось ни дамы под вуалью, ни худощавого невысокого молодого человека, ни их экипажа, запряженного отличными лошадьми.

В целом история этой погони довольно монотонна, поэтому я буду краток. Мы нагнали их на дороге, а когда приблизились к их экипажу на пятьдесят ярдов, беглецы оглянулись и даже не стали торопить своих лошадей. Спешить теперь им было некуда. Бен Тэтум это знал, но знал он также, что спасти его жизнь, по крайней мере, сейчас, может только кодекс чести. Без сомнения, будь он один, все закончилось бы быстро и традиционным путем. Но присутствие женщины вынуждало врагов удерживать пальцы на спусковых крючках.

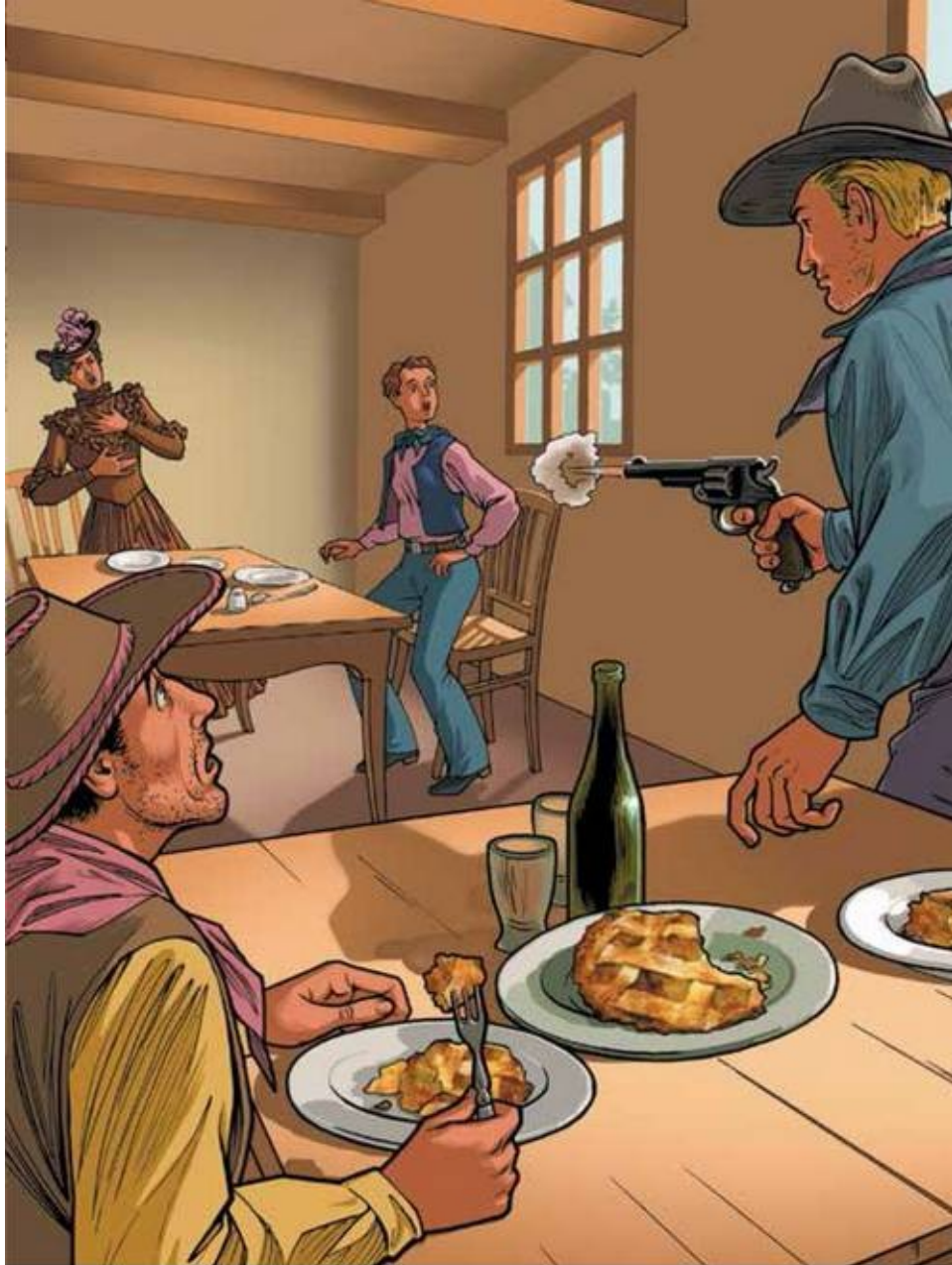
Как видите, женщина иногда препятствует столкновениям между мужчинами, а не вызывает их. Но не осознанно и не по доброй воле. Кодексов чести – в особенности, неписанных, для нее не существует.

Проехав пять миль, мы добрались до Чандлера, одного из типичных городков американского Запада. Лошади и у нас, и у них были голодны и измотаны. В Чандлере имелась только одна гостиница – мы все вновь встретились в столовой, куда нас призвал колокол таких размеров, что его звуки грозили расколоть небеса.

Помещение столовой оказалось еще меньше, чем в Гатри, и когда мы принялись за яблочный пирог, я заметил, что Сэм напряженно вглядывается в свою бывшую невесту, сидевшую в углу напротив. На девушке было все то же шоколадное платье с кружевным воротничком и манжетами; вуаль по-прежнему закрывала ее лицо. Мужчина низко склонялся над тарелкой – видна была только его стриженная макушка.

И тут я услышал, как Сэм бормочет вполголоса себе под нос:

– Есть правило, что нельзя убивать мужчину в присутствии женщины. Но, черт побери, ведь нигде и никем не сказано, что нельзя убить женщину в присутствии мужчины!



*Сэм выхватил кольт и всадил все шесть пуль  
в корсаж шоколадного платья.  
(Формальный подход)*

И, прежде чем я успел сообразить, к чему относится этот софизм, он выхватил кольт и всадил все шесть пуль в корсаж шоколадного платья с кружевным воротничком и плиссированной юбкой.

Уронив на руки голову, лишенную чудесных каштановых волос –

былой красы и гордости, за столом осталась сидеть девушка, чья жизнь отныне была навеки погублена. А сбежавшиеся люди поднимали с пола труп Бена Тэтума в женском платье, которое и позволило Сэму формально соблюсти и одновременно обойти требования кодекса чести.

## Дороги, которые мы выбираем

В Аризоне, в двадцати милях к западу от Туксона, «Вечерний экспресс» остановился у водокачки – набрать воды. Но помимо необходимой паровозу воды, знаменитый экспресс прихватил и еще кое-что, далеко не столь полезное.

В то время как кочегар отсоединял шланг, Боб Тидбол, Акула Додсон и индеец-полукровка из племени кри Джон Большая Собака забрались на паровоз и сунули под нос машинисту три ствола своих карманных артиллерийских орудий. Это впечатлило машиниста: он немедленно вскинул обе руки вверх, словно хотел воскликнуть: «Да что вы говорите! Быть этого не может!» По команде Акулы Додсона, который и возглавлял эту бригаду, машинист спустился на насыпь и рассоединил сцепки локомотива и состава. Вслед за тем Джон Большая Собака, забравшись в тендер<sup>[40]</sup>, как бы шутя направил на машиниста и кочегара пару колец и попросил отвести паровоз на пятьдесят ярдов и там ожидать дальнейших указаний.

Акула Додсон и Боб Тидбол не стали заниматься промывкой такой не слишком богатой золотиносным песком россыпи, как основная масса пассажиров, а двинулись напрямик к главному месторождению – почтовому вагону. Проводника им удалось захватить врасплох – он пребывал в убеждении, что «Вечерний экспресс» продолжает набирать воду, и не ждал никаких неприятностей. Пока Боб Тидбол выбивал это заблуждение из его головы рукоятью своего шестизарядника, Акула Додсон расторопно и со знанием дела приспособивал динамитный патрон к двери сейфа почтового вагона.

Патрон рванул, принеся тридцать тысяч долларов чистой прибыли – в основном золотом и банкнотами. Пассажиры кое-где уже высывались из окон вагонов, чтобы взглянуть, где это погромыхивает и не надвигается ли гроза. Старший кондуктор дернул за веревку звонка, но та безжизненно поддалась и не оказала никакого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол сгребли добычу в прочный брезентовый мешок, спрыгнули на насыпь и, спотыкаясь на высоких каблуках ковбойских сапог, побежали к паровозу.

Машинист, подчиняясь их команде, тронул паровоз с места и неторопливо покатил, постепенно отдаляясь от неподвижного состава. Но не успел он пройти и полусотни ярдов, как проводник почтового вагона,

придя в себя после знакомства с увесистой рукоятью, выскочил на насыпь с винчестером в руках и вмешался в игру. Джон Большая Собака, безмятежно восседавший на угольном тендере, оказался отличной мишенью, и проводник сшиб его со второго выстрела. Потомок воинственных вождей, а ныне рыцарь большой дороги, скатился под откос с разрывной пулей между лопаток, и доля добычи его уцелевших партнеров увеличилась на треть.

В двух милях от водокачки машинист получил приказ остановиться. Бандиты насмешливо помахали ему на прощанье, спустились вниз по крутому склону и сгнули в густых зарослях, окаймлявших железнодорожную линию.

Несколькими минутами позже, с треском продравшись сквозь чапарраль<sup>[41]</sup>, они очутились на поляне, где были привязаны три лошади. Одна из них принадлежала Джону Большой Собаке, которому уже не суждено было ее расседлать. Сняв с этой лошади седло и уздечку, бандиты взгрели ее плетью и отпустили куда глаза глядят. Затем сами попрыгали в седла, приторочили мешок с деньгами и золотом и поскакали, озираясь по сторонам, – сначала через заросли, затем по пустынному ущелью, загроможденному каменными осыпями.

Здесь конь Боба Тидбола поскользнулся на обросшем мхом валуне и сломал правую переднюю ногу. Грабители тут же пристрелили его и на том же валуне уселись посоветоваться. Проделав столь долгий и запутанный путь, они пока были в безопасности – времени прошло совсем немного. Десятки миль и много часов езды отделяли их от возможной погони. Конь Акулы Додсона, волоча уздечку и все еще тяжело дыша, жадно щипал траву на берегу ручья. Боб Тидбол развязал мешок и, хихикая, как ребенок, выгреб из него кучу пачек новеньких купюр в банковских упаковках и увесистый мешочек с золотыми монетами.

– Гляди-ка, старый негодяй, – продолжая смеяться, обратился он к Додсону, – а ведь ты оказался прав, дельце-то сладилось. Ну и голова у тебя, чисто премьер-министр. Кому угодно в Аризоне можешь дать сотню очков вперед.

– Как же быть с лошадьё, Боб? Задерживаться нам здесь ну никак нельзя. Еще до рассвета начнется погоня.

– Ну, твой Боливар пока выдержит и двоих, – бодро ответил Боб. – А там подцепим первую же, какая подвернется... Нет, ты погляди, – как тебе такой улов, а? Тут тридцать тысяч, если верить тому, что на упаковке написано, – по пятнадцать штук на брата.

– Я рассчитывал на большее, – возразил Акула Додсон, поддев пачку

двадцатидолларовых купюр носком сапога. Взгляд его внезапно сделался рассеянным и остановился на мокрых от пота и ввалившихся боках наполовину загнанного коня.

– Старик Боливар на пределе, – неторопливо проговорил он. – Какая жалость, что твой гнедой сломал ногу.

– Еще как жаль, – простодушно подхватил Боб, – да что ж теперь поделаешь. Боливар у тебя молодцом, двужилъная скотинка. Довезет куда следует, а там сменим лошадей... А ведь смех да и только: ты с Востока, чужак в наших краях, а мы тут, на Западе, у себя дома, и все равно в подметки тебе не годимся. Ты из какого штата?

– Из штата Нью-Йорк, – ответил Акула Додсон, снова садясь на валун и жуя соломинку. – Я родился на ферме в округе Олстер, а уже лет в семнадцать сбежал из дома. Да и на Запад я попал по чистой случайности. Шел по дороге, в руках узелок, в нем все мое имущество. Думал, попаду в Нью-Йорк и начну деньги грести лопатой. Мне почему-то всегда казалось, что я для этого дела и родился. Дошел до перекрестка и не знаю, куда повернуть. С полчаса раздумывал, потом все-таки повернул налево. А к вечеру я нагнал обоз циркачей-ковбоев и с ними потащился на Запад. Я вот иной раз думаю: а что было бы, если б я выбрал другую дорогу?

– Да то же самое, – философски заметил Боб Тидбол. – Дело ведь не в дороге, которую мы выбираем; просто что-то внутри нас заставляет выбирать ту или другую дорогу.

Акула Додсон поднялся и прислонился к стволу дерева у подножия склона.

– Жалко все-таки, что твой гнедой сломал ногу, Боб, – повторил он с горечью. – Жуть как жалко.

– А мне-то! – закивал Боб. – Славный был конек. Ну, да Боливар не подведет. Пожалуй, пора бы уже и двигаться, Акула. Сейчас я все это запакую – и в путь; своя ноша, сам знаешь, не тянет.

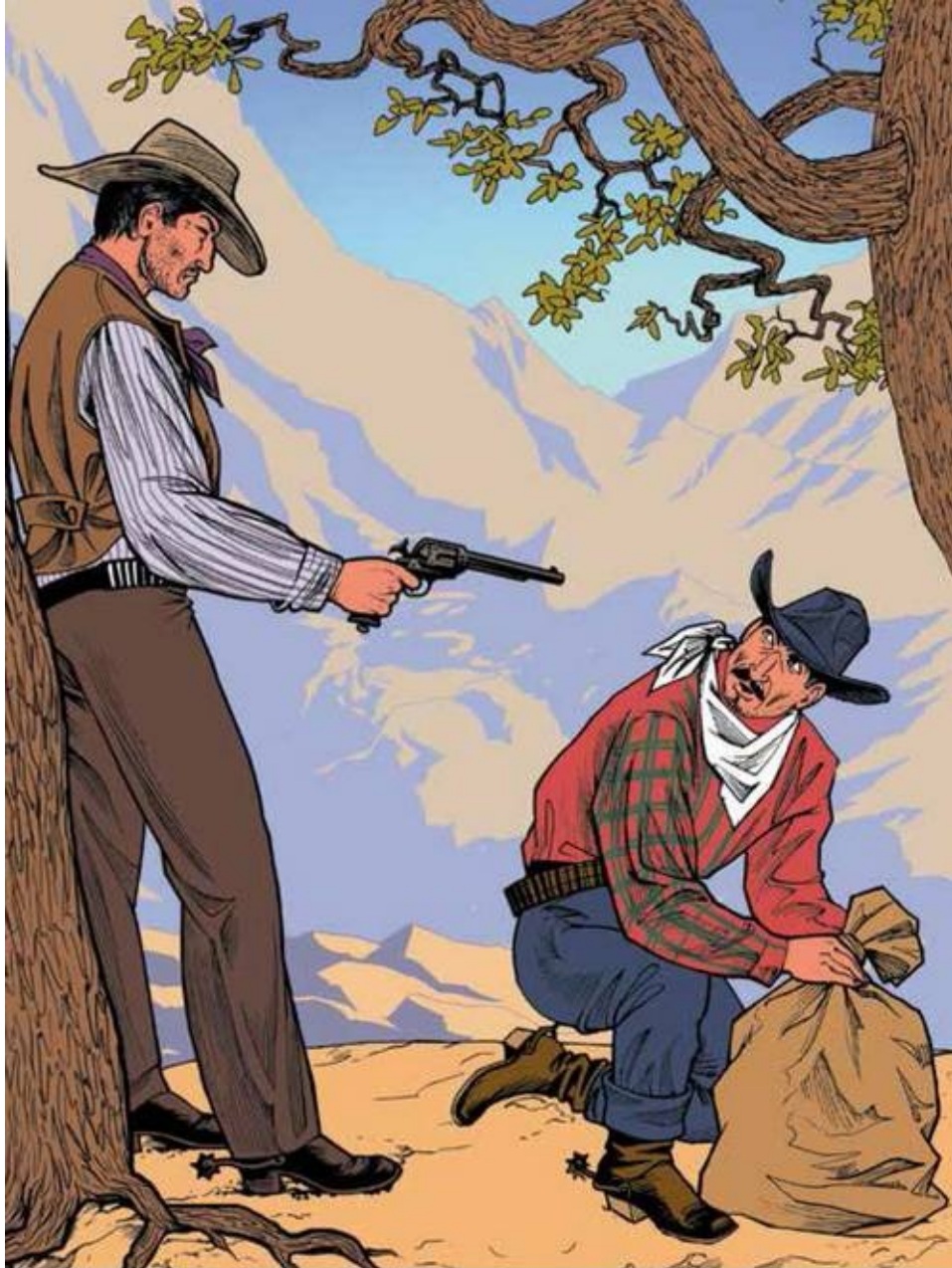
Боб Тидбол уложил добычу в мешок и туго перевязал его веревкой. А когда поднял глаза – в лицо ему смотрело дуло кольца сорок пятого калибра. Рука Акулы Додсона была твердой, ствол даже не дрогнул, когда Боб, ухмыляясь, проговорил:

– Брось ты эти шуточки, Акула! Пора двигаться.

– Сиди, где сидишь! – приказал Акула Додсон. – И по возможности не двигайся, Боб, если твоя шкура тебе дорога. Говорить это мне не доставляет никакой радости, но мой Боливар совсем выдохся, и двоих ему не поднять.

– Мы с тобой были вместе больше трех лет, Акула, – не теряя

присутствия духа, сказал Боб. – Не раз оба рисковали жизнью. И я никогда не кривил с тобой душой, думал, ты человек. Слышал я, правда, краем уха, будто ты прикончил двоих ни с того ни с сего, да не стал верить болтовне. Если ты шутишь, Акула, убери кольт и давай поскорее уносить ноги. А если хочешь стрелять – стреляй, черная душа!



*— Ты просто не поверишь, Боб, до чего мне жаль,  
что твой гнедой был так неосторожен...  
(Дороги, которые мы выбираем)*

Лицо Акулы Додсона выразило глубокую скорбь.

— Ты просто не поверишь, Боб, — сокрушенно вздохнул он, — до чего мне жаль, что твой гнедой был так неосторожен...

Лицо его в секунду изменилось — теперь оно выражало только



ледяную жестокость и неукротимую алчность. Должно быть, подлинная душа этого человека проявилась на минуту, как иной раз можно увидеть лицо злодея в окне солидного и почтенного дома.

Бобу так и не было суждено двинуться с этого места. Раздался выстрел, каменистые склоны ущелья подхватили его эхо, но вскоре и оно затихло в безлюдной дали.

Боливар, невольный сообщник негодяя, был превосходным конем и легко унес своего хозяина, последнего из шайки, ограбившей «Вечерний экспресс», от погони. И не удивительно – ведь ему не пришлось нести двойной груз.

А когда Акула Додсон уже скакал по лесу, кроны деревьев перед ним внезапно застлал густой зеленоватый туман. Револьвер в правой руке превратился в полированный подлокотник кресла, обивка седла стала мягче; взглянув вниз, он заметил, что его ноги упираются не в стремяна, а в солидного вида письменный стол.

То есть я хочу сказать, что мистер Додсон, глава маклерской конторы «Додсон и Деккер» (ее адрес на Уолл-стрит вы можете узнать сами), открыл глаза. Рядом с его креслом стоял доверенный клерк Пибоди, не решаясь потревожить хозяина. Под окном глухо грохотали колеса кэбов, усыпляюще гудел электрический вентилятор.

– Гм! Пибоди, – помаргивая, проговорил Додсон. – Я, кажется, задремал и видел довольно забавный сон. Так в чем дело, Пибоди?

– Мистер Уильямс из «Трэйси и Уильямс» дожидается вас, сэр. Он пришел рассчитаться с нами за акции Икс, Игрек и Зет. Он крупно влип с ними, сэр, если припоминаете.

– Припоминаю. А как они стоят сегодня на бирже?

– Доллар восемьдесят пять, сэр.

– Ну и рассчитайтесь с ним по этой цене.

– Прошу прощения, сэр, – начал Пибоди, явно волнуясь, – я беседовал с мистером Уильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, а ведь вы скупили все акции Икс, Игрек и Зет. Мне кажется, вы могли бы, то есть я хочу сказать... Может быть, вы позабыли, что он продал их вам по девяносто восемь. Если ему придется рассчитываться по сегодняшней цене, он лишится всех сбережений и будет вынужден продать свой дом.

Лицо Додсона моментально изменилось – теперь оно выражало только ледяную жестокость и неукротимую алчность. Душа этого человека вновь выглянула на свет.

– Пусть платит по доллару восемьдесят пять, – сухо проговорил Додсон. – Боливар не снесет двоих.

## Последний лист

В квартале Гринич-виллидж, расположенном к западу от Вашингтон-сквер, улицы перепутаны, как нигде. Они образуют короткие отрезки и тупики, расположенные под странными углами относительно друг друга. Здесь их именуют проездами. Одна из местных улиц дважды пересекает сама себя, и некоему начинающему художнику удалось открыть весьма полезное свойство этой спятившей улицы. Он уверяет, что если сборщик платежей по счетам из лавки, где торгуют красками, бумагой и холстом, отправится выбивать деньги из клиентов, то он может дважды повстречать самого себя, возвращающегося в лавку, так и не получив ни цента!

Гринич-виллидж открыли люди искусства, кочующие по городу в поисках мансард, черепицы двухсотлетней давности, голландских окон и дешевой квартирной платы. Поначалу они перевезли туда с Шестой авеню дюжину оловянных кружек и маленькую колонию. А впоследствии чуть ли не половина квартала оказалось занятой маленькими студиями, галереями и лавчонками, торгующими живописью никому не известных гениев.

Студия Сью и Джонси помещалась прямо под крышей трехэтажного дома из потемневшего от времени красного кирпича. Джонси на самом деле звали Джоанной, а Сью – соответственно, Сьюзен. Одна приехала из штата Мэн, другая из Калифорнии. Они познакомились в одном из ресторанчиков на Восьмой улице и обнаружили, что их взгляды на живопись, салат из листьев цикория и фасоны модных платьев во многом совпадают. Так и возникла их общая студия.

Дело было в мае. А в ноябре неприятливый господин, которого доктора почтительно зовут «пневмония», словно призрак разгуливал по Гринич-виллидж, вцепляясь то в одного, то в другого бедолагу. Этого господина язык не поворачивается назвать галантным пожилым джентльменом. И в самом деле – разве миниатюрная девушка, выросшая в мягком калифорнийском климате, могла считаться достойным противником для него? Но нет же: старый одышливый тупица со здоровенными кулачищами все-таки свалил ее с ног, и теперь Джонси лежала без движения на узкой железной кровати, глядя сквозь частый переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Одним недобрым утром престарелый местный доктор движением лохматой седой брови вызвал Сью из комнаты больной в коридор.

– Шансы у нее неважные... – озабоченно проговорил он, стряхивая

ртуть в термометре. – Ну, скажем, один против десяти, и то, если ваша подружка сама пожелает выжить. Всякие лекарства становятся ни к чему, когда люди начинают подумывать о том, как бы материально поддержать содержателя ближайшей похоронной конторы. Наша юная леди, как мне кажется, решила про себя, что не выкарабкается. О чем она все время думает?

– Ей... Она всегда хотела написать маслом Неаполитанский залив.

– Маслом? Чушь! Нет ли у нее за душой чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы поразмыслить? Как у нее обстоят дела с мужчинами?

– С мужчинами? – переспросила Сью, и ее голос взвизгнул, как губная гармошка. – Неужели мужчины стоят того, чтобы... Да нет, доктор, право, ничего такого я от нее никогда не слышала.

– Ну, значит, она просто сильно ослабела, – решил доктор. – Я, конечно, сделаю все, что в моих силах. Но когда пациент в таком состоянии, целебная сила лекарств слабеет наполовину. Если вы добьетесь того, что она хоть раз поинтересуется, какого фасона рукава станут носить этой зимой, – ручаюсь, у нее вдвое прибавится шансов.

После ухода доктора Сью выбежала в мастерскую и плакала до тех пор, пока японская бумажная салфетка, которой она пользовалась вместо носового платка, окончательно не размокла. Потом она умылась и деловито вошла в комнату Джонси, насвистывая рэгтайм и держа под мышкой планшет для рисования.

Джонси лежала, отвернувшись к окну. Она так исхудала за время болезни, что одеяло на кровати едва приподнималось. Сью оборвала свист, решив, что больная уснула. Она пристроила доску и взялась за рисунок тушью к журнальному рассказу. Всякому известно: путь к славе для молодых художников вымощен иллюстрациями к бесчисленным журнальным рассказам, которыми начинающие авторы, в свою очередь, мостят себе путь в большую литературу.

Набрасывая фигуру ковбоя из Айдахо, Сью слышала тихий шепот, почти шелест, повторившийся несколько раз. Она поспешно подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала – причем в обратном порядке.

– Двенадцать, – произнесла девушка. Потом, после длинной паузы: – Одиннадцать...

За этим последовали: «десять» и «девять», а попозже – «восемь» и «семь», почти без перерыва.

Сью взглянула в окно. Что там можно было считать? За стеклом

виднелся пустой замусоренный двор и глухая кирпичная стена соседнего дома в двух десятках шагов. Старый, как мир, куст плюща с узловатым, уже подгнившим у корней стволом карабкался вверх по стене и заплел ее своими побегами почти до половины. Холодный осенний ветер сорвал с побегов почти все листья, и только оголенные, как скелет растения, побеги цеплялись за растрескавшиеся кирпичи.

– Что ты видишь там, милая? – осторожно спросила Сью.

– Шесть... – едва слышно шепнула Джонси. – Смотри: теперь они облетают намного быстрее. Три дня назад их было чуть ли не сто. Сразу не сосчитаешь. А теперь это совсем легко. Вот, гляди, – еще один сорвался. Осталось всего пять.

– Чего пять, дорогая? Скажи мне, прошу тебя!

– Листьев на плюще. Когда улетит последний, я умру. Я знаю это уже целых три дня. Доктор разве не говорил тебе?

– Что за глупость! – презрительно парировала Сью. – Впервые такое слышу. Какое отношение это может иметь к твоему здоровью? Да ведь буквально сегодня доктор сказал, что ты идешь на поправку. Съешь-ка несколько ложек бульона и позволь твоей Сьюзи закончить рисунок, чтобы она могла побыстрее сбегать его старой крысе – редактору и купить вина для одной больной девочки и свиных отбивных для себя.

– Вина покупать больше не стоит, – проговорила Джонси, по-прежнему не отрываясь от окна. – Еще один полетел... И бульона я не хочу. Теперь остается всего четыре. Я хочу увидеть сама, как упадет последний. А тогда...

– Джонси, дорогая моя, – сказала Сью, склонившись над девушкой, – пообещай мне, что не будешь открывать глаза и смотреть в окно, пока я не закончу работу! Я просто обязана сдать эту чертову иллюстрацию завтра. Мне, к сожалению, нужен свет, иначе я бы задернула шторы.

– А ты не могла бы работать в мастерской? – равнодушно спросила Джонси.

– Я хочу побыть с тобой, – сказала Сью. – Кроме того, я думаю, что тебе не стоило бы смотреть на этот дурацкий плющ.

– Скажи мне, когда закончишь, – опуская веки, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженное болезнью мраморное изваяние, – потому что я все равно хочу видеть, как слетит последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Хочу стать свободной от всего, что меня удерживает здесь, – лететь и лететь, как один из этих листьев, таких же усталых, как я.

– Я бы на твоём месте попробовала поспать, – сказала Сью. – А сейчас

мне надо позвать Бермана, мне нужна натура, чтобы изобразить золотоискателя-одиночку. Я только на минутку...

Берман, старый художник, обитал в нижнем этаже под их студией. Ему было уже основательно за шестьдесят, а его борода была сплошь в тугих завитках, как у Моисея работы Микеланджело. Великолепно вылепленная, благородных очертаний голова венчала тело уродливого гнома. В живописи Берман был горьким неудачником. Большую часть жизни он собирался создать шедевр, но так и не приступил к нему. В последние годы он не писал ничего, кроме вывесок, уличных реклам и прочей чепухи. Основной заработок приносило ему позирование молодым художникам, которым профессиональные натурщики были не по карману. Временами Берман впадал в запой, однако все еще продолжал толковать о шедевре, который он когда-нибудь создаст. Во всем остальном это был обычный желчный старик, чуждый всякой сентиментальности. К тому же с некоторых пор он возомнил себя цепным псом, чья единственная задача – оберегать двух молодых девушек-художниц.

Сью застала Бермана, основательно попахивающего джином, в его полутемной каморке в полуподвале. В одном углу уже четверть века стояло на мольберте девственно чистое загрунтованное полотно, готовое принять первые мазки шедевра. Девушка рассказала старику про выдумки Джонси и про свои опасения – как бы она, такая же легкая и хрупкая, как листок плюща, не покинула их, когда окончательно ослабеет ее и без того непрочная связь с реальностью. Старик Берман тут же принялся громогласно насмеяться над столь бессмысленными фантазиями.

– Как? – орал он. – Где это видана такая глупость – помирать из-за того, что плющ осыпается, будь он трижды проклят! Сроду ничего подобного не слышал! Нет, даже не просите, не стану я позировать для вашего кретина-золотоискателя, Сью! Да как же вы позволяете девчужке забивать себе голову такой чепухой? Черт, бедная маленькая мисс Джонси!..

– Она очень слаба, – сказала Сью, – ее постоянно лихорадит, вот в голову и лезут всякие печальные мысли. Ладно, мистер Берман, – не хотите позировать, и не надо. А я все-таки считаю, что вы очень противный старик... противный старый пьяница, каких свет не видел!

– Вот она, настоящая женщина! – возопил Берман. – Да кто вам сказал, что я отказываюсь позировать? Битых полчаса я убеждаю вас, что хочу позировать. Да боже мой! Разве можно позволить болеть такой славной девушке, как мисс Джонси? Нет, когда-нибудь я все-таки напишу шедевр, и мы все уедем из этой дыры. Истинная правда!..

Джонси дремала, когда Сью и Берман поднялись наверх. Сью плотно задернула шторы и знаком велела старику пройти в студию. Там они подошли к окну и оба со страхом уставились на старый плющ, не произнося ни слова. Холодный дождь пополам со снегом и не думал прекращаться. Лишь после этого Берман уселся в позе золотоискателя-одиночки на перевернутое ведро вместо скалы...

На следующее утро Сью, очнувшись после короткого и тревожного сна, заметила, что Джонси не сводит широко раскрытых глаз с зеленой шторы.

– Открой, я хочу посмотреть, – шепотом велела она.

Сью безнадежно вздохнула и подчинилась.



*На фоне кирпичной стены все еще виднелся  
единственный лист плюща — последний!  
(Последний лист)*

И что же? Несмотря на проливной дождь и свирепые порывы ветра, не унимавшегося ночь напролет, на фоне кирпичной стены все еще виднелся единственный лист плюща – последний! Темно-зеленый у черешка, но уже тронутый по иззубренным краям желтизной, он отважно держался на ветке.

– Последний, – сказала Джонси. – Я думала, он упадет этой ночью. Но это ведь все равно: он упадет сегодня, а с ним умру и я.

– Господь с тобой! – сказала Сью, устало опуская голову на подушку. – Если не хочешь думать о себе, подумай хотя бы обо мне! Что будет со мной, если ты умрешь?

Джонси промолчала. Все на свете становится чужим и ненужным для души, которая готовится отправиться в далекий и таинственный путь. По мере того как одна за другой рвались нити, связывавшие ее с миром и людьми, болезненная фантазия завладевала девушкой все сильнее.

Минул день, но даже в сумерках и Сью, и Джонси видели на фоне кирпичной стены, что одинокий лист плюща по-прежнему держится на своем черешке. С наступлением ночи опять поднялся северный ветер, а дождь снова принялся колотить по стеклам голландского окна.

Едва рассвело, Джонси снова велела подруге раздвинуть шторы. Поразительно, но лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя в окно. Потом неожиданно окликнула Сью.

– Я была негодной девчонкой, Сьюзи, – проговорила Джонси. – И мне кажется, что этот последний лист остался на плюще специально – чтобы показать мне, как грешно желать себе смерти. Дай мне полчашки бульона, а потом молока с каплей портвейна... Или нет: сначала принеси зеркало, а потом взбей подушку повыше, чтобы я могла сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Еще через час Джонси проговорила:

– И все-таки, Сьюзи, я надеюсь когда-нибудь написать маслом Неаполитанский залив.

Днем явился доктор, и по окончании визита Сью вышла вслед за ним в прихожую.

– Пятьдесят на пятьдесят, – оживленно сказал доктор, крепко пожимая худенькую руку Сью. – А при хорошем уходе – значительно больше. Теперь все зависит от вас, моя дорогая... Прощайте – тороплюсь к еще одному больному с воспалением легких, он живет здесь внизу. Его зовут Берман, и он, кажется, тоже художник. Он стар, а форма болезни крайне тяжелая. Никакой надежды, но сегодня его перевезут в больницу, там, по крайней мере, за ним присмотрят.

На другой день доктор объявил:

– Вы победили. Ваша подруга вне опасности. Теперь только питание и уход – и никаких лекарств.

Тем же вечером Джонси уже сидела в постели, довязывая ярко-синий,



совершенно бесполезный шарф. Сюю подошла, присела на край кровати и обняла подругу одной рукой.

– Я должна кое-что сказать тебе, мышка моя, – проговорила она. – Сегодня в больнице от воспаления легких скончался мистер Берман. Он проболел всего два дня. А началась его болезнь с того, что утром привратник обнаружил старика лежащим без сознания на полу в его комнате. Его обувь и одежда были мокры насквозь, и никто не мог понять, куда он мог выходить в темноте под проливным дождем. Рядом с ним стоял погасший керосиновый фонарь, лестница, которой иногда пользуется привратник, оказалась не на месте; кроме того, в комнате валялись в беспорядке несколько кистей и палитра, на которой были смешаны всего две краски – зеленая и желтая. Взгляни в окно, Джонси, разве не удивительно, что оставшийся листок плюща не шевелится от ветра? Да, милая моя, это и есть главный шедевр Бермана – он написал его в ту окаянную ночь, когда слетел последний настоящий лист.

## Дары волхвов

Доллар восемьдесят семь центов. И все. Шестьдесят центов из них – монетками по одному центу. Причем за каждую пришлось ожесточенно торговаться с бакалейщиком, зеленщиком и мясником.

Делла пересчитала их трижды – сумма вышла та же. А завтра, между прочим, – Рождество.

При таких обстоятельствах остается одно – плюхнуться на продавленную кушетку и разреваться. Так она и поступила. Что поделаешь, если жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи чаще всего в большинстве.

Пока Делла проходит путь от слез к вздохам, бросим взгляд на ее жилье.

Это квартирка с убогой мебелью за восемь долларов в неделю. Во всем видна не кричащая нищета, а, скорее, тщательно скрываемая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем и кнопка неработающего электрического звонка, под которой приколот картонка с надписью: «Мистер Джеймс Диллингем Янг».

Картонка – памятник недавней эпохи процветания, когда обладатель этого имени зарабатывал тридцать долларов в неделю. Теперь, когда эта сумма снизилась до двадцати долларов, надпись на ней выцвела и потускнела. Однако это никак не отразилось на чувствах миссис Янг, уже известной вам как Делла: лишь только мистер Дж. Д. Янг возвращался домой, его встречали радостный возглас «Джим!» и нежные объятия супруги.

Успокоившись, Делла вытерла глаза и слегка напудрила щеки. Все это она проделала стоя у окна и глядя на серую кошку, разгуливавшую по серой ограде, отделяющей серый двор от не менее серой улицы.

Завтра Рождество, а у нее всего доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие недели она сэкономила каждый цент, и вот все, чего ей удалось достичь. Да, на двадцать долларов в неделю не разгонишься, да и расходы оказались более существенными, чем она полагала. Жалкие доллар восемьдесят семь центов на подарок ее Джиму! Сколько времени она провела в мечтах о том, что подарит мужу к Рождеству. Это должно быть что-то совершенно особенное, изысканное, драгоценное и, конечно же, достойное чести принадлежать Джиму.

На стене рядом с окном, выходящим во двор, висело трюмо –

потускневшее и ужасно неудобное, из тех, что только и встречаются в квартирах за восемь долларов. Делла внезапно отшатнулась от окна и бросилась к зеркалу, словно ее осенила неожиданная мысль.

От уныния не осталось ни следа. Делла слегка побледнела, но ее глаза сверкали решимостью. Быстрыми движениями она вытасила шпильки и распустила волосы.

Тут следует сказать, что у четы Янг имелось две драгоценности, которыми муж и жена гордились по праву. Это золотые часы Джима, доставшиеся ему от отца и деда, и волосы Деллы. Если бы царица Савская обитала в доме напротив, Делла, вымыв голову, непременно усаживалась бы у окна сушить свои распущенные волосы, и златотканые наряды и украшения царицы померкли бы рядом с ними. А если бы царь Соломон<sup>[42]</sup> служил привратником в их доме и заодно хранил бы в его подвале свои неисчислимы богатства, то Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана – только для того, чтобы поглядеть, как Соломон вырывает ключья из своей бороды от зависти.

Итак, прекрасные волосы Деллы рассыпались, сверкая и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались почти до колен и, словно плащ, окутывали всю ее фигуру. Но не время было ими любоваться: молодая женщина тотчас же принялась поспешно собирать волосы в тугий узел. Затем, словно на миг заколебавшись, остановилась, пристально взглянула в трюмо, и слезинка-другая скатилась на дряхлый коврик, лежащий на полу.

Потертый коричневый жакет, того же цвета и возраста шляпка – и вот Делла, со все еще влажным блеском в глазах, стуча каблучками сбежала вниз по лестнице и торопливо зашагала по улице.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «Мадам Софронис. Изделия из волос». Делла взлетела на второй этаж и остановилась, едва переводя дух.

– Не купите ли мои волосы? – поспешно спросила она у владелицы заведения.

– Я иногда покупаю, – ответила мадам. – Но придется снять шляпу и показать товар.

Снова засверкал и заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – проговорила мадам, взвешивая на руке шелковистую массу густых волос.

– Действуйте скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели как на крыльях – метафора избитая, да что поделаешь, если так оно и было. Делла рыскала по магазинам в

поисках подарка для Джима, и наконец нашла его.

Без сомнения, эта вещь была просто создана для него. Ничего подобного она больше нигде не видела – простого рисунка платиновая цепочка для карманных часов, привлекающая ее внимание не показным блеском, а благородной сдержанностью. Именно такими и должны быть хорошие вещи. Едва увидев ее, Делла поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как Джим, – сама скромность и достоинство.

Уплатив двадцать один доллар, она направилась домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане.

Дома возбуждение Деллы быстро прошло. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные ножницами мадам Софронис. Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась мелкими тугими завитками, которые сделали ее похожей на подростка, удравшего с уроков. Затем она осмотрела свое отражение в зеркале пристальным критическим взглядом.

«Что ж, – подумала Делла, – если Джим не убьет меня на месте сразу, то решит, что я стала похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, боже мой, если у меня только и было, что доллар и восемьдесят семь центов!»

К семи кофе был сварен, а сковорода стояла на газовой горелке, дожидаясь маленьких гамбургеров из баранины.

Джим, сама точность, почти никогда не опаздывал. Зажав платиновую цепочку в кулачке, Делла уселась на край стола рядом со входной дверью. Вскоре на лестнице послышались шаги, и молодая женщина слегка побледнела. В трудные минуты она иной раз обращалась к Богу с коротенькими молитвами и сейчас торопливо зашептала:

– Господи, Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась.

Дверь отворилась. Вошел Джим и обернулся, чтобы закрыть замок, и Делла невольно отметила, какое у него худощавое и озабоченное лицо. Не так-то просто содержать семью в двадцать два года! Ему уже давно требовалось новое пальто, да и руки вечно мерзли без перчаток.

Не успев сделать ни шагу, Джим неподвижно замер, словно сеттер, учуявший в траве перепелку. Он смотрел на Деллу с очень странным выражением, которого она не могла понять, и ей стало не по себе. Это не был ни гнев, ни изумление, ни упрек, ни ужас. Он просто смотрел на нее, даже не моргая, и с его лица не сходило это странное выражение.

Делла спрыгнула со стола и бросилась к мужу.

– Джим, дорогой мой, – отчаянно закричала она, – не смотри так! Я

остригла волосы и продала их, потому что мне нечего было подарить тебе к Рождеству. А я бы этого ни за что не пережила. К тому же они опять отрастут, нужно только немного подождать. Ты ведь не будешь на меня сердиться, нет? Я просто не могла иначе. Ну же, поздравь меня с наступающим Рождеством, любимый, и давай порадуемся празднику. А какой подарок я тебе приготовила, какой восхитительный подарок!

– Ты, значит, остригла волосы? – спросил Джим так, словно его мозг до сих пор был не в силах переварить этот факт.

– Да, да, остригла и продала, – сказала Делла. – Но ведь ты меня не разлюбишь, правда? Я все та же, хоть и с короткой прической.

Джим с рассеянным недоумением оглядел комнату.

– Выходит, твоих кос больше нет? – спросил он с какой-то туповатой настойчивостью.

– Нет, и нечего их искать, – быстро проговорила Делла. – Я же сказала, что продала их – остригла и продала. Нынче сочельник, Джим. Не будь таким суровым и строгим, ведь я это сделала ради тебя. Если потрудиться, то, наверно, можно пересчитать волосы на моей голове, – продолжала она с глубокой серьезностью, – но никто и никогда не смог бы измерить мою любовь к тебе! Ну что – жарить гамбургеры?

Тут Джим наконец-то вышел из паралича. Он сгреб Деллу в объятия, и тут мы, скромности ради, ненадолго отвлечемся.

Как по-вашему, что больше – восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик наверняка даст ошибочный ответ. Волхвы принесли этим двоим и ладан, и смирну, и прочие драгоценные дары, но не было среди них одного. Этот туманный намек мы сейчас разъясним.

Когда они оторвались друг от друга, Джим вынул из кармана пальто небольшой сверток и небрежно бросил его на стол.

– Никакая стрижка, Делл, – сказал он, – не заставит меня разлюбить мою малышку. Но разверни этот сверток, и поймешь, почему я в первый миг малость оторопел.

Проворные пальчики развязали бечевку и рванули бумагу. За этим последовал крик восторга, тотчас же сменившийся потоком слез. Поэтому потребовалось немедленно использовать все успокаивающие средства, имевшиеся в арсенале главы дома.

Дело в том, что на столе лежали гребни, тот самый набор гребней, которым Делла давным-давно зачарованно любовалась в одной из витрин на Бродвее. Восхитительные гребни, черепаховые, инкрустированные по верхнему резному краю блестящими стразами. И как раз в тон ее каштановым волосам! Они стоили безумно дорого, Делла знала это, – и

сердце ее ныло от совершенно несбыточного желания когда-нибудь обладать ими. И вот теперь они здесь, они принадлежат ей, но больше нет тех прекрасных волос, которые можно было бы украсить ими...

Несмотря ни на что, Делла прижала свое сокровище к груди, подняла голову, улыбнулась сквозь слезы и проговорила:

– Ты даже не представляешь, Джим, как быстро растут у меня волосы!

И вдруг подскочила на месте, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

– Боже мой, что же это я!

Ведь Джим до сих пор еще не видел ее замечательного подарка. Она торопливо протянула к нему кулачок и раскрыла: матовый драгоценный металл благородно заискрился на ладони, словно согретый лучами ее радости.

– Посмотри, какая прелесть, Джим! Я ног под собой не чувала, пока нашла ее. Теперь можешь хоть каждую минуту смотреть на часы. Давай-ка их сюда, я хочу взглянуть, как они будут выглядеть вместе.

Но вместо того, чтобы полезть в жилетный кармашек за часами, Джим растянулся на кушетке, заложил руки за голову и загадочно улыбнулся.



— Делл... часы я продал, чтобы купить гребни для тебя.  
(Дары волхвов)

— Делл, — сказал он, — давай-ка мы спрячем наши подарки, пусть полежат до поры до времени. Слишком уж они хороши для нас сейчас. Дело в том, что часы я продал, чтобы купить гребни для тебя. А теперь, думаю я, самое время браться за гамбургеры.

Волхвы – те, что принесли дары младенцу Христу, лежавшему в яслях, были, как известно, мудрецами и немножко волшебниками. От них и пошел обычай делать рождественские подарки. И поскольку сами они были мудры, то и дары их были полны мудрости, может, даже с правом обмена в случае, если что не так. А я здесь просто рассказываю самую обыкновенную историю про двух глупых детишек из квартирки за восемь долларов в месяц, которые, хоть и не очень обдуманно, но пожертвовали друг для друга всем самым дорогим, что у них было.

Мудрецы нашего расчетливого времени могут потешаться над ними, но я думаю, что из всех, кто преподносит подарки под Рождество, эти двое были самыми мудрыми. Они-то и могут считаться волхвами.



## Превращение Джимми Валентайна

Тюремный надзиратель вошел в сапожную мастерскую, где Джимми Валентайн усердно кроил заготовки ботинок, и отвел его в офис начальника. Там начальник тюрьмы вручил Джимми бумагу о помиловании, подписанную губернатором штата не далее как нынешним утром.

Джимми принял документ без особого энтузиазма. Он отсидел уже десять месяцев из назначенного судом четырехлетнего срока, хотя рассчитывал провести за тюремной решеткой не больше трех. Когда у арестанта столько влиятельных друзей на воле, порой не стоит даже стричь его наголо.

– Итак, Валентайн, – наставительно проговорил смотритель, – завтра с утра вы выйдете на волю. Советую вам взяться за ум и стать законопослушным гражданином. Ведь вы, вообще-то говоря, совсем неплохой парень. Кончайте потрошить сейфы, живите честно.

– Это вы мне говорите? – неподдельно изумился Джимми. – Да я в жизни не прикасался ни к одному сейфу.

– Само собой, – криво усмехнулся начальник. – А как же так вышло, что вас посадили за кражу в Спрингфилде? Может, у вас было алиби, но вы не пожелали скомпрометировать даму из высшего света? А может, у присяжных имелся на вас зуб? С вами, невинными жертвами судебных ошибок, так обычно и бывает.

– За кражу в Спрингфилде? – продолжал недоумевать Джимми. – Господь с вами! Я в Спрингфилде отродясь не бывал!

– Отконвоируйте его обратно в мастерскую, Кронин, – улыбнулся начальник, – и переоденьте. Завтра в семь утра доставите его сюда. А вам, Валентайн, я рекомендую поразмыслить над моим советом.

Утром следующего дня, в начале восьмого, Джимми снова стоял в тюремном офисе. На нем был дешевый готовый костюм и желтые скрипучие ботинки, которыми тюремное ведомство снабжает всех своих невольных постояльцев, когда приходит срок расстаться с ними.

Канцелярист вручил ему железнодорожный билет и купюру в пять долларов, которые, по мнению законодателей, должны были вернуть Джимми гражданские права и относительное благосостояние. Начальник тюрьмы пожал бывшему узнику руку и угостил его скверной сигарой. Отныне с тюремным номером 9762 было покончено, и на свет божий вновь

явился мистер Джеймс Валентайн.

Не обращая ни малейшего внимания на щебет птиц, свежий ветер, волнующий листву деревьев и запахи распускающихся цветов, Джимми проследовал напрямик в ближайший ресторан. Там он вкусил первые дары свободы в виде цыпленка по-кентуккийски и бутылки белого вина. Ланч завершился сигарой сортом намного выше той, которую Джимми получил от начальника тюрьмы.

Из ресторана Валентайн не спеша проследовал на железнодорожный вокзал. Бросив четвертак слепому, сидевшему у выхода на перрон, он сел в поезд и через три часа оказался в маленьком городке у самой границы штата. Заглянув в бар, содержателя которого звали Майк Долан, он пожал руку владельцу, томившемуся в одиночестве за стойкой.

– Уж ты прости нас, что не смогли обстряпать это дельце пораньше, сынок, – сказал Долан. – Но из Спрингфилда в Джефферсон-Сити поступил протест, и губернатор стал кочевряжиться. Как самочувствие?

– Лучше не бывает, – сказал Джимми. – Мой ключ у тебя?

Взяв ключ, он поднялся наверх и отпер дверь комнаты в дальнем конце коридора. Здесь все осталось так, как было в тот момент, когда его арестовали. Даже запонка от воротничка рубашки знаменитого сыщика Бена Прайса, потерянная им в ту минуту, когда полиция набросилась на Джимми, все еще валялась на полу.

Отодвинув от стены кровать, Джимми нажал на деревянную панель и извлек из открывшегося тайника покрытый пылью кожаный саквояж. Открыв его, он окинул любовным взглядом лучший набор инструмента для взлома сейфов на всем Восточном побережье: уникальной конструкции сверла, резцы, отмычки, клещи и еще несколько новинок, честь изобретения которых принадлежала самому Джимми. Все эти инструменты обошлись Джимми в девятьсот долларов и были изготовлены из особо прочной стали в... в общем, там, где производятся подобные вещи для людей его специальности.

Спустя полчаса Джимми спустился вниз и прошел через бар. Он уже избавился от казенной одежды и теперь был одет в отлично сшитый темно-синий костюм, в его руке покачивался тщательно протертый от пыли саквояж.

– С корабля на бал? – сочувственно спросил Майк Долан. – Что-нибудь есть на примете?

– У кого – у меня? – удивился Джимми. – Не понимаю, о чем вы говорите. Я представитель Объединенной нью-йоркской компании панировочных сухарей и дробленой пшеницы.

Это заявление привело Майка в такой восторг, что Джимми пришлось выпить стакан содовой с молоком. В рабочий период, как он сам его называл, он в рот не брал ни капли спиртного.

Не прошло и недели, как вышел на волю заключенный номер 9762, а в Ричмонде, штат Индиана, было совершено фантастически ловкое ограбление сейфа в офисе крупной фирмы, причем преступник не оставил никаких улик. К счастью, похищено было всего-навсего восемьсот долларов. Но еще через две недели был очищен патентованный, усовершенствованный и застрахованный от взлома сейф в Логанспорте. Взломщик разжился полутора тысячами долларов, оставив нетронутыми ценные бумаги и серебро.

Эта короткая цепочка ограблений привлекла внимание детективов из полицейского департамента штата. И следующим звеном в ней оказалось вулканическое извержение одного старого банковского сейфа в самом Джефферсон-Сити, при котором бесследно испарились пять тысяч долларов мелкими купюрами.

Теперь убытки достигли таких масштабов, что дело стало достойным внимания самого Бена Прайса, считавшегося корифеем сыска. При сравнении всех трех преступлений бросалось в глаза удивительное сходство приемов и методов, которыми пользовался удачливый взломщик.

Посетив места всех этих достопамятных событий, Бен Прайс заявил:

– Теперь у меня не осталось ни малейших сомнений – это работа Франта, то есть Джимми Валентайна. Не успел выйти на волю, как снова взялся за старое. Взгляните-ка на этот цилиндрический замок – выдернут, как редиска после дождя. Только у него имеются инструменты, которыми можно добиться такого результата. А как чисто расверлены задвижки! Джимми никогда не делает больше одного отверстия. Да уж, это, конечно, он – мистер Валентайн. Но на сей раз он у нас отсидит от звонка до звонка, без всяких там помилований и досрочных освобождений за примерное поведение. Нечего ему валять дурака!

Привычки Джимми были отлично известны Бену Прайсу. Он изучил их еще в ту пору, когда занимался спрингфилдским делом. К ним относились дальние переезды, мгновенные исчезновения, полное отсутствие сообщников и любовь к высшему обществу. Все это помогало Валентайну до поры уходить от возмездия. Но как только разнесся слух, что по следу неуловимого взломщика идет знаменитый Бен Прайс, владельцы сейфов, застрахованных от взлома, вздохнули с облегчением.

В один прекрасный день Джимми Валентайн со своим неизменным саквояжем в руке вышел из почтового дилижанса в Элморе, маленьком

городке, расположенном в самом центре штата Арканзас, в пяти милях от станции железной дороги. Джимми, которого можно было принять за студента, прибывшего домой на каникулы, размахисто зашагал по дощатому тротуару, направляясь к местной гостинице.

Прямо перед ним молоденькая девушка пересекла улицу, свернула за угол и вошла в дверь, над которой виднелась вывеска «Первый городской банк». Джимми Валентайн успел заглянуть ей в глаза – и тут же забыл, кто он такой, и превратился в совершенно другого человека. Девушка опустила глаза и чуть-чуть покраснела. В Элморе далеко не на каждом шагу встречаются молодые люди с манерами и внешностью, какими обладал Джимми.

Джимми сгреб за шиворот мальчишку, который слонялся у подъезда банка, и принялся расспрашивать о городе, время от времени подбадривая его красноречие десятицентовиками. Вскоре девушка снова показалась в дверях и отправилась по своим делам, словно не замечая молодого человека с чемоданчиком.

– Да это, никак, мисс Полли Симпсон? – спросил Джимми наугад.

– Да что вы! – ответил мальчишка. – Это же Аннабел Адамс. Ее папаша банкир. А вы в Элмор по делу или просто так? Это у вас золотая цепочка? Мне обещали ко дню рождения подарить настоящего бульдога... А еще десять центов дадите?..

Джимми отправился в гостиницу, носившую громкое название «Отель плантаторов», зарегистрировался как Ральф Д. Спенсер и снял номер. Небрежно опираясь на конторку, он сообщил портье о своих намерениях. Он якобы приехал в Элмор на жительство, имея в виду заняться коммерцией. Как в городе обстоят дела с обувью? Есть тут какие-нибудь шансы у обувной торговли?

Костюм и манеры Джимми произвели глубокое впечатление на портье. Тот и сам считался законодателем мод среди не слишком-то золотой молодежи Элмора, но теперь наконец-то осознал, чего ему недостает. Стараясь сообразить, каким способом Джимми так неподражаемо завязывает галстук, он выложил ему всю необходимую информацию. Да, в городе нет специализированного обувного магазина, и шансы по обувной части имеются. Надо надеяться, что мистер Спенсер решится осесть в Элморе, и тогда он сам убедится, что городок этот во всех отношениях приятный, а народ здесь весьма общительный.

Да-да, мистер Спенсер и в самом деле намерен ненадолго задержаться, осмотреться для начала и поразмыслить. Нет, коридорного звать не стоит, его багаж не так уж тяжел, он справится сам.

Таким образом Ральф Спенсер, возникший из пепла Джимми Валентайна, охваченного огнем любви с первого взгляда, словно птица феникс, поселился в Элморе. Он открыл магазин обуви, обзавелся постоянной клиентурой и вскоре преуспел. Не меньший успех он имел и в местном обществе, тем более что энергично обзаводился новыми знакомствами. Больше того – он сумел добиться того, к чему неукротимо рвалось его сердце. Он был представлен мисс Аннабел Адамс, и с каждым днем его чувство к ней становилось все более глубоким и чистым.

К концу того же года мистер Спенсер считался одним из самых уважаемых горожан, его бизнес процветал, а через две недели ему предстояло вступить в законный брак с мисс Адамс. Отец девушки, мистер Адамс, обычный провинциальный финансист, благоволил к Спенсеру, чьи деловые качества произвели на банкира глубокое впечатление. Аннабел гордилась им и, вне всякого сомнения, также была влюблена. Ральф стал своим человеком в семействах Адамса-старшего и замужней сестры Аннабел.

И вот в один прекрасный день Джимми заперся у себя и написал письмо следующего содержания, адресованное одному из его старых и верных друзей в Сент-Луисе:

*Дорогой Билли!*

*Необходимо, чтобы в будущую среду в девять вечера ты был в Литтл-Роке у Салливана. Хочу попросить тебя ликвидировать некоторые из моих старых дел. Кроме того, хочу подарить тебе мой комплект инструментов. Я знаю, он тебя порадует – ничего подобного не добыть и за тысячу долларов. Дело в том, Билли, что уже минул год, как я завязал со старым. Может, тебе это и не понравится, но я открыл магазин и честно зарабатываю на жизнь; через две недели я женюсь. Моя невеста – лучшая девушка на свете. И я скажу тебе, Билли: только так и можно жить. Ни цента чужих денег я бы теперь не взял даже под дулом кольта. Когда закончатся хлопоты со свадьбой, продам магазин и уеду на Западное побережье – там меньше риска, что всплывут мои прошлые делишки. Повторяю: моя невеста – ангел, и верит в меня, как в самого Господа. Ни за что на свете не стал бы я теперь ссориться с законом и полицией.*

*Так что будь добр, приходи к Салливану. Инструменты я захвачу с собой.*

## *Твой Джимми*

В понедельник вечером, вскоре после того как Джимми написал и отправил это письмо, сыщик Бен Прайс, никем не признанный, прикатил в Элмор в наемном экипаже. Он без особой спешки прогулялся по городу и разузнал все, что ему требовалось. Из окна аптеки, расположенной напротив обувной лавки, Прайс как следует рассмотрел Ральфа Д. Спенсера и, соответственно, опознал в нем старого знакомого.

– Нацелился жениться на дочке банкира, Джимми? – пробормотал про себя сыщик. – Не знаю, право, не знаю, что из этого выйдет!

Во вторник утром Джимми завтракал у Адамсов. В этот день он собирался съездить в Литтл-Рок, чтобы заказать свадебный костюм и купить подарок невесте. Впервые он покидал Элмор с тех пор, как поселился здесь. В самом деле – прошло больше года с тех пор, как он полностью отошел от дел, и ему казалось, что уж теперь-то никакого риска нет.

После завтрака все семейство отправилось в центр города – мистер Адамс, Аннабел, Джимми и сестра Аннабел с двумя дочерьми – пяти и девяти лет. Когда они проходили мимо гостиницы, где по-прежнему жил Джимми, он поднялся к себе в номер и прихватил оттуда небольшой кожаный саквояж. У здания банка уже дожидался напряженный парой экипаж, который должен был доставить Джимми на железнодорожную станцию. Семейство шумно вошло в операционный зал, а затем проследовало за высокие дубовые перила в офис банкира.

Клерки приветствовали Джимми наравне с остальными членами семьи банкира, а он отвечал учтивыми поклонами. В офисе он поставил саквояж на пол, а тем временем Аннабел, чье сердце было переполнено счастьем и взбалмошным весельем, нахлобучила на себя шляпу Джимми и схватилась за ручку саквояжа.

– Ну как, выйдет из меня коммивояжер? – смеясь, воскликнула она. – Господи, Ральф, какой он тяжелый! Что у тебя там – золотые слитки?

– Никелированные рожки для обуви, – невозмутимо ответил Джимми, – триста штук. Я собираюсь их вернуть поставщику. А чтобы не было накладных расходов, думаю сделать это сам. Я что-то становлюсь кошмарно экономным.

В Первом городском банке только что закончили оборудовать новое сейфовое хранилище. Мистер Адамс отчаянно гордился новшеством и заставлял всех знакомых осматривать его. Само помещение было небольшим, но с патентованной стальной дверью, которая запиралась

одним поворотом рукоятки сразу на три мощных стальных засова и отпирались при помощи часового механизма. Мистер Адамс, сияя, объяснил действие механизма мистеру Спенсеру, который слушал вежливо, но не особенно вникая в суть дела. Обе девочки, Мэй и Агата, были в восторге от сверкающего металла, новенького часового циферблата и никелированных кнопок. Пока продолжалась экскурсия в хранилище, в банк вошел Бен Прайс и остановился, небрежно облокотившись на дубовое ограждение и якобы случайно заглядывая в офис. Кассиру он сообщил, что ему ничего не требуется, просто ему нужно дождаться одного знакомого.

Внезапно кто-то из женщин отчаянно вскрикнул, и в офисе поднялась суеда. Девятилетняя Мэй, расшалившись, заперла пятилетнюю Агату в хранилище. Она задвинула засовы и повернула ручку сейфового замка в точности так, как только что проделал это мистер Адамс.

Престарелый банкир бросился к двери и принялся ее дергать – без всякого результата.

– Ее невозможно открыть, – в ужасе простонал он. – Часы не были заведены, и управляющий замками механизм еще не отрегулирован.

Мать Агаты была на грани истерики.

– Попрошу тишины! – произнес мистер Адамс, вскинув дрожащую руку. – Помолчите хотя бы минуту... Агата! – крикнул он изо всех сил. – Ты слышишь меня?

Из-за толстого слоя металла едва слышно донеслись рыдания ребенка, обезумевшего от страха в полной темноте.

– Дитя мое! – заголосила мать. – Она же умрет там! Откройте! Взломайте эту дверь! Неужели вы, взрослые и сильные мужчины, ничего не можете?

– Человек, который знает секрет этого замка, живет в Литтл-Роке. Больше никому не под силу это сделать, – дрожащим голосом произнес мистер Адамс. – Боже ты мой! Спенсер, что же теперь делать? Малышка... Там не хватит воздуха, и у нее могут начаться судороги от страха...

Мать Агаты в отчаянии заколотила в дверь кулаками. Кто-то предложил пустить в ход динамит. Аннабел повернулась к Джимми, в ее чудесных глазах светилась тревога, но отчаяния в них не было. Так уж заведено: женщине, которая боготворит мужчину, всегда кажется, что для него нет ничего невозможного.

– Не могли бы вы что-нибудь сделать, Ральф? Может быть, стоит попробовать?

Джимми Валентайн взглянул на возлюбленную, и грустная улыбка тронула его губы.

– Аннабел, – сказал он, – подарите мне эту розу.



*Девушка отколола розовый бутон со своего корсажа  
и протянула Джимми.  
(Превращение Джимми Валентайна)*

Удивленная девушка отколола розовый бутон со своего корсажа и протянула ему.



Джимми воткнул бутон в жилетный карман, сбросил пиджак и засучил рукава. Временно Ральф Д. Спенсер перестал существовать, а его место занял Джимми Валентайн, сами знаете кто.

– Отойдите от дверей, все прочь! – коротко распорядился он.

Поставив свой саквояж на офисный стол, Джимми раскрыл его. С этой секунды все окружающее перестало для него существовать. Быстро и аккуратно разложив странные сверкающие инструменты неизвестного назначения и едва слышно насвистывая, как обычно за работой, Джимми сосредоточился и несколько секунд размышлял. Присутствующие смотрели на него в полном молчании, словно зачарованные. А уже в следующее мгновение любимое сверло Джимми мягко врезалось в патентованную сталь.

Через десять минут, побив все собственные рекорды, он отодвинул засовы и распахнул тяжелую бронированную дверь. Маленькую Агату, напуганную до полусмерти, но живую и невредимую, схватила в объятия мать.

Джимми Валентайн надел пиджак и, выйдя из-за перил операционного зала, направился к дверям. На ходу ему почудилось, что его негромко окликнул отдаленно знакомый голос, но он не остановился.

В дверях банка навстречу ему попался какой-то рослый мужчина.

– Здорово, Бен! – произнес Джимми все с той же странной улыбкой. – Выкопал-таки меня! Ну что ж, идем. Теперь-то уж все равно.

И тут Бен Прайс повел себя совершенно неожиданно.

– Вы, должно быть, ошиблись, мистер Спенсер, – сказал он. – По-моему, мы с вами незнакомы. Кстати, вас там до сих пор дожидается экипаж.

После чего Бен Прайс отвернулся и зашагал по улице.

## Русские соболя

Когда синие, как небо в сумерках, глаза Молли Мак-Кивер раз и навсегда покорили Малыша Брэди, ему пришлось выйти из состава банды «Дымовая труба». Такова власть женщин.

Свое название «Дымовая труба» получила от небольшого квартала, который служит естественным продолжением района Нью-Йорка, пользующегося особенно дурной славой, – Адской кухни. Протянувшаяся вдоль берега реки параллельно Одиннадцатой и Двенадцатой авеню, «Дымовая труба» охватывает своим пропахшим угольной гарью коленом небольшой и чрезвычайно унылый Клинтон-парк. Чтобы читатель разобрался в обстановке, напомним, что мастеров заваривать кашу в Адской кухне всегда водилось немало, но шеф-поварами в этом деле неизменно оказывались гангстеры «Дымовой трубы».

Члены этого широко известного братства, расфранченные по последней моде, торчат день и ночь на углах улиц, посвящая все свое время уходу за ногтями с помощью пилочек и перочинных ножей. Это безобидное занятие позволяет им вести продолжительные и непринужденные беседы, которые могут показаться случайному прохожему абсолютно невинными и малосодержательными.

Однако люди «Дымовой трубы» не просто украшают собой перекрестки, подобно оранжерейным цветам. У них имеются занятия посерьезнее – например, освобождать обывателей от их бумажников и прочих ценных предметов. В тех случаях, когда ошачливленный вниманием гангстеров обыватель не выражает готовности облегчить карманы самостоятельно, в ход идут кулаки и ножи. После чего жертва получает возможность излить свое разочарование в человечестве в окружном полицейском участке или в больничном приемном покое.

В конце концов «Дымовая труба» вынудила полицию относиться к себе с уважением и всегда быть начеку.

Но вернемся к Малышу Брэди, который только что поклялся своей Молли стать законопослушным гражданином. Брэди был самым физически сильным, самым сообразительным и вдобавок самым удачливым из всех членов банды. Из этого следует, что «Дымовой трубе» было жаль потерять его окончательно и бесповоротно.

Однако, пристально наблюдая за его восхождением к сияющим вершинам добродетели, парни из «Дымовой трубы» не выражали особого

негодования. Уж так повелось в Адской кухне: если кто-то следует желаниям своей подружки, про него никогда не скажут, что он поступает не по-мужски.

– Закрой кран, – потребовал Малыш как-то вечером, когда Молли, заливаясь слезами, молила его вернуться на стезю праведности. – И знай: я решил порвать с бандой. Кроме тебя, мне ничего не нужно. Я устроюсь на работу, через год мы поженимся. Снимем квартирку, заведем кота, купим швейную машинку и пальму в кадке и попробуем жить как люди. Я готов на все ради тебя.

– О Малыш! – воскликнула Молли. – За одни эти слова я готова отдать Нью-Йорк со всеми его потрохами! И подумай сам – много ли нам с тобой надо, чтобы быть счастливыми?

Малыш сокрушенно взглянул на свои ослепительно белые крахмальные манжеты и сверкающие лакированные туфли.

– Хуже всего придется по части тряпья, – проворчал он. – Ты знаешь, Молли, как я ненавижу всякую дешевую дрянь. Все должно быть высшего сорта, иначе это не по мне. А начни я работать – и прости-прощай портной с большими ножницами!

– Это мелочи, дорогой! В синем свитере ты мне куда милее, чем в красном лимузине, лишь бы за этот свитер было заплачено честно заработанными деньгами.

Давным-давно, еще в ранней юности, Малыш, пока у него еще не хватало сил, чтобы в драке одолеть папашу, был вынужден обучиться слесарному и паяльному делу. К этой почтенной профессии он и вернулся, став помощником владельца мастерской. Но, как известно, только владельцы мастерских позволяют себе носить запонки с бриллиантами размером с горошину и свысока поглядывать на особняки на Пятой авеню, а их помощники лишены этой привилегии.

Восемь месяцев пролетели, как антракт между двумя актами пьесы. Малыш трудился в поте лица, зарабатывая свой хлеб, а «Дымовая труба» по-прежнему держала в трепете весь район.

Малыш, однако, крепко держал свое слово и свою Молли, несмотря на то что ногти его были давно не полированы и каждое утро ему приходилось проводить перед зеркалом не меньше четверти часа, чтобы повязать свой винно-красный шелковый галстук так, чтобы не было видно вытертых краев ткани.

Но однажды вечером он явился домой с каким-то загадочным свертком подмышкой.

– Ну-ка, полубопытствуй! – небрежно обронил он, протягивая сверток

Молли. – Это тебе.

Нетерпеливые пальчики мигом сорвали обертку, и Молли непроизвольно вскрикнула. В ту же секунду в комнату ворвалось целое племя маленьких Мак-Киверов, а следом за ними – их мамаша, оторвавшаяся от лохани с посудой.

Молли снова издала невнятное восклицание, и что-то темное, волнистое и блестящее взвилось в воздух и обвило ее плечи.

– Русские соболя! – не без гордости изрек Малыш, любуясь нежной девичьей щечкой, опушенной драгоценным мехом. – Первоклассная штукавина.

Сунув ладошки в муфту, Молли устремилась к зеркалу, опрокинув по пути двух-трех сопляков из клана Мак-Киверов. Но позже, оставшись с Малышом наедине и немного поостыв, она почувствовала, что в бурном потоке ее радости присутствует некая холодная льдинка.

– Ты сокровище, Малыш. – В голосе Молли звучала искренняя благодарность. – Никогда еще мне не доводилось носить мехов. Но ведь русские соболя – баснословно дорогая штука, как мне говорили.

– А разве я когда-нибудь подсовывал тебе труху с дешевой распродажи? – с достоинством поинтересовался Малыш. – Допустим, это боа стоит двести пятьдесят долларов, а муфта – сто семьдесят пять. Но хорошие вещи, как тебе известно, – моя слабость. Черт побери, этот мех просто создан для тебя, Молли!

Молли, вне себя от восторга, прижала соболью муфту к груди. Но постепенно улыбка ее погасла, и она пытливо заглянула в глаза Малышу.

Он уже давно научился понимать каждый ее взгляд, поэтому рассмеялся и слегка покраснел.

– Даже и не думай об этом, – проговорил он грубовато. – Я же сказал тебе, что завязал навсегда. За этот мех заплачено все до цента.

– Из твоего заработка, Малыш? Из семидесяти пяти долларов в месяц?

– Само собой. Я экономил и откладывал.

– Постой, что же это получается... Четыреста двадцать пять долларов за восемь месяцев...

– Да брось ты эту чертову арифметику! – уже горячась, воскликнул Малыш. – Когда я пошел работать, у меня еще кое-что оставалось из старых запасов. Ты беспокоишься, что я снова связался с «Трубой»? Да я же сотню раз говорил тебе, что с этим кончено. Я купил этот мех, и все тут. Лучше надень его, и пойдем прогуляемся.

Молли удалось усыпить свою подозрительность – ведь соболий мех, как известно, этому способствует. Горделиво, как коронованная особа, она

шествовала по улице рука об руку с Малышом. Обитателям квартала еще никогда не приходилось видеть настоящих русских соболей, и весть о них распространилась с такой скоростью, что вскоре в каждом окне и двери торчали головы любопытных. Всякому хотелось поглазеть на роскошный мех, который Малыш Брэди преподнес своей зазнобе, а сумма, уплаченная за соболей, передаваясь из уст в уста, удваивалась и утраивалась.

Малыш вышагивал по правую руку от Молли с видом наследного принца. На углу, как обычно, торчал пяток молодых людей в отлично сшитых костюмах. Парни из «Дымовой трубы» отвлеклись на минуту – только для того, чтобы, приподняв шляпы, поприветствовать подружку Малыша, – и снова вернулись к беседе.

В это же время на некотором расстоянии от парочки следовал детектив Рэнсом из городского департамента полиции. Рэнсом был единственным детективом, которому позволялось безнаказанно появляться в здешних местах. Он был известен своей смелостью, старался оставаться в ладах с совестью и, отправляясь по делу в кварталы вроде Дымовой трубы, исходил из того, что их обитатели – такие же люди, как и он сам. К Рэнсому относились с уважением, и благодаря этому он нередко совершенно бесплатно получал необходимую ему информацию.

– Что это за суматоха на углу? – спросил Рэнсом проходившего мимо тощего молодого человека в красной фуфайке.

– Туземцы выползли из своих вигвамов поглазеть на бизоньи шкуры, которые Малыш Брэди навешал на свою бабенку, – отвечал молодой человек. – Болтают, он выложил за них девятьсот баксов.

– Я слышал, Брэди уже с год как вернулся к ремеслу, – сказал сыщик. – Он, что ли, совсем порвал с бандой?

– Работает, как проклятый, – подтвердила красная фуфайка. – Кстати, разве меха – не по вашей части? Чудится мне, что зверушки вроде тех, которых нацепила на себя его девчонка, не водятся в слесарных мастерских.

В две минуты Рэнсом догнал фланирующую парочку и тронул Малыша за локоть.

– На два слова, Брэди, – негромко проговорил детектив.

Лицо Малыша потемнело – дала себя знать старая ненависть к полиции. Затем оба отошли в сторону.

– Это ты был вчера у миссис Хезлкоут на Семьдесят второй улице? Ремонт канализации и все такое?

– Точно, был, – сказал Малыш. – А в чем дело?

– Гарнитур из русских соболей, оцениваемый в тысячу долларов, исчез

из ее квартиры вместе с тобой.

– А не пошел бы ты, Рэнсом! – вспыхнул Малыш. – Ты ведь отлично знаешь, что я с этим покончил. Я купил этот гарнитур не далее как вчера у... – внезапно он оборвал конец фразы.

– Ты честно работал в последние месяцы, – сказал Рэнсом, – и мне это известно. Поэтому, если ты действительно купил эти меха, пойдем вместе туда, где они были куплены, и уточним детали. Твоя девушка может отправиться с нами, даже не снимая своих соболей.

– Идем, – сердито проговорил Малыш. Потом вдруг остановился и со странной улыбкой взглянул на перепуганное лицо Молли.

– Ни к чему это все, – угрюмо сказал он. – Это старухины соболя. Тебе придется вернуть их, Молли. Но если бы они стоили целый миллион, и тогда они не были бы вполне хороши для тебя.

– Ох, Малыш, ты окончательно разбил мне сердце! – едва смогла выговорить потрясенная Молли. – Я же так гордилась тобой... А теперь они закатают тебя в тюрьгу, и тогда конец всему!

– Иди домой! – окончательно выходя из себя, рявкнул Малыш. – Пошли, Рэнсом, забирай меха. Чего ты встал столбом? Нет, постой, клянусь, я... А, к дьяволу, пусть меня лучше повесят...

В этот момент из-за угла дровяного склада показалась фигура полицейского Коэна, совершающего обход улиц. Детектив поманил его к себе. Коэн приблизился, и Рэнсом растолковал ему ситуацию.

– Ну да, – закивал Коэн. – Я слышал на инструктаже, что пропали соболя. Так ты, что ли, нашел их?

Коэн приподнял на ладони конец бывшей собственности Молли МакКивер, подул на мех и слегка пригладил его тыльной стороной ладони.

– Знаешь, Рэнсом, – сказал он, – когда-то я работал старшим приказчиком в меховом магазине на Шестой авеню. И вот что я тебе скажу. Это, конечно, соболя. Но не из Сибири, а с Аляски. Красная цена этому боа – двенадцать долларов, а муфте...

Бамс! Крепкая пятерня Малыша, словно сургучная печать, залепила полицейскому рот. Коэн покачнулся, но сохранил равновесие. Молли взвизгнула. Детектив мгновенно ринулся вперед, а в следующую секунду на запястьях Малыша защелкнулись наручники.

– Так вот, – упорно гнул свое полицейский. – Это боа стоит двенадцать долларов, а муфта – девять. И нечего мне морочить голову русскими соболями!

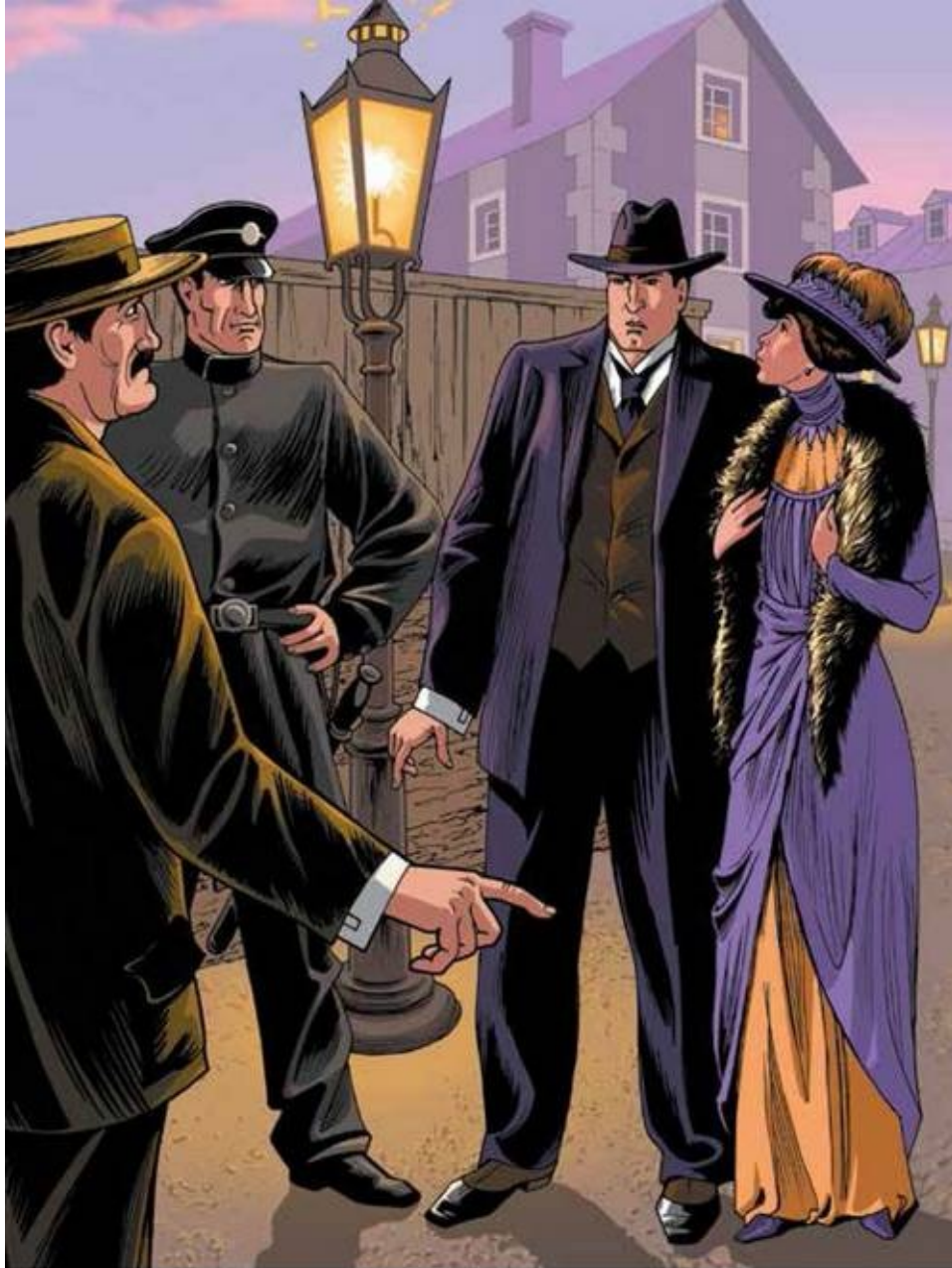
Малыш опустился на сваленную под оградой лесопилки груды бревен, и лицо его залилось краской стыда.

– Ты все верно сказал, чертов всезнайка! – с ненавистью процедил он, испепеляя взглядом полицейского. – Я заплатил двадцать один доллар пятьдесят центов за весь гарнитур. И это я, крутой парень, презирующий всякую дешевку!.. Мне куда легче было бы отсидеть полгода в тюрьме, чем признаться в этом. Да, Молли, я просто жалкий хвостун – на мои заработки тебе еще долго не носить русских соболей.

Молли с визгом кинулась ему на шею:

– Не нужно никаких соболей! Ничего на свете мне не нужно, кроме моего Мальша! Ах ты, глупый, глупый индюк, сумасшедший задавака!

– Сними с него наручники, – сказал Коэн детективу. – В участок уже звонили, что эта дамочка обнаружила свой гарнитур, он болтался у нее в шкафу. А вам, молодой человек, я прощаю непочтительное обращение с моей физиономией, но только в этом исключительном случае.



*Молли набросила на плечи боа —  
и жест этот был поистине достоин герцогини.  
(Русские соболя)*

Рэнсом вернул Молли ее меха. Не спуская с Мальша сияющего взора, она набросила на плечи боа – и жест этот был поистине достоин герцогини.

– Парочка молодых кретинов, – сказал Коэн сыщику. – Давай убираться отсюда.



## Новая сказка Шахерезады

Джейкоб Спраггинс подошел к дубовому буфету с баром, который обошелся ему в тысячу двести долларов, налил в стакан выдержанного шотландского виски, добавил содовой и выпил одним махом. Под воздействием этого напитка его, надо полагать, осенило прозрение, ибо он хватил кулаком по дубовой панели и громогласно объявил, обращаясь к своей пустой столовой:

– Побей меня бог, все дело в этих десяти тысячах! Если б свалить это с плеч, мне бы, может, и полегчало!

А теперь, заинтересовав читателя с помощью такого незатейливого приема, мы затормозим действие и кратко изложим историю жизни этого действующего лица за последние пятнадцать лет.

Когда нынешний Джейкоб был еще довольно молодым Джейкобом, он работал отбойщиком на угольной шахте в Пенсильвании. Однако, вместо того чтобы помереть от голодного изнурения в возрасте девяти лет и оставить престарелых родителей и малолетних братьев на попечение забастовочного комитета, он уперся, потуже затянул пояс и стал время от времени вкладывать доллар-другой в разные предприятия на стороне. Иначе говоря, к сорока пяти годам Спраггинс оказался обладателем капитала в двадцать миллионов долларов.

Вот и все. Ничего особенно примечательного.

Наше знакомство с Джейкобом Спраггинсом приходится на тот момент, когда он достиг седьмой ступени своей карьеры. Первой можно считать скромное происхождение, второй – заслуженное повышение, третьей – положение акционера и совладельца компании, четвертой – статус капиталиста, владельца нескольких предприятий, пятая ступень – трестовский магнат, шестая – богатый злоумышленник, седьмая – олигарх-миллионер, или, если обратиться к уже упомянутой в заглавии «Тысяче и одной ночи», – калиф. Восьмую стадию можно отнести к области мистики или, если угодно, высшей математики.

В возрасте пятидесяти пяти лет Джейкоб удалился от дел. Деньги, однако, продолжали течь на его счета: это были доходы от угольных шахт, железных рудников, нефтяных промыслов, железных дорог, заводов, корпораций. За три миллиона долларов Джейкоб приобрел дворец на углу Шестой авеню в нашем Новом Багдаде и почувствовал себя настоящим Гаруном ар-Рашидом<sup>[43]</sup>.

Когда человек до того разбогател, что из мясной лавки ему присылают именно тот кусок мяса, какой был заказан, он начинает задумываться о спасении души – то есть соотносить размеры верблюда, разгуливающего в вольере зоологического сада, с игольным ушком. А ведь Библия недаром упоминает это животное в связи с шансами богачей протиснуться в Царствие Небесное! И Спраггинс принял решение встать на путь широкой благотворительности.

Первым делом он велел секретарю послать Всеобщей благотворительной ассоциации чек на миллион долларов. Ассоциация своевременно уведомила отправителя о получении его чека. Затем Джейкоб отыскал самый богатый и старый колледж и пожертвовал ему двести тысяч долларов на оборудование кабинетов и лабораторий. В колледже эти деньги употребили на устройство оборудованных по последнему слову науки туалетов, однако жертвователю не усмотрел в этом заметной разницы. Ученый совет, собравшись, постановил: просить мистера Спраггинса прибыть лично, чтобы принять от колледжа почетный диплом бакалавра.

Накануне того дня, когда Джейкобу предстояло облечься в мантию ученого мужа, он прогуливался по территории колледжа. Мимо, беседуя, прошли двое профессоров, и их звучные голоса, натренированные в аудиториях, случайно достигли его слуха.

– Смотрите-ка, вот он идет, – сказал один из профессоров, – этот кровожадный пират индустрии, вздумавший прикупить у нас лекарство от бессонницы. Завтра он получит свой липовый диплом.

– По совести говоря, – ответил другой, пренебрегая ученой латынью, – шарахнуть бы его сейчас как следует! Ведь физиономия кирпича просит!

Таким образом, чаша с ученым напитком, купленным столь недешево, оказалась отравленной горечью. Эликсира забвения в ней не оказалось, как и пропуска в высшие небесные сферы.

В результате Джейкоб разочаровался в масштабной благотворительности.

– Тех, кому делаешь добро, – решил он, – надо видеть в лицо. Поговоришь с человеком, услышишь, как горячо он тебя благодарит, – глядишь, и легче станет на сердце. А жертвовать всяким там обществам и организациям – все равно что бросать четвертаки в испорченный автомат.

И Джейкоб отправился в самые грязные трущобы, туда, где обитали самые убогие бедняки.

– Это самое то, что мне требуется, – заявил он. – Зафрахтую пару пароходов, посажу на них тыщонку бедных детишек, набью трюмы куклами, барабанами и тележками с мороженым и повезу кататься по

заливу. Пусть их обдует морским ветерком, авось и с тех денег, будь они неладны, которые сами сыплются ко мне в карман, сдует малость грязи. А то я уже не успеваю придумывать, куда бы их сплавить!..

Не тут-то было. Вероятно, Джейкоб где-то сболтнул о своих благотворительных намерениях, потому что перед ним внезапно возник дюжий верзила с бритой физиономией, зацепил Спраггинса согнутым пальцем за пояс и затолкал его в угол между будкой цирюльника и урной для мусора. Речь его была такой гладкой и вежливой, будто каждое слово затянуто в лайковые перчатки, но явственно чувствовалось, что под мягкой лайкой прячется увесистый кулак.

Из сказанного верзилой выяснилось, что данный квартал состоит в ведении некоего Майка О'Грэди, и только Майк утирает здесь слезы сиротам, а ежели требуется устроить пикник или раздачу воздушных шаров, то делается это исключительно на средства Майка, и посторонним сюда соваться незачем. Так что не стоит садиться за чужой стол, и тогда вам не поднесут закуску, которая не придется вам по вкусу. Здешний люд для Майка – свои, и всяких там социологов, миллионеров, исправителей нравов и прочей шантрапы он сюда ни за что не допустит.

В общем, стало совершенно ясно, что этот участок нивы благотворительности уже застолбили без него. И калиф Спраггинс перестал тревожить народ в Ист-Сайде. Чтобы избавиться от излишков неудержимо растущего капитала, он удвоил пожертвования благотворительным обществам, преподнес Союзу христианской молодежи коллекцию бабочек стоимостью в десять тысяч долларов и отправил голодающим в Китае столь внушительный чек, что на него можно было бы вставить всем изваяниям Будды глаза из изумрудов и зубы с бриллиантовыми пломбами.

Увы – ни одно из этих добрых дел не принесло покоя сердцу калифа. Даже попытки обратить свои благодеяния на личности ни к чему не привели. Он раздавал коридорным и официантам по десять и двадцать долларов чаевых, но те только потешались над ним, тогда как от других с почтением и благодарностью принимали вознаграждение, действительно соразмерное их услугам. Он отыскал неизвестную, но талантливую и честолюбивую молодую актрису и купил ей главную роль в новой комедии. Но вместо блистательного взлета новой звезды юная особа затеяла против него судебный процесс, обвинив калифа в неприличных домогательствах. Только полное отсутствие улик не позволило ей облегчить карман своего благодетеля на сотню-другую тысяч.

А тем временем капитал Спраггинса продолжал расти, и «лихорадка игольного ушка» – недуг терзаемых совестью богачей – не выпускала его

из своих цепких лап.

Вместе с нашим калифом в особняке за три миллиона долларов проживала его сестра Генриетта, в прошлом повариха в забегаловке для горняков в Кокстауне, где подавали обеды из двух блюд за двадцать пять центов. Теперь же эта особа, если бы ей довелось здороваться с министром промышленности, подала б ему разве что два пальца. Кроме того, со Спраггинсом жила и его девятнадцатилетняя дочь мисс Селия, только что вернувшаяся из пансиона, где квалифицированные педагоги обучили ее читать меню во французских ресторанах и придали прочий необходимый для светской жизни лоск.

Вообще-то, мисс Селия и есть героиня нашего рассказа. Девушка имела приятную наружность, хотя и была несколько долговязой, бледноватой и застенчивой. В то же время глаза ее постоянно сияли, а с губ не сходила улыбка. От отца она унаследовала пристрастие к самой простой еде, свободным платьям и общению с представителями низших классов. Молодость и крепкое здоровье помогали ей легко нести бремя богатства. Рот ее был вечно набит грошовыми мятными леденцами, к тому же Селия отлично умела насвистывать матросские танцы.

Однажды утром девушка выглянула в окно и подарила свое сердце юному возчику из соседней зеленой лавки. Молодой человек не заметил драгоценного подарка, потому что как раз был занят своей лошадью, которая не желала стоять смиренно, пока он извлекал из фургона корзины со свежими яйцами.

Молодой человек из зеленой лавки был строен, широкоплеч и отличался свободой и непринужденностью движений. Серая велосипедная кепка, сдвинутая на затылок, чудом держалась на его белокурых вьющихся волосах, а на лице лежал золотистый загар. Когда же он брал в руки кнут, то невольно вспоминались самые выдающиеся фехтовальщики, демонстрирующие высший класс своего искусства.

Поставщики провизии попадали в особняк Спраггинсов через задние двери со стороны кухни. Фургон юного зеленщика подкатывал туда ровно в десять утра. Три дня подряд Селия следила из окна за молодым возчиком и лишь после этого поделилась своей тайной с Аннет.

Аннет Мак-Коркл, вторая горничная Спраггинсов, заслуживает отдельного упоминания. Эта особа в невероятных количествах поглощала дамские романы, которые охавками брала в публичной библиотеке. Кроме того, она была верной наперсницей Селии и неизменной участницей всех ее затей.

– Ах-ах, как это мелодраматично! – воскликнула Аннет. – Ну прямо

для сцены! Вы, наследница миллионов, и влюбились с первого взгляда! Он в самом деле очень славный и не похож на возчика. И вовсе не донжуан, какими обыкновенно бывают возчики, во всяком случае, на меня он ни разу не обратил внимания.

– А на меня обратит, – твердо заявила Селия.

– Конечно, богатство и все такое... – не без язвительности начала было Аннет.

– Положим, не такая уж ты и красотка, – простодушно улыбаясь, прервала ее Селия. – Да и меня красавицей не назовешь. Но хороша я или дурна, а влюбится он не в мои доллары, а в меня, это я тебе гарантирую. Ну-ка, одолжи мне один из твоих передников и наколку.

– Ах, я, кажется, понимаю! – воскликнула Аннет. – Это просто прелестно! Совсем как в «Злоключениях пуговичника». Готова биться об заклад, что он окажется переодетым графом!

Вдоль задней стены особняка тянулась длинная застекленная галерея, и по этой галерее каждый день молодой возчик поднимал свой товар в кухню. Как-то раз по пути ему попала навстречу девушка в переднике и крахмальной наколке. У нее были блестящие глаза, бледноватые щеки и прелестный смеющийся рот. Но поскольку зеленщик в эту минуту был нагружен корзиной с ранним салатом и помидорами, а в другой руке имел три пучка спаржи и шесть банок с первосортными маслинами, то он только мельком отметил, что вот, должно быть, одна из здешних горничных.

Когда он возвращался, девушка была еще в галерее, а приблизившись, зеленщик услышал, что она насвистывает «Рыбацкий танец», да так звонко и чисто, что ей позавидовала бы любая флейта-пикколо.

Парень остановился и сбил на затылок свою кепку так, что она едва не свалилась вовсе.

– Вот это ловко, малышка! – воскликнул он.

– Меня зовут Селия, с вашего позволения, – отвечала свистунья, сопровождая свои слова ослепительной белозубой улыбкой.

– Очень приятно. А меня Томас Маклеод. Вы тут работаете?

– Я... я младшая горничная, убираю гостинные.

– А скажите, знакомы ли вам «Каскады»?

– Нет, – ответила Селия. – Откуда? У нас совсем нет знакомых. Мы слишком быстро разбога... я хочу сказать, мистер Спраггинс слишком быстро разбогател.

– Ну, ничего, я вас познакомлю, – сказал Томас Маклеод. – Это шотландский танец, двоюродный брат вашего рыбацкого.

Если, слушая Селию, флейта-пикколо признала бы себя побежденной,

то искусство Томаса Маклеода заставило бы любую большую флейту почувствовать себя детской глиняной свистулькой. Когда молодой человек закончил насвистывать, Селия была готова прыгнуть к нему в фургон и ехать с ним хоть до того последнего берега, где старый Харон держит свой перевоз в царство умерших.

– Я буду здесь завтра в десять пятнадцать, – сказал Томас, – с корзинкой шпината и пачкой стиральной соды.

– А я пока поупражняюсь в этих, как их там... «Каскадах», – ответила Селия. – Я могу свистеть партию второго голоса.

Ухаживание – дело сугубо интимное. Но некоторых его моментов может коснуться и литература, не вторгаясь в сферу полиции нравов.

По прошествии очень недолгого времени наступил день, когда Селия и Томас Маклеод уединились в дальнем конце галереи для серьезного разговора.

– Шестнадцать долларов в неделю – это, конечно, не бог весть что, – сказал Томас, вновь сдвигая свою кепчонку на самые лопатки.

Селия уставилась в застекленную стену и принялась насвистывать похоронный марш. Именно эту сумму она не далее как вчера заплатила за дюжину носовых платков, отправившись с тетушкой Генриеттой за покупками.

– Но в следующем месяце я надеюсь получить прибавку, – продолжал Томас. – Завтра буду здесь в обычное время – с мешком муки и ящиком хозяйственного мыла.

– Хорошо, – сказала Селия. – Моя замужняя сестра Аннет платит всего двадцать долларов в месяц за квартирку в Бронксе.

Селия в своих планах ни секунды не полагалась на спраггинсовские миллионы. Уж слишком хорошо ей были известны аристократические замашки тетушки Генриетты и властная натура ее папаши. И если ее выбор падет на неизвестного Томаса из зеленой лавки, и самой Селии, и ее супругу будет предоставлена полная свобода свистеть в кулак<sup>[44]</sup>.

Прошло еще несколько недель – и благолепную тишину Шестой авеню нарушили трели «Дьявольской мечты», которую Томас мастерски высвистывал сквозь зубы.

– Вчера получил прибавку, – объявил он. – Теперь мне будут платить восемнадцать долларов в неделю. Справлялся о ценах на жилье на Морнинг-Сайд. Еще одна прибавка – и можешь снимать передник и наколку.

– Ах, Томми! – воскликнула Селия. – А может, и этого будет достаточно? Бетти обещала научить меня готовить дешевое печенье. Его

делают из крошек, собранных за неделю, называется «Бедный Питер».

– Лучше бы назвать его «Бедный Томас», – посоветовал Томас Маклеод.

– И еще я умею подметать, вытирать пыль и... и начищать бронзовые дверные ручки. А по вечерам мы могли бы свистеть дуэтом.

– Хозяин сказал, что с Рождества повысит плату до двадцати долларов в неделю, если на рынке ничего не произойдет.

– А я умею варить варенье из айвы, – сказала Селия. – И знаю, что, когда приходит человек, чтобы снять показания газового счетчика, нужно сначала попросить, чтобы он показал свой служебный значок. И еще я умею поднимать петли на чулках и шторы на окнах.

– Здорово! Ты, Селли, просто на все руки. Я думаю, мы уложимся и в восемнадцать в неделю.

Когда он уже садился на козлы, Селия, рискуя выдать себя, выбежала к воротам.

– Томми, Томми, – нежно окликнула она возлюбленного, – кроме того, я могла бы сама шить тебе галстуки. Я только сейчас вспомнила.

– И сразу забудь, – решительно потребовал Томас. – Если меня сегодня пошлют в Вест-Сайд, я загляну там в один магазинчик – присмотрю кое-какую мебелишку.

Ровно в ту минуту, когда фургон Томаса Маклеода выезжал в задние ворота особняка, Джейкоб Спраггинс, как уже было сказано вначале, саданул кулаком по буфету и произнес загадочную фразу о десяти тысячах долларов. Поэтому здесь требуется краткое разъяснение.

Первый камень в фундамент своего грядущего богатства Спраггинс заложил, когда ему было всего двадцать лет. Один углекоп скопил пару десятков долларов и приобрел небольшой участок земли на каменистом склоне. Он собирался выращивать там кукурузу, но уже в то время молодой Спраггинс нюхом чуял, где можно пожить, и этот нюх подсказывал ему, что прямо под этим участком лежит угольный пласт. Джейкоб сторговал участок у владельца за сто двадцать пять долларов, а через месяц продал его за десять тысяч. Когда весть об этом дошла до злосчастного углекопа, у того еще оставалось достаточно денег, чтобы с помощью усиленного потребления кукурузного виски обеспечить себе белую горячку и уютное местечко в доме для умалишенных.

И вот спустя сорок лет после этих событий Джейкоба внезапно осенила идея, что если ему удастся возместить эти десять тысяч наследникам спятившего углекопа, то это наконец-то обеспечит мир и покой его истерзанной душе.

Сказано – сделано. Джейкоб нанял десяток частных детективов и велел им хоть из-под земли вырыть всех наследников старого углекопа по имени Хью Маклеод.

После того как детективы то и дело пускались по ложным следам на протяжении целых трех тысяч долларов, они наконец-то обложили Томаса Маклеода в заднем помещении зеленой лавки и вырвали у него признание, что Хью Маклеод приходился ему родным дедушкой и никаких других наследников старика в природе не существует. После чего в одном из офисов детективного агентства было устроено свидание юного Томаса со старым Джейкобом Спраггинсом.

Совершенно неожиданно молодой человек очень понравился Джейкобу. Ему пришлось по душе то, что Томас при разговоре смотрит прямо в глаза собеседника, и даже то, как он, усевшись, нахлобучил свою кепку на фарфоровую вазу, торчавшую посреди стола. Но в плане Спраггинса было одно слабое место. Он не сразу сообразил, что для того, чтобы искупление оказалось действительно полным, ему придется покаяться в прежних грехах, в том числе и в том, как он обвел вокруг пальца покойного деда этого юноши. Поэтому при встрече с Томасом ему пришлось выдать себя за агента, действующего от имени того лица, которое некогда сторговало участок, а теперь желало бы для очистки совести вернуть нечестно нажитое наследникам обманутого углекопа.

– Хм! – сказал Томас. – Уж слишком похоже на новогоднюю открытку с надписью: «Мы тут классно проводим время». Но я не знаю правил вашей игры. Здесь сразу выдают десять тысяч долларов или надо набрать еще сколько-то очков?

Джейкоб торопливо отсчитал двадцать купюр по пятьсот долларов. Ему казалось, что расчет наличными будет выглядеть эффектнее, чем вручение чека. Томас, задумчиво поглядывая на сидевшего перед ним господина, спрятал деньги в нагрудный карман.

– Ну что ж, – сказал он, – передайте большое спасибо от дедушки и от меня тому, кто вас послал.

Но Джейкобу не хотелось просто так его отпускать. Он принялся расспрашивать, где Томас работает, как проводит свободное время и каковы его планы на будущее. И чем больше он узнавал о Томасе Маклеоде, тем больше тот ему нравился. Такого простого, прямого и честного характера ему не доводилось встречать за всю свою карьеру.

– Загляните как-нибудь ко мне, – напоследок сказал он. – Я мог бы дать вам несколько стоящих советов насчет того, в какие акции вложить эти деньги. Я ведь и сам весьма состоятельный и успешный человек. У меня



есть взрослая дочь – мне хотелось бы вас ей представить. Заметьте, далеко не всякому я бы предложил эту честь.

– Очень признателен, – сказал Томас. – Но мне как-то не с руки наносить визиты в такие дома. Если я их и наношу, то с черного хода. Кроме того, я обручен с одной девушкой, и это, знаете ли, такая девушка, что лучше ее на всем свете не найти. Она работает горничной в одном доме, в который я доставляю товар, но, думаю, теперь ей недолго там осталось трудиться. А теперь прошу извинить, меня фургон дожидается, надо еще в пару мест доставить зелень. Всяческих благ, сэр!

В одиннадцать утра Томас сдал несколько пучков пастернака и салата на кухню в особняке Спраггинсов. Ему было всего двадцать два года, поэтому он не смог отказать себе в удовольствии, уже уходя, вытащить из кармана пачку купюр, каждая в пятьсот долларов, и помахать ими перед носом у Аннет. Глаза у второй горничной стали круглые, как луковицы в супе, и она помчалась на кухню поделиться новостью с кухаркой.

– Я же говорила, что он переодетый граф! – воскликнула она, закончив рассказ. – Но на меня он никогда не обращал внимания.

– Граф? – переспросила кухарка. – Ты ведь говоришь, что он деньги показывал?

– Тысячи, сотни тысяч! – закивала Аннет. – Охалками вынимал из кармана! А на меня даже и взглянуть не захотел!..

– Гляди-ка, Селли, это мне сегодня заплатили, – тем временем объяснял Томас Селии, стоя с нею все в том же конце галереи. – Наследство от дедушки. Слушай, малышка, чего еще ждать? Я сегодня же возьму расчет в лавке. Почему бы нам не пожениться на следующей неделе?

– Томми, – набрав в грудь побольше воздуха, проговорила Селия. – Я не горничная. Я обманывала тебя, уж прости меня. Я – мисс Селия Спраггинс... В газетах недавно писали, что со временем я буду стоить сорок миллионов.

Томас поймал кепку на затылке и в первый раз с тех пор, как мы с ним познакомились, нахлобучил ее на лоб.

– Так, – сказал он. – Вот оно что... Значит, как я понимаю, мы не поженемся на будущей неделе. Но свистать вы, мисс, все-таки здорово научились.

– Да, – сказала Селия, – мы не поженемся на будущей неделе. Папа ни за что не позволит мне выйти замуж за возчика из зеленой лавки, даже если у него десять тысяч в кармане. Но если ты не против, Томми, мы поженемся нынче вечером...

В девять тридцать вечера Джейкоб Спраггинс подкатил к особняку в

своём автомобиле. Едва войдя в дом, старый Джейкоб потребовал, чтобы дочь спустилась к нему. Он купил ей в подарок рубиновое ожерелье и остро нуждался в том, чтобы услышать из ее уст, что второго такого заботливого и милого отца нет на всем белом свете.

Произошла некоторая заминка, пока якобы искали Селию, после чего перед Спраггинсом предстала Аннет. В ее глазах горел чистый огонь преданности и любви к истине – но с небольшой примесью зависти и актерской экзальтации.

– О сэр! – воскликнула она, прикидывая про себя, не следует ли ей в данную минуту бухнуться на колени. – Мисс Селия только что убежала из дому через черный ход. Ее увез тот самый молодой человек, который намерен на ней жениться. И я не смогла ее удержать – они уехали в кэбе.

– Какой еще молодой человек? – взревел Джейкоб.

– Миллионер, сэр, переодетый граф! У него полны карманы денег, а сладкий перец, огурцы и лук служили ему только для отвода глаз. На меня он не обращал ни малейшего внимания...

Джейкоб ринулся к парадной двери. Автомобиль все еще стоял у ступеней особняка. Шофер замешкался, прикуривая на порывистом ветру сигарету.

– Эй, Гастон! Живо гоните вон за тот угол, а заметите впереди кэб, любой ценой остановите его!

Едва автомобиль свернул за угол, как метрах в двухстах впереди замаячил силуэт кэба. Водитель дал газ, мотор взревел, и когда машина настигла кэб, он аккуратно подрезал его и притер к обочине.

– Ты что, спятил, что ли? – заорал кэбмен.

– Папа! – взвизгнула Селия.

– Ба, да ведь это давешний агент! – изумился Томас. – Опять, что ли, дедова приятеля загрызла совесть? Что ж он там еще натворил?

– Черт, – пробормотал водитель, жуя погасшую сигарету. – Опять потухла! А спички все кончились.

– Молодой человек, – строго произнес Спраггинс, – а как же с той горничной, с которой вы, по вашим словам, обручены?

Прошло два года. Как-то утром старый Джейкоб вошел в кабинет своего секретаря.

– Объединенное общество миссионеров просит вас пожертвовать тридцать тысяч долларов на обращение корейских крестьян в христианство, – сказал секретарь.

– Отказать, – сухо обронил Джейкоб.

– Плаввилльский университет напоминает, что субсидия в пятьдесят тысяч долларов, которую вы объявили ежегодной, не поступила.

– Напишите ученому совету, что я ее отменил.

– Имеется также письмо от Научного общества по изучению моллюсков Лонг-Айленда с просьбой выделить десять тысяч долларов на спирт для препаратов.

– В корзину его.

– Общество «Женщине-работнице – здоровый досуг» спрашивает десять тысяч долларов на строительство поля для гольфа.

– Пусть обращаются в похоронное агентство. С этого дня я прекращаю всякие пожертвования, – продолжал Джейкоб. – Хватит нам так называемых «добрых дел». Теперь мне дорог каждый доллар. Напишите директорам всех компаний, которые находятся под нашим контролем, что я требую от них снизить заработную плату персоналу на десять процентов. Кстати, только что, проходя через холл, я заметил, что в углу валяется обмылок. Скажите уборщице, что нельзя швыряться добром. Не в моих правилах сорить деньгами. И вот еще что: монополия на уксус принадлежит нашей корпорации?

– Так точно, – ответил секретарь. – Всеамериканская компания пряностей и приправ в данное время полностью контролирует рынок.

– Повысить цену на уксус на два цента за галлон. Доведите эту информацию до всех отделений.

Внезапно багровое лицо Джейкоба Спраггинса расплылось в улыбке. Он шагнул к столу секретаря и показал ему крохотное розовое пятнышко на своем толстом, как баварская сосиска, указательном пальце.

– Укусил! – сказал он. – И еще как укусил! Представляете: трех месяцев нет, а уже зубки режутся! Это работа Джеки Маклеода, сынишки моей Селии. К двадцати одному году этот мальчуган будет стоить сто миллионов – уж я как-нибудь постараюсь их для него наскрести.

В дверях Джейкоб приостановился и добавил:

– А цену на уксус, пожалуй, стоит повысить не на два, а на три цента. Заготовьте бумаги, через час я вернусь и все подпишу...



**notes**

## **Примечания**

**1**

Должностное лицо в США, выполняющее административные и отдельные судебные функции. (*Здесь и далее прим. ред.*)

2

Героиня одноименного фильма с участием Мэри Пикфорд.

**3**

Единица длины, распространенная в США и равная 1,609 км.



4

Рассуждения, формулирующие исходное понятие.

Растения, используемые в медицине.

В Древней Иудее высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган.

Однообразные медленные движения руками над лицом больного при введении его в состояние гипноза.

8

Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты.

**9**

Единица массы, в США равна 453 г.

**10**

Самое главное, важное, наиболее существенное.

**11**

Ценная бумага, дающая право на получение части прибыли акционерного общества и на участие в управлении им.



Имеется в виду Демосфен, один из знаменитейших ораторов античности.

Имеется в виду легенда о Гамельнском Крысолове. Согласно ей, музыкант, которому власти Гамельна отказались выплатить вознаграждение за избавление от крыс, с помощью колдовства увел за собой всех детей города и погубил их.

**14**

Цена товара, объявляемая продавцом или покупателем.

**15**

Решение чего-либо голосованием.

Помощь неимущим, благотворительность.

**17**

Равен 0,3 м.

**18**

То есть 0,24 л.

Петли, крепежная и столярная фурнитура, шпингалеты, защелки, ручки и т. п.



Регион на северо-востоке США.

**21**

В США баррель для жидкости равен 119,2 л.

Американский предприниматель, банкир и финансист.

**23**

Резной камень с выпуклым изображением.

Редкость, ценная редкая вещь.

Согласно Библии, пища, которой был накормлен Моисей и его соплеменники во время сорокалетних скитаний после исхода из Египта.

Совокупность признаков, характеризующих состояние экономики в определенный период.

В древнегреческой мифологии: бог сновидений.



Член фермерской партии.

Положение, принимаемое за непреложную истину, некритически.

Согласно Библии, был изгнан из рая после того, как, послушавшись Бога, вкусил плод с Древа познания добра и зла.

Низший полицейский чин.

Прославленная скульптура древнегреческого скульптора Мирона (середина V в. до н. э.).

Игра слов: клептомания – непреодолимое стремление к воровству, *здесь* – воровство свиней.

Равен 4,55 л.

Человек, тщательно подражающий аристократическим манерам, претендующий на изысканно-утонченный вкус.



Съестные припасы, пища.

Земельная мера, равна  $1/250$  км<sup>2</sup>.

Единица измерения расстояния, равна 0,91 м.

Обычай кровной мести.

Вагон особой конструкции, прицепляемый непосредственно к паровозу; в нем размещают топливо и воду.

Заросли кустарников с жесткими листьями.

*Царица Савская и царь Соломон* – легендарные правители древности, которые были сказочно богаты.

Арабский халиф с 786 по 809 г. Подлинный Гарун ар-Рашид был мало похож на доброго, великодушного государя из «Тысячи и одной ночи».



Прожившись, сидеть без денег.